

Е. В. Сенько

НЕОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕЖУРОВНЕВЫЙ АСПЕКТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2007

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
С31

Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. – СПб.: Наука, 2007.

ISBN 978-5-02-025192-2

В монографии рассматривается обновление русского языка в аспекте взаимодействия лексики с другими языковыми уровнями, описываются тенденции, играющие ведущую роль в динамике русской языковой системы рубежа XX — XXI вв.

Для филологов и всех, интересующихся проблемами языка.

Рецензенты:

д-р филол. наук, ведущий научн. сотрудник
Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН *Е. Б. Бесолова*;

д-р филол. наук, проф. каф. русского языка и методики
преподавания Белгородского государственного университета
Н. А. Алефиренко

ISBN 978-5-02-025192-2

© Е. В. Сенько, 2007

© Издательство «Наука», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ И ПРИЧИНЫ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ	11
<i>1.1. Виды классификаций новых слов</i>	<i>11</i>
<i>1.2. Лексические инновации в языке</i>	<i>12</i>
<i>1.3. Лексические инновации в речи</i>	<i>22</i>
<i>1.4. Потенциальные неологизмы</i>	<i>26</i>
<i>1.5. Ономаσιологический аспект категории нового</i>	<i>30</i>
<i>1.6. Экстралингвистическая обусловленность лексических инноваций.....</i>	<i>37</i>
<i>1.7. Факторы неологизации, порождаемые функцией языка как средства общения</i>	<i>50</i>
<i>1.8. Выводы</i>	<i>64</i>
<i>Примечания</i>	<i>67</i>
ГЛАВА 2. СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОГО СЛОВА.....	69
<i>2.1. Динамика семантической структуры слова как механизм неологизации</i>	<i>69</i>
<i>2.2. Непрямая номинация как основа семанти- ческого обновления лексики</i>	<i>78</i>
<i>2.3. Вторичная косвенная номинация как вспомога- тельный механизм лексического обновления.....</i>	<i>104</i>
<i>2.4. Сужение и расширение объема источника семантических инноваций</i>	<i>108</i>

<i>2.5. Морфологическая деривация как способ возникновения семантических инноваций</i>	116
<i>2.6. Выводы</i>	122
<i>Примечания</i>	125
ГЛАВА 3. РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ НЕОЛОГИЗАЦИИ	128
<i>3.1. Взаимодействие лексики и фразеологии в процессе неологизации</i>	128
<i>3.2. Эллипсис фраземы как форма ее движения к лексико-семантической инновации</i>	135
<i>3.3. Деривационные отношения фразем и отфраземных инноваций</i>	138
<i>3.4. Семантические отношения фразеологических единиц и отфраземных инноваций</i>	161
<i>3.5. Выводы</i>	175
<i>Примечания</i>	179
ГЛАВА 4. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗАЦИИ	182
<i>4.1. Взаимодействие лексики и словообразования в процессе неологизации</i>	182
<i>4.2. Новые тенденции в образовании сложных слов</i>	189
<i>4.3. Новые тенденции в образовании аббревиатур</i>	207
<i>4.4. Новые явления в аффиксальном слово-производстве</i>	221

4.5. Выводы	245
Примечания	250
ГЛАВА 5. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.....	253
5.1. Взаимосвязь лексического и граммати- ческого уровней в процессе неологизации.....	253
5.2. Инновации в системе частей речи и лексико- грамматических разрядов.....	262
5.3. Инновации в системе грамматических	284
категорий.....	298
5.4. Выводы	300
Примечания	305
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	307
Библиография.....	318
Список словарей	350
Список сокращенных обозначений.....	354

ВВЕДЕНИЕ

Языковые изменения рубежа веков вызвали настоящий неологический взрыв, привлекая к себе пристальное внимание многих лингвистов и ускоривший тем самым формирование отечественной неологии — сравнительно недавно возникшей отрасли языкознания, находящейся в состоянии непрерывного развития, что обусловлено стремительно меняющимися общественно-политическими условиями жизни современной России и соответственно — интенсивными динамичными процессами в современном русском литературном языке.

Объектом описания являются инновации русского языка, связанные с развитием и совершенствованием его многоуровневой системы под воздействием определенных экстра- и интралингвистических факторов.

Необходимость собирания и научного изучения новых фактов в словарном составе языка достаточно давно осознана в отечественном языкознании и никогда не теряла своей актуальности.

Особенно большой вклад в формирование теории неологии внесли Ф.И. Буслаев, М.М. Покровский, Е.Д. Поливанов, А.А. Потебня, А.М. Селищев, И.И. Срезневский, Л.В.Щерба, Л.П. Якубинский. Основы теории нового слова, таким образом, были заложены в отечественном языкознании еще в XIX веке.

Но ни в XIX веке, ни в первой половине XX века не было выделено специального места в науке о языке для изучения инноваций в словарном составе (хотя сам термин “неологизм” был известен еще в XVIII веке).

Становление неологии как особой лингвистической специализации относится ко второй половине нашего столетия

и связано с именами С.И. Алаторцевой, А.А. Брагиной, Т.Н.Буцевой, Р.А. Будагова, В.Г. Гака, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, И.Ф. Протченко, Е.В. Розен, Н.И. Фельдман, Эр. Ханпиры и др. Особое место в создании теории неологии принадлежит Словарному отделу Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург), в частности Ю.С. Сорокину и Н.З. Котеловой, благодаря деятельности которых собирание и изучение новых слов было поставлено на научную основу.

С развитием и укреплением неологической отрасли лексикологии определился и круг ее проблем, связанных с разноаспектным изучением инноваций русского литературного языка. Одновременно ведутся исследования в области лексикографической репрезентации неологизмов.

Основанная Ю.С. Сорокиным и Н.З. Котеловой русская неография — это наука об особенностях проектирования и составления словарей неологизмов, о специфике нового слова, значения и словосочетания как объектов таких словарей. Сегодня она представляет собой систему изданий, включающую в себя специальные словари инноваций разных жанров, каждый из которых отличается концептуальными особенностями в подборе и описании своего объекта.

Таким образом, в современной неологии можно выделить два основных направления:

- 1) исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии),
- 2) выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неографии).

Исследование лексических инноваций привело к пониманию того, что инновация есть явление языка, охватывающее все его уровни, в связи с чем процесс неологизации

необходимо рассматривать в аспекте межуровневых связей в системе языка. В этом случае термин “неология” может осмысляться более широко — как наука о новых явлениях языковой системы в целом. Указанный подход будет способствовать формированию нового пути развития неологической науки — исследование неологизма как объекта межуровневого подхода к языку.

Актуальность исследования определяется рядом факторов:

1. Интенсивность процесса неологизации.

Новые слова приходят в язык постоянно, на всех этапах его существования; это явление закономерное и исторически обусловленное. В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки системы. В пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; создается впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в российском обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка.

Новая парадигма языковой личности во главу угла ставит свободу репертуара средств выражения, сопрягаемую с небрежностью, раскованностью говорящих; “либерализация” затрагивает не только народные пласты национального русского языка, но и канонизированные, оказавшиеся чуждыми коммуникативному сознанию последних лет.

В такие периоды общественного развития вопрос о языковых изменениях становится одним из центральных в проблематике научных исследований.

2. Степень теоретического и методологического обоснования неологии.

Несмотря на то, что проблема языковых преобразований находится в центре внимания исследователей, степень

изученности вопросов, связанных с неологизацией языка, далеко не достаточна. Методологическая основа неологии остается неопределенной и в силу этого крайне противоречивой.

3. Степень соответствия системно-структурного подхода описанию процессов системного обновления языка, а также новой лингвистической парадигме — когнитивно-семасиологической.

Новые факты лексики рассматриваются лингвистами в самых различных аспектах (словообразовательном, социолингвистическом, прагматическом и т.д.), однако признание системности как основного, наиболее существенно-онтологического признака языка требует комплексного исследования инноваций, которое в отличие от работ аналитического характера способствовало бы выявлению внутренней, органической обусловленности и взаимосвязи разных структурных единиц в процессе неологизации. Когнитивно-культурный подход дает возможность проникнуть в более глубокие слои семантики, где обновляется соответствующая языковая картина мира.

Таким образом, современное языковое развитие показывает, что неологизация есть процесс, охватывающий все уровни языка. Согласно законам диалектики каждая конкретная структура реализует свойства составляющих ее элементов в зависимости от характера взаимосвязи с другими структурами; следовательно, можно утверждать, что в процессе неологизации проявляется взаимодействие лексического уровня с другими структурными ярусами языка. Это в свою очередь позволяет рассматривать неологизмы в плане межуровневого взаимодействия языковых единиц, то есть не только в качестве категории неологии (или шире — лексикологии), но и как предмет общей теории неологии — науки о новых явлениях языковой системы в целом.

ГЛАВА 1.

Типология лексических инноваций и причины их появления

1.1. Виды классификаций новых слов

Для познания сущности какого-либо языкового явления недостаточно выделить его из класса однородных путем указания отличительных признаков; необходим анализ его сущности в различных проявлениях. Этой цели обычно служат различного рода классификации, позволяющие представить систему соподчиненных понятий.

В неологических работах встречаются разнообразные виды классификаций новых слов, соответствующие тому или иному аспекту исследования инноваций. Чаще всего выделяются:

- исконные и заимствованные новые слова;
- номинативные и номинативно-стилистические;
- простые и составные;
- лексические и семантические неологизмы;
- языковые и речевые.

Широко распространена классификация новой лексики по тематическому признаку.

Многомерность явления неологизма позволяет выстраивать классификации с разных позиций. Наглядным примером комплексной классификации лексико-фразеологических инноваций русского языка может служить классификация С.И. Алаторцевой, которая дифференцирует неологизмы по следующим признакам: по форме языковой единицы, по степени новизны, по способу номинации, в отношении их принадлежности речи или языку, по

продолжительности существования. В соответствии с этим выделяются различные типы неологизмов¹.

Новые слова, разумеется, как и любое другое явление, могут рассматриваться с различных точек зрения, так как без детального изучения отдельных сторон развития каждого конкретного пласта лексики невозможны никакие более или менее серьезные обобщения.

Однако любая типология предполагает классификацию предметов, явлений по общности таких признаков, которые носят характер имманентных, сущностных. Применительно к инновациям таким признаком является характер называемой реалии и способов ее вербализации, что мотивируется онтологически, то есть самим характером функционального предназначения слова как номинативной единицы языка.

1.2. Лексические инновации в языке

Значительную часть лексических инноваций составляют новые узуальные слова общелитературного характера, то есть неологизмы. В первом словаре русских инноваций они составляют примерно 83%².

С точки зрения характера номинируемой реалии и способа ее вербализации среди неологизмов прежде всего можно выделить два типа:

- *номинативы*, обозначающие новые реалии и понятия, то есть появившиеся и впервые осмысленные;
- *трансноминативы*, обозначающие реалии, уже известные ранее, но под другим наименованием.

Номинативы ярко демонстрируют выполнение языком его номинативной функции, то есть обращение внеязыковой действительности в языковые значения. В силу этого номинативы — это тот участок лексической системы, кото-

рый непосредственно связан с внеязыковой реальностью и познавательно-отражательной деятельностью человеческого сознания. “Воздействие новых вещей, новых явлений, воззрений — первые внешние силы, ведущие к изменениям в словарном составе языка”³ В результате такого воздействия появляются наименования:

а) новых общественно-политических и идеологических течений, форм национально-классовых противоречий: *апатрид* ‘человек, не имеющий гражданства’, *импичмент* ‘привлечение к суду парламента высших должностных лиц’, *РНЕ* ‘партия русского национального единства’, *теракт* ‘террористический акт’, *титульный*: титульная нация ‘коренная нация’, название которой соответствует названию национально-государственного или национально-территориального образования;

б) новых форм организации промышленности, сельского хозяйства, экономики: *бартеризация* ‘внедрение системы бартера’, *ГКО* ‘государственные краткосрочные облигации’, *оффшор* ‘центр совместного предпринимательства, предоставляющий льготный режим для кредитных операций’, *фермеризация* ‘развитие фермерских хозяйств’, *хуторизация* ‘процесс развития хуторских хозяйств’;

в) новых наук и научных направлений: *ароматерапия* ‘лечение с помощью запахов’, *гелиотерапия* ‘лечение путем использования солнечной энергии’, *изотерапия* ‘лечение путем использования произведений живописи’, *киндирика* ‘наука о факторах опасности для человека в обыденной жизни’, *урботерапия* ‘лечение усталости путешествиями по старым городам’;

г) новых профессиональных званий: *брокер* ‘человек, контора, осуществляющие посреднические операции по купле-продаже товара или акций’, *визажист* ‘мастер косметического и живописного украшения лица’, *киллер*

‘наемный убийца’, *спичрайтер* ‘автор речей высокопоставленного лица’;

д) новых природных и искусственных веществ, материалов: *велозен* ‘противоаллергическое средство’, *дебризан* ‘противоожоговый материал’, *микрофлекс* ‘непромокаемая ткань’, *скотч* ‘клеякая лента’, *теннисит* ‘материал для покрытия кортов’;

е) новых приборов, машин, механизмов, инженерно-технических сооружений: *Интернет* ‘международная компьютерная связь’, *МКС* ‘международная космическая станция’, *молокотестер* ‘прибор для измерения уровня жирности молока’, *таксобус* ‘автобус-такси’, *экотракт* ‘грузовые машины, не разрушающие земляной покров’;

ж) новых форм организации культурно-просветительской деятельности: *видеомульткафе* ‘кафе, в котором с помощью видеомэгнитофона демонстрируются мультфильмы’, *видеодиско клуб* ‘клуб, где смотрят видеозаписи, слушают музыкальные записи, танцуют’, *караоке* ‘вид развлечения с использованием видеомэгнитофона, который имитирует исполнение мелодий голосом певца-любителя’, *сафари-парк* ‘зоопарк, в котором звери живут в условиях, приближенных к естественным’;

з) новых понятий, связанных с различными видами искусства: *андеграунд* ‘нетрадиционное искусство’, *инсталляция* ‘тип произведений изобразительного искусства, использующий в качестве материала бытовые предметы, детали машин, приборов’, *кантри-ансамбль* ‘ансамбль, исполняющий музыку в стиле кантри’, *скайфл* ‘синтез кантри и рок-н-ролла’;

и) новых видов спортивных состязаний и их участников, спортивных сооружений: *армрестлинг* ‘борьба на руках’, *кетчист* ‘спортсмен, занимающийся кетчем — борьбой, в которой разрешены все приемы’, *скейтотдром*

‘площадка для занятий скейтбордом’, *фристайлист* ‘спортсмен, занимающийся фристайлом’;

к) новых предметов домашнего обихода: *йогуртница* ‘прибор для изготовления йогурта’, *стул-коляска* ‘стул для ребенка, имеющий колеса’, *сумка-переноска* ‘сумка, в которой можно переносить собак, кошек’, *шкаф-купе* ‘разновидность встроенной мебели’.

Трансноминативы переименовывают известные реалии, давая им новые названия, которые заменяют ранее употреблявшиеся (однословного или описательного характера):

- *относящийся к населению* > *населенческий*;
- *относящийся к спросу на кого-что-либо* > *спросовый*;
- *выращивание тополей* > *тополеводство*;
- *хлопок, ткань из хлопка* > *коттон*;
- *тот, кто выращивает кофе* > *коффероб*;
- *тот, кто занят в производстве кишимша* > *кишмишероб*;
- *подчиненность, зависимость* > *вассальность*.

Пребывание слова в неологизмах обычно непродолжительно. Если слово образовано удачно, а явление, обозначаемое им, прочно входит в жизнь, то название этого явления перестает быть нео-логизмом, становится обычным словом языка. Неологизмы (и номинативы, и трансноминативы), у которых есть запрограммированная экстралингвистическими или внутрисистемными факторами возможность закрепиться в общем употреблении, называются *собственно неологизмами*.

В слове как сложной языковой ячейке пересекаются элементы трех структур (фонологической, морфологической и семантической), которые формируют двусторонний

характер слова — формально-содержательный. Дуализм слова, как утверждал С. Карцевский, явно асимметричен, поэтому в пределах слова новизна может проявляться по-разному.

Одни собственно неологизмы являются *новыми и по форме, и по содержанию*: *одорофон* ‘прибор для сохранения и распространения запахов’, *робот-нянечка* ‘многофункциональный робот по уходу за больными’, *спелестика* ‘наука о памятниках’, другие — *только по форме*: *всеквартирный* ‘имеющийся в каждой квартире’, *межнациональность* ‘отказ от национальной принадлежности’, *пенсионирование* ‘назначение пенсии’; третьи — *только по содержанию*: *дивиденд* ‘выгода’, *зонтик* ‘кафе под открытым небом с навесом в виде зонтика’, *корневой* ‘относящийся к сути чего-либо’.

Данные разновидности собственно неологизмов обусловлены статической асимметрией в аспекте системы, то есть неравномерным развитием аналогичных звеньев системы⁴.

Избранный критерий (характер денотата и способ его вербализации), а также классификация инноваций, предложенная В.Г. Гаком⁵, позволяет решить вопрос о разграничении собственно неологизмов и *других видов лексических инноваций*: эфемеризмов, ксенизмов, относительных неологизмов.

Эфемеризмы (греч. ephemeros — однодневный) — неологизмы, обозначающие преходящие явления; в основном это слова из области моды, поп-культуры, а также из области быстро меняющейся современной политической сферы: *брейк* ‘танец с характерной ломаной пластикой движения’, *ваучер* ‘приватизационный чек’, *ваучеризация* ‘внедрение, распространение ваучеров’, *гайдаризм* ‘экономи-

ческая политика правительства Гайдара’, *легинсы* ‘тонкие женские рейтузы’, *лужковские* ‘денежные средства, выделяемые из фонда мэра г. Москвы’, *слаксы* ‘модные широкие брюки для мужчин’, *хэви* ‘направление в рок-музыке, для которого характерны жесткие, энергичные ритмы’.

Ксенизмы (греч. *ksenos* — чужой) — новые заимствованные слова, отражающие быт других стран: *казюкас* ‘праздник народных промыслов в Латвии’, *кампо* ‘традиционная японская медицина’, *ках* ‘реакционное течение сионизма в Израиле’, *лит* ‘литовская валюта’, *лат* ‘латышская валюта’, *хиджаб* ‘женская верхняя одежда в Иране’, *ципао* ‘национальный женский наряд в Китае’ и т.п.

Пополнение словарного состава языка происходит не только за счет новообразований и заимствований из других языков. “Перераспределение языковых средств в видах и жанрах речи” также обуславливает проникновение в общее литературное употребление слов из устной речи, народных говоров, специальных языков и т.п. Неологизмы, обусловленные в своем появлении такими перемещениями, называются, как уже было отмечено, *относительными*, или *функциональными*, или *вхождениями*.

Название “относительные” подчеркивает новизну данного типа слов лишь по отношению к общелитературному языку; в рамках национального языка они таковыми не являются. Название “функциональные” подчеркивает трансформацию функции такого рода слов, что связано с изменением их функционально-стилевой закреплённости. Термин “вхождение” акцентирует внимание на том, что такие неологизмы не создаются, не заимствуются (в обычном смысле слова), а “входят” в общее употребление из других сфер того же языка в готовом виде, из так называемых периферийных зон языка — территориальных, временных,

социальных, в частности, из *диалектной лексики*: *жалковать* ‘жалеть о чем-либо’, *заснежье* ‘большое количество снега’, *одыбиться* ‘оправиться от болезни’, *падь* ‘снег, идущий крупными густыми хлопьями’; из *специальной лексики*: *сустак*, *сустонит* ‘сосудорасширяющие средства’, *хей-лология* ‘наука об отпечатках губ’.

Особенно активно современный русский язык протежирует *жаргонным* вербально-коммуникативным способам и приемам, а также *разговорно-профессиональным* и *разговорно-просторечным*: *баксы* ‘доллары’, *беспредел* ‘превосходящее все допустимые пределы несоблюдение узаконенных норм общественной жизни’, *бойфренд* ‘мужчина, состоящий в гражданском браке с женщиной’, *колеца* ‘таблетки с наркотическим веществом’, *нал* ‘наличные денежные средства’, *мажор* ‘новый русский’, *разбирать* ‘предъявлять обвинения, наказывать виновного’, *разборка* ‘сведение счета’, *тусовка* ‘любое неформальное общение’.

Социолектизмы привлекают своей эмоциональной насыщенностью; эта эмоциональность проявляется, по словам Б.А. Ларина, в своеобразном “словесном маскараде”. Исследователи современного жаргона отмечают “постоянное присутствие жаргонизмов в письменных текстах, что ведет к их замораживанию”, как бы стабилизирует их, олитературивая и, конечно, снижая жаргонность”⁶. Речь идет, таким образом, не о проникновении отдельных элементов жаргона в обычную речь, а о новом качестве жаргона в новую эпоху развития национального языка.

Периферийные средства языка, за счет которых происходит его обогащение, составляют лексический потенциал языковой системы. В разные периоды исторического развития возможности лексического потенциала используются не в одинаковой степени. В 1997 году Ю.М. Костин-

ский утверждал, что “историзмы потеряли значимость для современного языка”⁷. В наше время устаревшие слова — одна из активных частей лексического потенциала. В связи с этим словарный состав современного русского языка характеризуется *специфическим видом вхождений, относительно новыми неологизмами особого типа, нехарактерными прежде для русского литературного языка*. Они возникают в результате перехода в активную лексику устаревших слов (историзмов); параллельно происходит переориентация другого ряда слов в плане их номинативно-локальной маркированности, то есть переход экзотизмов в разряд слов, лексически освоенных русской языковой системой.

Первую разновидность относительных неологизмов иллюстрируют слова *беженец, губернатор, кадет, коммерческий, коммерсант, казино, лицей, забастовка, стачка, стачком* и т.п.

Иллюстрацией второй разновидности служат выдержки из некоторых словарных статей:

- *бизнесмен* — в капиталистическом мире: делец, коммерсант, предприниматель (СИС, 1988);

- *демпинг* — бросовый экспорт в капиталистических странах (СИС, 1988);

- *мафия* — террористическая гангстерская организация в США, Италии (СИС, 1988);

- *мэр* — глава муниципалитета в некоторых зарубежных странах (МАС, 1980);

- *фермер* — владелец частного хозяйства, сельскохозяйственного предприятия на собственном или арендном участке (в капиталистическом обществе) (МАС, 1980).

Ср. также: *парламент, президент, ракет, фашизм*.

Изменение языкового статуса анализируемых слов обусловлено, в первую очередь, экстралингвистически.

В XX веке русский язык был подвержен влиянию двух крупных социальных потрясений: революционного 1917 года и так называемого перестроечного периода (середина 80-х гг. — начало 90-х гг.). Указанные социальные потрясения и вызванные ими языковые изменения располагаются в хронологической симметрии: в начале века и его конце:

XX в. стабилизация > застандартизованность

1917 — 1920 гг.
революционное
“возмущение”

80-е — 90-е гг.
перестроечное
“возмущение”

Однако последствия этих двух “возмущений” оказываются достаточно однотипными⁸. Одно из них, как уже было отмечено, — переориентация номинации, или “смена лексических парадигм”, или “лексическая нострификация”, в результате которой слова, обозначающие зарубежную или дореволюционную действительность, начинают употребляться для номинации российской действительности.

С семиотической точки зрения эти процессы можно определить как мену знаков. Советские знаки меняются на новые, взятые, как правило, из западного арсенала.

Самую большую группу составляет в указанном плане экономическая лексика:

- *акция* ‘ценная бумага, подтверждающая право акционера на участие в управлении акционерным обществом’;
- *биржа* ‘частная корпорация со своим уставом, выборным правлением, комитетами, членами-пайщиками’;
- *дефляция* ‘искусственное изъятие из обращения части избыточной денежной массы с целью снижения инфляции’;

- *инфляция* ‘безудержное увеличение находящейся в обращении массы бумажных денег, сопровождающееся их обесцениванием и ростом цен’;

- *лот* ‘выставленный для продажи на аукционе предмет торга’;

- *приватизация* ‘передача государством прав собственности частным лицам’;

- *стагнация* ‘состояние экономики, когда застой или падение производства сочетаются с возрастающей безработицей и непрерывным ростом цен’;

- *фермер* ‘владелец частного крестьянского сельскохозяйственного предприятия’ и др.

Банкир — ‘владелец, крупный держатель акций банка’. В настоящее время слово называет владельцев банка и в России. Новое значение слова — ‘ответственный работник банка’.

Особенно частотно слово *приватизация*. В буржуазных странах — передача принадлежащих государству предприятий, средств транспорта, жилых зданий и т.п. в частную собственность. Со сменой экономического курса это слово стало незаменимым в экономическом лексиконе русского языка. Неологизм “оброс” различными эпитетами: *быстрая, медленная, большая, малая, дикая, справедливая, бесплатная* приватизация; появились и производные от нового слова: *приватизировать, приватизированный, приватизатор, приватизаторский, антиприватизационный*, что свидетельствует о принятии слова лексической системой.

В сферу переориентации знаков вовлекаются также слова социально-политического характера: *бастовать, бастующий, боевик, забастовка, нищий, сепаратизм, стачка, стачком, тоталитаризм, центрист* и др.

Глагол *бастовать* несколько раз менял оценочные свойства. Как описывавший дореволюционную и капиталистическую реалию, он воспринимался с советской точки зрения положительно. В 80-е гг. названное слово употреблялось для описания событий в странах социалистического лагеря и носило негативную окраску. В современной лексике глагол *бастовать* употребляется нейтрально.

Административная лексика также пополняется переориентированными словесными знаками: *гимназия, губернатор, департамент, лицей, мэр, премьер* (вице-премьер, вице-мэр), *примэрия, чиновник* и т.д.

Таким образом, понятие “неологизм” выступает как родовое понятие, объединяющее ряд соподчиненных видовых разновидностей.

1.3. Лексические инновации в речи

Существование языкового знака как элемента системы, в определенном смысле потенциального, и как реализованного в речи, то есть актуального, обуславливает появление речевых инноваций. Именно в речевой деятельности прежде всего обнаруживаются языковые изменения⁹.

Речевые инновации предпочтительно обозначать термином “окказионализм”, который впервые был употреблен Н.И. Фельдман¹⁰.

Главная черта окказиональных слов — их *принадлежность речи*⁷. “Речь в этом случае можно интерпретировать как конкретную реализацию синтагматических отношений...”¹¹. В связи с этим окказиональные слова представляют собой результат свободного комбинирования, они — всегда сложные, производные единицы. Отсю-

да *тесная связь этих слов с контекстом*, из которого они “как бы вырастают”^{*}.

“Словарные материалы — 88” (СПб., 1996) фиксируют окказионализм *застойщица*. Смысл этого слова можно вывести из составляющих его частей: застой-, -щиц(а) — лицо, характеризующееся отношением к явлению, названному мотивирующим словом, то есть лицо, имеющее отношение к застою, связанное с застоем. Но полностью смысл этого слова раскрывается только в контексте: Он, “перестройщик”, так на меня, *застойщицу*, посмотрел, словно я ему кость в горле (Юность, 1988, №3). Таким образом, *застойщица* — это лицо женского пола, противоположное по своим взглядам перестройщику — стороннику перестройки; данному лицу свойственно мышление, характерное для периода застоя (60-е гг. — первая половина 80-х гг.).

Термин *окказионализм* подчеркивает внутреннюю форму слова (лат. *occasio* — случайность). Другие обозначения речевых инноваций, известные в лингвистической практике: ситуативные, индивидуально-авторские, индивидуально-стилистические, писательские неологизмы, неологизмы контекста, слова речи, эгологизмы, гапаксы, слова-метеоры, слова-экспромты — менее предпочтительны. Они предложены разными авторами и подчеркивают те или иные специфические черты речевых инноваций.

Термин *эгологизм* подчеркивает субъективный характер речевых инноваций. Конечно, не всегда известно имя конкретного лица — создателя окказионализма. Тем не менее именно по отношению к данному типу лексиче-

* Характеризуя черты окказиональных слов, автор работы опирался на исследования Н.И. Фельдман, 1957; В.В. Лопатина, 1973; С.И. Александровой 1975; А.Г. Лыкова, 1976; В.М. Солнцева, 1977; Н.Г. Гольцовой, 1993; В.Г. Гака, 1998 и др.

ских инноваций можно говорить о преднамеренном усилии ряда людей, приведшем в конечном итоге к возникновению подобного рода слов, хотя личность автора стоит за ними в разной степени, что зависит от специфики той или иной группы окказиональных слов. *Авторская принадлежность* — принципиальное условие пребывания слова в окказиональном статусе, ибо в языке каждый его факт значим лишь социально, как обезличенная принадлежность всему обществу.

Поскольку окказиональные слова создаются для одного конкретного случая, исчерпав на этом свою функцию, они характеризуются таким признаком, как *творимость*, что противопоставляется воспроизводимости новых слов языка. Отсюда — одноразовость окказионализмов, то есть создание их говорящим для того, чтобы употребить в речи один раз, в конкретной речевой ситуации. Абсолютная свежесть окказиональных слов передает уникальность ситуации, ее предельную конкретность, которую бессильно выразить в такой же мере обычное слово, так как “в языке есть только общее”. Например, семантически трансформированное слово *аллерген* настолько уникально, что даже в сочетании с узуальным словом *всероссийский* оно не раскрывает своего значения. См: Анатолий Чубайс. По опыту и организаторским способностям, пожалуй, самый видный из демократов. Но в силу объективных причин долго еще будет иметь клеймо всероссийского *аллергена* (АиФ, 1998, №49).

Окказиональные слова обычно создаются по образцу узуальных слов языка (*лебедяницы* ‘сторонники генерала Лебеда’ — *республиканцы*, *чубайсята* ‘сторонники А. Чубайса’ — *орлята*, *яблочники* ‘члены фракции “Яблоко”’ — *фокусники*, *черномырдинка* — ‘выражение Черномырдина,

ставшее широкоизвестными' — изюминка), но при образовании окказионализма обычно нарушается то или иное условие словообразовательного типа, в рамках которого создается речевая инновация. “Неправильность” (в приведенных выше примерах — образование от имен собственных вместо нарицательных) носит сознательный, мотивированный характер, как обеспечивающая экспрессивность, эмоциональность слова. Ненормативность окказионализма — величина непостоянная. Она может колебаться от резко бросающейся в глаза “неправильности” до едва уловимой. Таким образом, *ненормативность* окказионализма тесно связана с его *экспрессивностью*.

В отличие от языковых номинаций речевые характеризуются “неустойчивой связью между номинантом и номинатом”, что объясняется номинативной факультативностью окказиональных слов: в языковой классификации объективного мира за ними не закреплен с обязательностью ни один из его фрагментов. В системе языка окказиональные слова часто имеют синонимы, являющиеся общепринятыми средствами обозначения: *бушеножки* — куриные окорочка, *куркулизм* — жадность, *усквозить* — исчезнуть.

Специфика окказионализмов свидетельствует о том, что окказиональные слова должны были бы затруднять исполнение языком его основной функции, однако окказионализмы являются едва ли не универсалией. Видимо, у речевых инноваций есть какая-то особая функция, суть которой еще не раскрыта. О.Г. Ревзина объясняет феномен окказионализма следующим образом: в условиях коммуникативного прессинга спонтанно мыслящий человек становится на секунду как бы отлучен от привычных языковых механизмов, вырывается из власти языка (вырывается и его подсознание), тогда и создается окказионализм¹². Таким об-

разом, окказионализм подтверждает семантику личностного отношения к языку и свободы от его власти.

1.4. Потенциальные неологизмы

В жизни появляется необходимость назвать не только то, что родилось, но и то, что зарождается. Привычная схема “новые явления > новые слова” в этом случае трансформируется: ее первый компонент (реалия) очерчен пока как бы пунктиром, в силу чего обычно свойственная для него препозиция утрачивается. Иначе говоря, слова-названия уже существуют (хотя и не в общем употреблении), а того, что они обозначают, как такового в объективной реальности пока еще нет. Слова подобного рода не противоречат, однако, законам развития мышления; с точки зрения логики, они рассматриваются как словесные единицы, выражающие понятия с отрицательным денотатом.

Указанные слова обращали на себя внимание исследователей и раньше, однако речь шла лишь об одной их разновидностях — неологизмах в научной фантастике, в произведениях которой авторы, описывая будущее, предполагали существование в нем тех или иных предметов, явлений¹³. Однако понятия с отрицательным денотатом могут быть выражены и новообразованиями иного типа. Речь идет о словах, обозначающих реалии, которые с точки зрения научного предвидения должны появиться в недалеком будущем, а пока существуют в проекте, эксперименте, опытном образце. Такие факты номинации отражают стремление человека полностью подчинить себе законы природы и общества, в силу чего создаются понятия, выражающие признаки будущих вещей.

В настоящее время в силу возрастания роли науки в общественном развитии число инноваций подобного рода

увеличивается, вследствие чего они требуют особого внимания (ср. с единичными случаями проявления рассматриваемого явления в предшествующие периоды развития языка)¹⁴.

Такие инновации интересны прежде всего с номинативно-познавательной точки зрения, как обозначающие факты действительности, которые станут реальностью для общества лишь в ближайшем будущем. Приведем примеры.

Урбанистов, футурологов, архитекторов интересует вопрос о недалеком будущем наших городов. Разработаны проекты на ближайшие десятилетия. В связи с этим в языке появились новые, видовые, названия городов будущего: *аэроград* ‘город в воздухе’, *акваград* ‘город под водой’. Для традиционного наземного города создана модель, получившая название *биотронград* (греч. bios-жизнь, лат. thronus-кресло, престол).

Имеют свои названия зарождающиеся отрасли тех или иных наук: *фармакосанация* ‘отрасль фармакологии, задача которой продлить период наиболее активной трудовой деятельности людей’; профессии: *врач-эколог* ‘врач, осуществляющий лечение и профилактику заболеваний с учетом взаимодействия человека с окружающей природной средой’; приборы, механизмы, находящиеся в стадии разработки или испытаний: *антигравитатор* ‘прибор, позволяющий управлять гравитацией’; новые транспортные средства: *анвиплан*: Представим себе высящиеся вдоль трассы 30-метровые металлические конструкции наподобие высоковольтных опор; между ними натянуты два гибких балансира, по которым почти бесшумно скользит летательный аппарат... (Неделя, 1983, №4); виды жилищ: *турбосома*: На смену привычным “башням” и “коробкам” придут *турбо-*

сомы — плавно закрученные по спирали высотные здания (Правда, 18.10.1983). Предполагается возникновение человеческих существ, соединенных с биокрибернетическими устройствами: Не возникнут ли какие-либо новые формы человеческого существа, соединенные с биокрибернетическими устройствами — своеобразные *биокиборги* (Наука и жизнь, 1983, №4).

Новые слова подобного рода отражают работу человеческого разума на пути проникновения в новые области жизни общества и природы, демонстрируя непосредственную зависимость языкового развития от развития социума, однако в данном случае социальная обусловленность развития языка проецируется на его словарный запас как бы двойко: в проекции на настоящее (отражение познавательной деятельности людей) и в проекции на будущее (отражение явлений, понятий, запрограммированных действительностью на “завтра”).

Гипотетически представляемые реалии и их наименования демонстрируют языковое воплощение категории возможности, которая при соответствующих условиях превращается в действительность, что обусловлено свойством материальных объектов переходить из одного состояния в другое. Не случайно в лингвистике подчеркивалось, что “если бы язык не давал возможности говорить о неизвестном, то он не мог бы служить орудием познания”¹⁵.

Приведенные выше новые слова не укладываются в рамки обычных схем словарных инноваций. Они стоят как бы *на грани неологизмов и речевых инноваций*, частично обладая свойствами тех и других. Своеобразный статус подобных единиц обнаруживается при сравнении их, с одной стороны, с неологизмами, с другой, — окказиональными новыми словами.

Так же, как и окказионализмы, они характеризуются речевой принадлежностью, однако все остальные специфические признаки окказионализмов не могут быть безоговорочно отнесены к новым словам анализируемого типа. Они не являются: а) контекстуально прикрепленными, б) созданными по случаю, в) обладающими новизной, эмоциональностью, претендующими на стабильность восприятия; кроме того, г) они семантически фразеологичны, д) системны в словообразовательном плане и е) характеризуются минимальной воспроизводимостью, ибо фиксация их в газете свидетельствует о том, что они стали известны, привычны какому-то кругу владеющих языком. В силу вышесказанного они сближаются с неологизмами.

Подобное сближение наблюдается также в функциональном плане. Известно, что неологизмы чаще возникают как номинативные единицы, а речеобразования — как предикатные: они несут информацию об уже известной вещи, выполняя эмоционально-экспрессивную функцию. Если же окказионализмы и сообщают о новых предметах, что тоже иногда возможно, то последние либо еще не известны в реальной действительности ни в каком виде (“неологизмы” научной фантастики), либо не имеют социальной значимости.

Рассматриваемые слова, как и неологизмы, выступают в качестве номинативов, отличаясь от них только тем, что обозначаемые ими реалии существуют пока только в понятии. Вместе с тем они не фантазия: их основа — научный поиск ученых, специалистов, стимулированный потребностями общества в тех предметах, которые являются в настоящий момент объектом научного труда.

Таким образом, описываемая категория новых слов занимает промежуточное положение между языковыми и

речевыми инновациями. Это дает основание выделить их в *особый разряд* новых лексических элементов, которые могут быть названы потенциальными номинативными неологизмами. Конечно, нельзя категорически утверждать, что все потенциальные номинативы станут собственно неологизмами, однако социальная запрограммированность новых слов данного типа выступает достаточно отчетливо, а не совсем устойчивый статус этой промежуточной разновидности лексических инноваций не должен служить препятствием для их выделения как объекта дальнейшего, более углубленного изучения, ибо, по словам Л.В. Щербы, ясны крайние случаи; промежуточное же в самом первоисточнике оказывается колеблющимся, но именно оно должно привлекать внимание лингвиста более всего¹⁶.

1.5. Ономаσιологический аспект категории нового

Генетически лексические инновации представлены заимствованиями, внешними и внутренними, новообразованиями и семантическими трансформациями уже бытующих слов. Новые лексико-семантические варианты слова образуются в результате изменения семной иерархичности в семантической структуре слова**.

Заимствование слов обусловлено межъязыковыми или внутриязыковыми контактами.

Большинство новых слов возникает в самом языке, на базе его “строительных” средств.

В ходе общественно-исторического освоения предметного мира человек познает вещи и явления; называя, дает им имена. Чтобы ответить на вопрос, как создается новое слово, то есть *как возникает новообразование, надо обратиться к теории номинации.*

** См. об этом в главе 2.

Исследования Г.В. Колшанского, Б.А. Серебренникова, В.Н. Телии, А.А. Уфимцевой, А.Н. Иванова, И.С. Торопцева, Е.С. Кубряковой позволяют раскрыть ономаσιологическую сущность процесса возникновения нового слова.

Отправным пунктом акта номинации является сложное переплетение интенций говорящего и его личностных смыслов.

Личностный смысл — особая психолингвистическая категория, которая обозначает содержание образующихся в голове человека представлений, образов как предвестников мысли, ее субстрата¹⁷.

Связь интенций говорящего и его личностных смыслов — своеобразное индивидуально-смысловое задание говорящего, в соответствии с которым он проводит прагматический анализ ситуации. При этом содержание образов, формирующихся в голове человека, репрезентируется либо полностью на невербальном коде, либо в смешении с вербальным. В последнем случае личностные смыслы переступают чистый язык мозга и попадают во внутреннюю речь.

Как только сознание получает установку на речь, говорящий сталкивается с необходимостью выбора речевых средств. Смыслы “подводятся” под знаковые обозначения, а если их нет, то создаются новые. Таким образом, перевод материального в идеальное осуществим лишь тогда, когда появляется возможность с помощью какой-либо формы языка воссоздать в сознании тот или иной предмет в пространстве. Объектом номинации выступает не столько конкретный предмет, сколько повторяющееся типизированное представление о нем, тем самым, словесный знак связан ономаσιологически не только с денотатом, но и сигнификатом.

Создание слова — это творческий акт определенного индивидуума — “оригинатора”. Именно с его речемысли-

тельной деятельностью связана неожиданность ассоциации, связывание того, что еще не связывалось другим или другими. Неожиданным, действительно, будет скорее то, что придет в голову одному человеку, а не многим. Затем слово проходит несколько стадий социализации и лексикализации.

Таким образом, сущность лексической объективации (словопроизводственного процесса) состоит в вербальной материализации идеального. «Языковой знак репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, отображающую диалектическое противоречие... реальных предметов и явлений»¹⁸. В лексической объективации взаимодействуют три гетерогенные по своей природе сущности. Одна — то, что именуется: мир действительности, включая и психическую деятельность человека; вторая — образ компонента действительности, его понятийное содержание; третья — имя (звукоряд), то есть языковое средство выражения сигнификативного содержания, которое закрепляется за именем с целью опознания того, что обозначается.

Обобщая сказанное, можно отметить, что в структуре номинации различаются, с одной стороны, замысел говорящего, с другой, — средства его реализации. Последние обеспечивают действие механизма номинации, существующего в двух видах: одного, который извлекает из памяти единицы номинации в готовом виде, и другого, который создает эти единицы по правилам языка.

В качестве такого создающего механизма выступает словообразование. Именно оно есть то звено в языковой системе, которое «ответственно» за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека; по своей природе словообразование более ономаσιологично, чем прочие подсистемы языка.

Каждое речевое произведение, появляющееся в результате действия механизма словообразования, представляет собой нечто ранее неизвестное, демонстрирующее процесс лингвокреативного мышления.

Все изменения, происходящие в языке, имеют одну из двух возможных характеристик: они проходят либо как фонетические, либо как семантические изменения.

Новое наименование — это прежде всего новая лексема^{***}. “Несомненно, — писал, например, Л.В. Щерба, — что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали..., производим слова, не предусмотренные никакими словарями...”¹⁹.

Новое на лексемном уровне — это новизна звукоряда, “новое словесное оформление”²⁰. Сопоставление новых слов со словарным стандартом позволяет выделить с некоторой долей условности три основных группы инноваций, демонстрирующие характер новизны на уровне лексемы^{****}:

I. Сильные неологизмы^{*****}, новизна которых выражена в самой форме инноваций. Их своеобразие складывается из трех моментов: необычный для языка порядок следования фонем, морфологическая и семантическая немотивированность в пределах общелитературного языка. Такие слова в целом ничем не напоминают знакомые словарные единицы и поэтому фиксируются как новые.

1. Наибольшая степень новизны свойственна словам, семантически немотивированным, морфологически нечле-

^{***} Под лексемой понимается звучание слова.

^{****} На материале немецкого языка экспрессия новизны хорошо показана Е.В. Розен.

^{*****} Термины “сильные”, “слабые” неологизмы заимствованы у Е.В. Розен.

нимым (или членимым дефектно), имеющим в звуковом составе нетипичные для системы языка черты: *курсак* ‘живот’ (обл.), *лактовит* ‘биостимулятор из молочных продуктов’, *облекол* ‘средство для улучшения кровообращения’, *пиццерийщик* ‘работник пиццерии’, *разгосударствление* ‘замена государственной собственности другими видами собственности’, *СНГовье* ‘пространство СНГ’, *снгешиник* ‘житель СНГ’.

Русскому языку несвойственны такие фонетические признаки, как стечение согласных: *разгосударствление*, *СНГовье*, *снгешиник*; сочетания ге, ке, хе: *снгешиник*; *двойные согласные*: *пиццерийщик*.

На морфологическом уровне многие из этих слов, несмотря на свою неоднозначность, нечленимы.

Наконец, семантически мотивированные в исходных языковых сферах: *лактовит* < лакто... (молоко) + вит, *облекол* < облепиха + коллаген — в общелитературном языке они лишены мотивации значения. Последняя известна только отдельным представителям социума.

2. Почти такой же степенью интенсивности новизны обладают слова, семантически немотивированные, морфологически нечленимые или дефектно членимые, но лишённые в отличие от слов первой подгруппы “звуковых экзотизмов”, например: *визажист* ‘мастер косметического и живописного украшения лица’, *гелевин* ‘перевязочное средство’, *нал* ‘наличные денежные средства’ и др.

3. По сложившейся в языках традиции для новых названий, введение которых требует развитие научно-технической мысли, используется довольно постоянный набор морфем греко-латинского происхождения. Компоненты этих слов используются главным образом в сфере специальных подязыков, в силу чего в общем употребле-

нии они часто неизвестны или малоизвестны, а их новые всякий раз комбинации создают определенную степень новизны. Однако главный фактор, обуславливающий отнесенность подобных неолексем к сильным неологизмам, — это их семантическая мотивация, которая значительно более ограничена, чем мотивировка “своих” слов языка, так как проявляется лишь при достаточно высокой степени владения абстрактной и терминологической лексикой. Все это способствует тому, что неологизмы, состоящие из интернациональных морфем, воспринимаются как несвойственные русскому языку: *вилентолог* ‘специалист по насилию’, *социогенез* ‘социально обусловленное происхождение и развитие чего-либо’, *рекреология* ‘отрасль знания, изучающая свободное время человека’ и др.

Вместе с тем интенсивность новизны подобных неолексем ниже по сравнению со словами первых подгрупп, ибо интернациональные морфемы в той или иной степени все-таки известны общелитературному языку, в силу чего образования с ними могут вычленять составные части.

II. Сильным неологизмам, или неологизмам I степени, противостоят *слабые*, образованные из обычных, широко известных в общелитературном употреблении словообразовательных средств. Они целиком складываются в русле русских традиций словообразования, поэтому их морфологическая структура и характер мотивировки значения полностью укладываются в сложившиеся представления об обычном, стандартном слове. Подобные новообразования настолько обыденны, что их появление в словаре подчас никто не замечает: *вспомогательно-технический*, *комплексно-оздоровительный*, *малоспящий*, *нефтеснабжающий* и др. Прозрачная структура естественно создает внутреннюю логику словарной единицы, которая делает

слово понятным и самообъяснимым. Появление слабых неологизмов сознательно отмечается лишь в тех случаях, когда осознается новизна самого обозначаемого.

Слабые неологизмы фиксируются языковым сознанием и в том случае, если при своем возникновении они отступают от тех или иных законов словообразовательной системы русского литературного языка. См., например:

- *подснежничество* ‘наличие лиц, которые на производстве числятся на одном рабочем месте, а работают на другом’ (суффикс -еств и его различные морфы сочетаются по законам языка с основами имен прилагательных);

- *русскость* ‘совокупность качеств, черт, характерных лицам русской национальности’ (существительное, имеющее значение отвлеченного признака, образовано от прилагательного с суффиксом -ск).

III. *Неологизмы переходного типа*, или II степени интенсивности новизны, легко вычлениают стандартные, регулярные значимые части наряду с уникальными сегментами, не имеющими прецедентов на русской почве. Регулярные части помогают соотнести подобные неологизмы с определенным содержанием на базе других слов языка, включающих эти же структурные части. Однако семантическая мотивация, как и структурная, не является полной, так как неологизмы содержат и беспрецедентные структурные отрезки: *биф-суп* ‘мясной суп’, *граффитизм* ‘авангардистское течение в живописи’, *гей-общество* ‘общество гомосексуалистов’, *ЛСД-культура* ‘искусство употребления ЛСД’, *скейтпарк* ‘парк с площадками и дорожками для катания на скейтбордах’, где биф-, граффит-, гей-, ЛСД-, скейт– в общелитературном языке являются уникальными сегментами, входя в состав новых слов в качестве их корней, суффиксов, основ.

Самую низкую степень интенсивности новизны среди неологизмов рассматриваемой группы имеют слова, содержащие в своем составе интернациональные морфемы, широко известные в общем употреблении: авиа-, авто-, кино-, мото-, радио-, теле- и т.п. Они настолько привычны, что их нерусское происхождение почти не ощущается. Внутренняя форма таких морфем забыта, вытеснена современным значением, с которым они входят в производные слова: *авиапроисшествие*, *авиапарад* (лат. *avias*-птица); *электро-расческа*, *электроудочка* (греч. *elektron* — смола, янтарь).

Таким образом, сравнив рассмотренные группы и подгруппы неологизмов, можно заметить определенное варьирование новизны: от наиболее высокой степени до минимальной и эксплицитно нулевой.

1.6. Экстралингвистическая обусловленность лексических инноваций

Языки не могут не меняться прежде всего по той причине, что в основе актов коммуникации, средством практического осуществления которых является язык, лежит отражение действительности, которая сама находится в постоянном движении.

Тесная связь процесса неологизации с внешним миром влечет за собой тот факт, что появление многих новых слов объясняется действием *внешних факторов развития языка*. К последним относится “вся совокупность разнообразных импульсов, идущих из окружающей язык среды и связанных с особенностями исторического развития общества, переселениями и миграциями, ... изменением форм общения, прогрессом культуры и техники и т.п.”²¹.

Внешние факторы языковой эволюции демонстрируют социальность системы языка, что обуславливает взаи-

мосьязь общественного и языкового развития. Последнее осуществляется в двух направлениях: в “направлении социалемы”, то есть языкового коллектива, и “в направлении лингвемы”, то есть языкового образования²².

“Социальный фактор — это социальный факт или системно организованное социальное действие разной структуры в обществе, в определенной сфере человеческой деятельности”²³.

Новые слова, появляющиеся в результате действия внешних факторов языкового развития, называют различные новые реалии, появляющиеся в той или иной области социума. Внешние факторы подобного рода — это требования актуальности.

В настоящее время наиболее активно действуют такие экстралингвистические факторы, как *идеология* и *социальная структура общества*, в силу чего свободнее и скорее других проникают в общее употребление слова, относящиеся к области общественно-политической жизни. Это слова, связанные с социальной деятельностью, политической борьбой, в которой находят свое выражение интересы классов, их взаимоотношения, а также слова, связанные с деятельностью государства в области внутренней жизни страны и международных отношений в период перестройки и дальнейших общественно-экономических преобразований.

Социальная перестройка разбудила частеречные, словообразовательные, семантические и сочетаемостные потенции именуемого ее слова — существительного *перестройка*.

Последнее обросло множеством производных. Одни из них характеризуют те или иные реалии в плане их временного соотношения с тем поворотом в жизни общества,

который получил указанное название: *доперестроечный*, *перестроечный*, *послеперестроечный*, *постперестроечный*, *постперестройка*; другие определяют характер соответствия чего-либо новой политике: *антиперестроечный*, *антиперестройка*, *перестроечник*, *антиперестроечник*, *ультраперестроечник*, *недоперестройка* и т.д.

С помощью контаминации возникли окказионализмы: *ката*(строфа) + (пере)стройка, *горб*(ачев) + о + (пере)стройка.

Новый общественно-политический термин вошел во многие фразеустойчивые словосочетания: *архитекторы перестройки*, *отцы перестройки*, *учителя перестройки*, *прорабы перестройки*, *мастера перестройки*, *конструкторы перестройки*, *бригадиры перестройки*, *противники перестройки*, *враги перестройки*, *убийцы перестройки* и т.д.

На многие неродственные слова распространилось семантическое давление слова *перестройка*, как на входящие в одну лексико-словообразовательную парадигму: *перетряска*, *переломка*, *перестройка*, *пересадка*, *переустройство*: Нынешнюю *перестройку* точнее было бы назвать *переломкой*... (Лит. газета, 1991, №23).

С затуханием социальной перестройки затухает и лексическая доминанта; можно сказать, что началась архаизация суперслова политического языка конца XX века.

Языковые изменения — прямое отражение общественных изменений; в связи с этим в современном лексиконе достаточно многочисленны названия членов тех или иных политических объединений: *аграрий* ‘член политического объединения “Аграрная партия России”’, *выборос* ‘член политического союза “Выбор России”’, *деморос* ‘член партии “Демократическая Россия”’ *капээсэсник* ‘член КПСС’, *ндровец* ‘член политического объединения

“Наш дом — Россия””, *яблочник* ‘член фракции “Яблоко”’. Новообразования подобного рода демонстрируют такую характерную черту современного языкового развития, как усиление личностного начала: имена лиц порождают целые серии производных: *ельцинист, ельцинизм, ельцинский, антиельцинский, ельциниана, проельцинист; горбачевец, антигорбачевец, горбачевский, прогорбачевский, антигорбачевский, горбачевиана, горбачев-фонд*. Ср. также: *антиловцы, баркашевы, жириновцы, звиадисты, дудаевцы, зюгановцы*.

Всплеск общественной активности, а также национального самосознания не всегда сопровождался положительными результатами; свидетельство этому — слова *афганец* ‘участник войны в Афганистане’, *беженец* ‘человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-нибудь бедствия’, *боевик* ‘член вооруженной группировки, входящей в террористическую (обычно националистическую) организацию’, *забастовщик* ‘участник забастовки’, *рэкет* ‘преступное вымогательство чужих доходов’, *стачком* ‘стачечный комитет’, *теракт* ‘террористический акт’, *чеченец* ‘участник войны в Чечне’. Многие из этих слов носят, конечно, разговорный характер, тем не менее они свободно употребляются в нейтральном стиле речи: З. Гамсахурдия пытается убедить мир в том, что ...в блокаде Южной Осетии *боевики* из националистических формирований не принимали и не принимают никакого участия. И поныне пикеты вооруженных *неформалов* расположены вокруг областного центра... (Сов. Россия, 12.02.91).

Как антоним к слову *неформал* возникло слово *формал* ‘член зарегистрированной общественной организации, действующей в рамках закона’: Тандем *неформалов* и *формалов* очень нужен (Собеседник, 1988, №36).

Усиление национальных начал в чем-либо, где-либо породило слова *азербайджанизация, башикиризация, татаризация, эстонизация* ‘придание кому-чему-нибудь черт того или иного национального образа жизни’, а также инновации *неграждане* ‘лица, не имеющие прав гражданства’, *нелатыши* ‘лица, не принадлежащие к постоянному населению Латвии, лишённые правового положения гражданина’ (ср. также: *нелитовцы, неэстонцы*).

Новое осмысление отечественной истории явилось причиной появления слов *авторитарно-бюрократический* ‘предполагающий отсутствие ограничений единоличной власти в целях обеспечения ведомственных интересов в ущерб интересам общества’, *авторитарно-казарменный* ‘предусматривающий жесткое подчинение верховной власти, предписания которой подлежат беспрекословному исполнению’, *застой* ‘исторический период от второй половины 60-х годов до первой половины 80-х годов в СССР, характеризующийся экономической и политической стагнацией’, *сталинизм, сталинист*.

Сталинизм — система политических, экономических взглядов И.В. Сталина. Сталинизмом называют и порожденные этой системой идеологические и социально-психологические условия жизни послесталинской эпохи, убеждения, представления, сохранившиеся у ряда людей. Сталинизм, приспособленный к современным условиям, — *неосталинизм*; сторонник неосталинизма — *неосталинист*: Необходимо ...разоблачение *сталинизма*. Необходимо всемерно ограничить влияние *неосталинистов* (Лит. газета, 1988, №46).

Слово *сталинизм* впервые произнес Л. Коганович: сталинизмом предлагалось обозначить новый этап в развитии марксизма-ленинизма, сталинский вклад в него; второй

раз слово родилось в работах советологов и, конечно, в ином значении, чем у Когановича, и лишь в 1987 году этот термин освободился от кавычек, которые сопровождали его на протяжении более тридцати лет..

Переориентация общественно-политических ценностей вызвала к жизни слово-оценку, слово-характеристику “*совок*”: сов(етский)+ок+каламбурное сближение со словом низкой предметной сферы (совок для собирания мусора). Индивидуальное по способу образования, оно очень выразительно по семантике: советский человек; бывший СССР; все типично советское: Не отпускает *совковое* болото (АиФ, 1993, №20).

Новая социальная структура также вызвала к жизни (и актуализировала) ряд инноваций: *вице-мэр* ‘заместитель главы муниципалитета’, *Дума* ‘выборный орган государственного управления’, *думцы* ‘члены Думы’, *губернатор* ‘начальник какой-либо большой административно-территориальной единицы’, *мэр* ‘глава муниципалитета’, *мэрия* ‘орган местной исполнительной власти’, *нувориши* ‘о так называемом третьем сословии, капиталы которого имеют сомнительное происхождение’.

Один из активных внешних факторов неологизации — *форма организации производства, производственных сил и производственных отношений*.

Символы экономической жизни наших дней — слова *аренда* ‘основанное на договоре срочное возмездное владение и пользование землей, помещениями, предприятиями, транспортом и т.д.’, *бартер* ‘обмен товара на товар без уплаты части суммы контракта наличными или в счет кредита’, *биржа* ‘частная корпорация со своим уставом, правлением, членами-пайщиками, не несущая ответственности за убытки клиентов’, *брокер* ‘человек или специаль-

ная контора, осуществляющие посреднические операции по купле-продаже чего-либо’, *демпинг* ‘продажа товаров по самым низким ценам с целью закрепиться на рынке’, *клиринг* ‘система безналичных расчетов путем зачета взаимных требований и обязательств’, *коммерциализация* ‘широкое внедрение в производственные отношения системы купли-продажи, направленной на получение прибыли’, *лизинг* ‘аренда имущества у кредитора — лизинговой компании, приобретшей объекты производственного назначения с целью сдачи их в аренду фирме-арендатору на условиях постепенного погашения задолженности’, *рынок* ‘сфера товарного обращения, товарооборота’, *секвестр* ‘запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование или распоряжение каким-либо имуществом’, *фермер* ‘владелец фермы — частного крестьянского сельскохозяйственного предприятия’ и др.

В связи с перестройкой экономики получило распространение английское слово *маркетинг* — ‘внешняя торговля с учетом изучения возможности производства той или иной продукции, с организацией рынка сбыта, сервиса и рекламы’. В противовес теории маркетинга возник термин *коммертизация* — ‘развитие коммерческих отношений, охватывающих весь путь движения товара от производителя до потребителя’, который обязан своим рождением актуализации прилагательного *коммерческий*. Со значением ‘относящийся к коммерческому предпринимательству, связанный с ним’ в ряд сложных слов вошло в качестве их составной части слово *бизнес*: *бизнес-виза*, *бизнес-клуб*, *бизнес-центр*, *бизнес-счет*, *бизнес-тур*, *шоу-бизнес*, *шоу-бизнесмен*.

Во II половине 80-х годов отмечается высокая частотность употребления слова *менеджер*; слово становится

привычным элементом повседневного словаря, полноправным синонимом слов *руководитель, глава, администратор, управляющий, заведующий, директор*. По мнению Е.В. Ларионовой, одобрителный оттенок в его значении отличает англицизм от синонимических слов русского языка, на которых лежит печать административно-командной системы²⁴.

Социальные факторы научно-познавательного значения — макро- и микросоциальные факторы, относящиеся к естественным, общественным и техническим наукам. Наука, развиваясь, совершенствуясь, расширяя сферы и интенсивность познания человеком мира и себя самого, оказывает непрерывное воздействие на язык. В современную эпоху внутри литературных языков складываются их разновидности, которые получили название подязыков науки и техники: языки математики, спорта и т.п. Многие слова из этих подязыков легко входят в общее употребление. Особенно легко проникают названия наук, научных направлений, что вполне закономерно, поскольку, как известно, из специальных слов в лексику неограниченного употребления прежде всего и легче всего заимствуются те, которые обозначают наиболее общие понятия специальных сфер.

Как антоним к термину *геронтология* возникло слово *ювенология*: Весомый багаж знаний накопила довольно молодая наука о молодости — *ювенология* (Моск. правда, 13.02.1988). Неологизм образован по продуктивной модели. Суффиксоид *-логия* — традиционная часть названий многих научных направлений; первая часть *ювен* — усечение латинского слова *juvenalis* (юный). Поскольку существует название научной дисциплины, постольку закономерным должно быть появление наименования специалиста, рабо-

тающего в этой области. Таким неологизмом явилось новообразование *ювенолог*.

По аналогичной модели возникли названия:

вилентология (лат. *violenta* ‘жестокость’ + о + -логия ‘наука’): Спешу на интервью с *вилентологом* — специалистом по насилию (Лит. газета, 1988, №42);

драммология (англ. *drumming* ‘барабанный бой’ + о + -логия ‘наука’): Он считается основоположником науки *драммологии*, изучающей барабанные послания (Правда, 15.06.1988);

рекреалогия (рекреация + -логия) ‘отрасль знания, изучающая свободное время человека, его отдых’;

хейлология (греч. *chellos* ‘губы’ + -логия): Отпечатки пальцев, рисунок ушей, губ (есть целая наука *хейлология* об отпечатках губ), запах, голос, походка — все это... неповторимо в каждом человеке (Наш современник, 1987, №9).

Ср. также: *киндиника* ‘наука о факторах опасности для человека в обыденной жизни’, *ледотермика* ‘наука о перераспределении масс воды из многоводной зимы в маловодное лето’.

Синтез научных направлений отражают инновации:

- *артоника* — искусство как средство решения проблем, связанных с созданием и совершенствованием искусственного интеллекта (лат *art* ‘искусство’ + ‘электроника’);

- *биотика* — наука, изучающая структуру микроорганизмов для применения в вычислительной технике (биология + кибернетика);

Появление новых научных и технических направлений связано с появлением названий, именующих новые приборы, машины, механизмы:

- *глюкометр* — прибор для определения уровня глюкозы в крови человека;

- *диктор-автомат* — автоматическое устройство для транслирования магнитофонной записи каких-либо объявлений;

- *компьютер-переводчик* — компьютер, выполняющий функции переводчика;

- *лыжи-поплавки* — поплавки, на которых можно, как на лыжах, передвигаться по воде;

- *мини-ледокол* — компактный механизм для скалывания льда;

- *пневмовоз* — транспортное средство для перевозки чего-либо с помощью энергии воздуха;

- *электролопата* — электрическая машина, действующая по принципу роторного очистителя снега.

Особенно частотны на страницах современной прессы термины из области информатики (ср. также: Schutte D., 1997). Слова *контроллер, модем, пейджер, принтер, сервер, стриммер, файл, факс* и другие заняли прочное место на страницах массовых изданий. См., например:

Предлагаем вашему вниманию одну из последних разработок известной американской фирмы CalPAK Corp ... внешний *модем*, ... внутренний *модем* (Деловой мир, 27.02.1992). *Модем* — устройство, предназначенное для преобразования сигналов ЭВМ в сигналы, посылаемые в каналы связи;

Факсы для России: высокоскоростные факсимильные аппараты производства Японии, полностью адаптированные к российским телефонным связям (АиФ, 5.02.1994). *Факс* — устройство для обмена информацией между абонентами.

Ср. также

- *контроллер* — устройство управления внешними сигналами ЭВМ;

- *принтер* — печатающее устройство в ЭВМ,

- *стриммер* — накопитель информации для хранения резервных копий ЭВМ;

- *файл* — в задачах автоматической обработки данных совокупность однотипных по структуре и способу использования записей.

Со значением слова *принтер* связан неологизм *сервер* — узел в локальных вычислительных сетях, который осуществляет управление остальными узлами, в том числе *принтерами*.

Особо следует отметить слово *сканер*, обозначающее специальное оптическое устройство с лазерным лучом для считывания печатного материала. Данное заимствование активно образует морфологическую парадигму, что указывает на актуальность реалии: Новый программный продукт позволяет объединить *сканированные* фотоизображения в прикладных системах; Все устройства обеспечивают четкое *сканирование*; из рекламного объявления: “Мы *отсканируем* небо!”** . Сложное слово *принтер•копир•сканер* обозначает прибор с комплексным функциональным назначением: Не тратьте времени и купите новый... персональный *принтер•копир•сканер*... он обеспечит высокопрофессиональное качество документов с поразительной скоростью печати и копирования (АиФ, 1998, №51).

Нечасто встречаются новые слова, называющие новые растения и животные. Образование этих слов отличается, как правило, некоторым своеобразием.

Зеброид. Существительные с суффиксом -оид называют предметы, людей, подобные тем, которые названы производящей основой, но имеющие от них отличия. Зеброид, однако, это не животное, подобное зебре, как это следовало бы по системе. Зеброид — это гибрид зебры и осла.

***** Примеры взяты из журнала “Русская речь” (1994, №4).

Тигрон. Слова с суффиксом -он образуются от основ глаголов и носят просторечный, шуточный характер: *объедаться* — *объедон*. Существительное *тигрон* образовано от слова тигр и имеет значение ‘животное, помесь тигра со львом’.

Синонимичное указанной инновации слово *тигролев* возникло путем соединения двух основ: *тигр* + *о* + *лев*: Их скрещивают, и вот появляется пугающий, единственный в своем роде *тигролев*. Он произошел от двух самых сильных, претендующих на первенство хищников земли (Юность, 1986, №11).

Земклуника. Слово представляет собой искусственное образование, составленное из двух усеченных основ существительных земляника + клубника + -ник(а).

Томофель — гибрид помидора и картофеля. Наряду с данным наименованием употребляются параллельные: *кар-мат* (*картофель* + *томат*), *фельто* (*картофель* + *томат*).

Социальные факторы эстетического плана обуславливают появление инноваций, связанных с духовной сферой общества:

- литературой: *ахматовед* ‘литератор, изучающий жизнь и творчество А.Ахматовой’, *верлибристика* ‘искусство сочинения нерифмованных стихов’, *литобработчик* ‘специалист по литературной обработке произведений непрофессиональных авторов’, *литперестройка* ‘перестройка экономических и человеческих отношений вокруг литературы’, *литератор-медиевист* ‘литературовед-специалист в области европейских литератур средних веков’, *литературовед-славист* ‘литературовед-специалист в области славянских литератур’, *литературовед-экономист* ‘ученый, пишущий на экономические темы в массовой печати’;

- музыкальным искусством: *металлика* — ‘музыка в стиле металлического рока’, *симфорок* — ‘одно из направлений рок-музыки, близкое к джазу’, *скайфл* — ‘стиль музыки, являющийся синтезом кантри и рок -н-ролла и исполняемый на струнных инструментах’, *соул-джаз* — ‘джазовая музыка стиля соул (с элементами негритянской народной музыки)’, *ретро-рок* — ‘музыка в стиле прежнего рок-н-ролла’, *рок-вокал* — ‘певческое исполнение рок-музыки’;

- живописью: *музыкализм* — ‘направление в живописи, стремящееся ее средствами отобразить характер музыки’, *инсталляция* — ‘направление в живописи, использующее в качестве материала бытовые предметы, детали машин, приборов и т.п.’, *шрифтолог* — ‘художник по шрифтам’;

- культурой: *видеофестиваль* — ‘фестиваль видеофильмов’, *рок-театр* — ‘театр, репертуар которого связан с исполнением рок-музыки’; *рок-центр* — ‘творческий центр, объединяющий исполнителей и любителей рок-музыки’.

Много новых слов появилось и в *спортивном словаре*. Из языка профессионалов они входят в сферу массового распространения.

Джет-ски, или *джеты* — новинка водно-моторного спорта, гибрид водных лыж, серфинга и глассера: На доску с водометным движителем и подвижной рулевой колонкой встали тысячи любителей активного отдыха на воде. Когда десятки *джетов*, прыгая по волнам, устремляются на трассу, они удивительно напоминают легкие мотоциклы (Техника — молодежи, 1988, №6).

К числу наименований новых видов спорта относится *автослалом* — езда на автомобиле по размеченной извилистой трассе, *футбололейбол* — командная игра, совмещающая элементы футбола и волейбола;

Многие исконные наименования описательного характера вытесняются заимствованными терминами: *гейм* — часть спортивной игры, устанавливаемая по количеству очков (в теннисе), *овертайм* — добавочное время в футболе, *эйс* — часть игры, связанная с одной подачей, в результате которой выигрывается одно очко: В пятом решающем сете российский теннисист... сдал румыну два *гейма*, но на его подаче все же выиграл матч. В этой встрече Евгений умело использовал преимущество своей первой подачи, сделав за матч 12 *эйсов* (Изв. 20.02.1999).

Итак, языковые изменения — это естественное движение в языке. Социальная структура общества, наука, техника, производство, контакты народов, а также сознание человека — те внешние силы, которые обуславливают обновление словаря. Таким образом, в целом на лингвему воздействуют три рода факторов: связанные с развитием производства и производственных отношений, с развитием духовной культуры, с исторической судьбой социалемы.

1.7. Факторы неологизации, порождаемые функцией языка как средства общения

Хотя влиянию внешних факторов принадлежит существенная роль в развитии словарного состава языка, далеко не всегда лексические изменения находятся в прямой зависимости от внеязыковых причин. Будучи одним из проявлений жизни языка, пополнение словаря, как и эволюция языка в целом, регулируется факторами не только внешнего порядка.

Уже само функционирование языка как орудия коммуникации способно породить импульсы таких изменений, которые сами по себе не являются зависимыми от истории народа; они связаны со способностью языка выступать

в роли средства общения и, таким образом, как отмечает Б.А. Серебренников, являются атрибутами языковой функции²⁵.

Действие внешних факторов выражено достаточно ярко. Преобразования в языке, не имеющие прямого отношения к отражению картины мира, менее заметны. Обусловленные ими неологизмы не обозначают новых предметов и понятий; они чаще используются для наименования уже бытующих реалий, которые прежде обозначались либо описательно, либо уже известным в языке отдельным словом. В силу этого они менее заметны, экспрессия новизны в них выражена не столь ярко; в ряде случаев их обнаружение связано с известными трудностями. Видимо, это обстоятельство, а также сложность, недостаточная разработанность общей проблемы внешних и внутренних законов развития языка объясняют тот факт, что новообразования, связанные с уже функционирующей речью, как правило, остаются вне поля зрения исследователей. Более того, ряд лингвистов выдвигает экстралингвистическую детерминированность лексического обогащения в качестве определяющего признака понятия “неологизм”.

Между тем указанные новообразования разнообразны как по своей природе, так и по характеру выполняемых ими функций. Заметим, однако, что процессы, происходящие в лексической системе языка и направленные на улучшение языковой техники, в конечном счете опосредованы внешними стимулами, в частности, актуализацией каких-либо общественных явлений. Последнее обстоятельство приводит в действие языковой механизм, стремящийся дать уже известному понятию удобное для данного состояния языковой системы обозначение, соответствующее тем или иным тенденциям в ее современном развитии.

Какие же конкретно потребности совершенствования системы обозначений способствуют появлению неологизмов.

1. Значительная часть лексических инноваций, возникших для трансноминции (переименования) уже известных понятий, есть результат действия *порождающей функции языковой системы*, которая делает возможным появление тех или иных членов словообразовательного гнезда, никогда не бытующего в языке в своем полном составе²⁶. До своего появления подобные инновации существовали как бы потенциально, в силу чего те или иные реалии обозначались какой-то период времени описательно. Так, в 80-е — 90-е гг. в силу порождающей функции языковой системы словарный состав русского языка пополнился рядом производных слов от ранее известных основ: *думский* ‘относящийся к Думе’: Из всех *думских* фракций категорически против бюджета выступало только “Яблоко” (Изв., 20.01.1999); *Компьютерно* ‘в отношении умения использовать компьютерную технику’: Необходима разработка специальных программ воспитания *компьютерно* грамотного человека (Собеседник, 1988, №47); *медиатический* ‘относящийся к средствам массовой информации’: ...говорить о лидерах *медиатических* знаменитостей (Лит. газета, 1988, №38); *новобранка* ‘женщина, только что призванная на военную службу’: *Новобранки* пополняют подразделения связистов (Изв., 17.12.1988); *ностальгировать* ‘тосковать о прошлом, сожалеть о его невозвратимости’: В нем (кино) начался тот самый Ренессанс шестидесятых, по которым мы сейчас так *ностальгируем* (Комс. правда, 8.07.1988); *пикетировщица* ‘участница пикета’: Из цепочки *пикетировщиц* несется задорный куплет (Не-

деля, 1988, №21); *рейтинговый* 'относящийся к рейтингу': На экране он похож на школьного учителя истории, в жизни — на морского пехотинца. И это только один из многих парадоксов, окружающих самого *рейтингового* политобозревателя российского телевидения (АиФ, 1999, №7); *хитовость* 'наличие элементов, черт хита': В музыке нет *хитовости*..., но она далеко не банальна (Аврора, 1988, №7).

Ср. также: *всепогодно, доносный, замерзлость, инфляционизм, населенческий, неуспех, новостной, рэкетировский, референдумный, снговый, хронологично, чабанка, шахматно.*

Важнейшим механизмом порождающей речевой деятельности является *аналогия*, позволяющая переходить от серии имеющихся форм к их логическому продолжению и повторению. Как отмечал еще Г. Пауль, суть аналогии состоит в обнаружении искомой величины по трем известным в пропорции²⁷: читать: читабельный = публиковать: х, значит, х = *публикабельный*; ср. также: дезертир: дезертирский = рэкетир: *рэкетировский*; меморандум: меморандумный = референдум: *референдумный*; федерация: федерализм = инфляция: *инфляционизм*; важный: важно = коллажный: *коллажно*. Таким образом, аналогия выступает как известный принцип упорядочивания форм и их унификации, как выразитель системных тенденций, отсюда связанное с нею понятие давления языковой системы. Языковая система устроена, следовательно, так, что содержит в себе потенциальные возможности развития и обновления языковых средств. Это определяется тем, что, во-первых, единицы языка имеют комбинаторный характер и комбинационные возможности в языках реализуются лишь частично. Поэтому образование новых слов —

это элементарный акт, предусмотренный самой системой языка, правилами порождения единиц более сложных из более простых. Во-вторых, обогащение языка постоянно происходит в процессе варьирования языковых единиц, которое также является органическим свойством языковой системы.

2. Одним из мощных стимулов, обеспечивающих появление новых словарных элементов, является тенденция, получившая название “языковой экономии” (О. Есперсен) или “закона экономии языковых усилий” (А. Мартине). Действие этой закономерности проявляется в том, что в процессе употребления языка говорящие осуществляют отбор наиболее рациональных для целей общения языковых средств; как отмечает Б.А. Серебренников, это — своеобразная реакция человека против чрезмерной затраты физиологических усилий²⁸.

По словам Л.М. Скрединой, “принцип экономии обладает объяснительной силой для толкования внутрисистемных отношений и изменений, через свой аналог в речи (тенденция к наименьшему усилию) он связывает внутрисистемные причины изменений с экстралингвистическими влияниями²⁹”.

Указанный стимул находит свое выражение в замене словосочетаний, носящих, как правило, характер устойчивой языковой номинации, однословными наименованиями, как более экономными по своей форме.

Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса служит интенсивное пополнение словаря современного русского литературного языка *новыми сложными словами*, которые позволяют выразить то или иное понятие в форме одного знака, соответствующего синонимичной описательной конструкции: *автослалом* = автомобильный слалом,

блок-урок = урок, сгруппированный с другими в соответствии с определенной методической задачей; *бронекуртка* = бронированная куртка, *выставка-консультация* = выставка, на которой можно получить консультацию специалиста; *гонщик-профи* = профессиональный спортсмен, занимающийся гонками; *джаз-рок-клуб* = клуб любителей джаз-рока; *кинотечение* = кинематографическое течение; *копирфабрика* = копировальная фабрика; *масспресса* = массовая пресса; *наркоторговля* = торговля наркотиками; *фармокомбинат* = фармацевтический комбинат.

Сложные слова компактны по форме, и в то же время семантика их легко воспринимается, внутренняя форма прозрачна, что и обуславливает их преимущество перед словосочетанием.

Широко известно и другое явление словообразовательного порядка, служащее источником значительного количества “экономных” новообразований, — аббревиация, которую также связывают с рационализацией языка. Несмотря на определенные недостатки, аббревируемые слова действительно экономны, ибо значительно сокращают “площадь” словесных знаков. См., например: *ГНС* < государственная налоговая служба, *ГКО* < государственные краткосрочные облигации, *гордума* < Городская Дума, *исполсек* < исполнительный секретарь, *МРОТ* < минимальный размер оплаты труда, *НДС* < налог на добавленную стоимость, *ОРТ* < общественное российское телевидение, *РАО* < Российское акционерное общество, *РИ* < Республика Ингушетия, *РНЕ* — (партия) Российского Национального Единства, *руксостав* < руководящий состав, *СМИ* < средства массовой информации, *совбез* < Совет Безопасности, *ЦБ* < Центральный банк и т.п. Например: Оправданный совсем недавно Верхов-

ным Судом *РИ* Дауд Коригов... попал в реанимационное отделение ЦБР РИ с острой почечной болезнью (Моск. комсомолец, 1998, №25); *СМИ* не вытянулись в струнку перед партией победившего пролетариата, а попытались объяснить избирателям, что КПРФ в целом — ничуть не лучше отдельных своих членов (Моск. комсомолец, 1988, №25).

Экономия языковых средств может проявляться не только в появлении новообразований, но и в *заимствовании* в русский язык слов из каких-либо других языков. Процесс заимствования в этом случае осуществляется не с целью номинации новых для русской действительности реалий, а с целью более рационального обозначения тех или иных уже известных понятий. Ср. в этом плане иконные описательные конструкции и соответствующие им однословные наименования иноязычного происхождения, появившиеся в русском языке: тот, кто формирует имидж кого-либо, — *имиджмейкер*, проектирование и строительство промышленных объектов, реконструкция и модернизация производства — *инженеринг*, валютная проститутка — *путана*, встреча на высшем уровне — *саммит*, прозрачная клейкая лента — *скотч*, модные широкие брюки для мужчин — *слаксы*, автор речей высокопоставленного лица — *спичрайтер*, медицинское учреждение, где оказывается помощь в преодолении физических и моральных страданий онкобольным, — *хоспис*, горячие сосиски с хлебом и приправой — *хот-дог*. Например: Рядом... различные павильоны с *хот-догами* (Правда, 3.12.2000).

Концентрация смысла, а тем самым формальная экономия в ряде случаев обеспечивается *семантическими трансформациями* бытующих в языке слов. Приведем несколько примеров. Слово *обвальный* широко употребляет-

ся в таких словосочетаниях, как *обвальная приватизация*, *обвальное обнищание*, *обвальный рост цен*, *обвальный спад производства* и т.п.: Уже этим летом нас ждет *обвальное* падение тиражей газет и журналов (Пресс-экспресс, 15.03.1995). Данные примеры свидетельствуют об употреблении прилагательного в новом, качественном, значении, которое возникло в результате переосмысления исходного значения, а также под воздействием нового переносного смысла производящего существительного *обвал*: Косвенная связь прослеживается также с дефолтом России и последовавшим за ним крахом российских ценных бумаг, параличом банковского сектора, *обвалом* рубля и резким снижением покупательской способности (Изв. 14.01.1999). Новое значение прилагательного *обвальный* может быть представлено довольно пространным описанием, потому что обозначаемый этим словом признак обладает целым рядом характеристик: “быстрый, стремительный во времени”, “массовый, масштабный по размерам”, “интенсивный, активный по динамике процесса”. Семантическая инновация может помочь избежать многословных описаний, особенно тогда, когда речь идет о неблагоприятных явлениях.

Стали употребляться в русском языке и такие новые лексико-семантические варианты, как: *афганец* ‘участник войны в Афганистане’, *глушение* ‘прерывание чьей-либо нежелательной речи’, *номинация* ‘конкурсный раздел на кинофестивале’, *холостой* ‘исполняемый под фонограмму’, *чеченец* ‘участник войны в Чечне’.

Таким образом, переименование каких-либо понятий с целью рационализации процессов общения осуществляется с помощью не только новых слов, но и новых лексико-семантических вариантов уже бытующих в языке лексических единиц.

Стремление к экономии знаковых средств выражения смыкается с *тенденцией к регулярности (однотипности) внутриязыковых отношений*, которая в формальном плане выражается, как известно, в “стремлении говорящих к сокращению сложных, составных наименований, расчлененная форма которых вступает в противоречие с целостностью и единством их номинативной функции”³⁰. Устранение лексической расчлененности приводит к сгущению семантического содержания в рамках одного слова и тем самым к языковому автоматизму: единое значение — единая форма. В подобных случаях язык подчиняется общему закону диалектики, согласно которому конфликт между новым содержанием (в данном случае единством значения наименования) и старой формой (расчлененностью наименования) кончается победой нового содержания.

Этот процесс, известный еще до революции, приводит к возникновению в недрах разговорной и профессиональной речи слов-универбатов, представляющих собой краткое неофициальное наименование понятия, обозначаемого в официальной речи сочетанием “прилагательное + существительное” или “существительное + существительное”: *бесплатник* < пользующийся бесплатными услугами, *индивидуальщик* < занятый индивидуальной деятельностью, *льготник* < пользующийся льготами на что-либо, *наука* < научная работа, *неформал* < член неформального объединения, *оборонщик* < работник оборонной промышленности, *одномандатник* < баллотирующийся по одномандатному округу, *силовик* < сотрудник силовых органов власти, *социалка* < служба социального обеспечения, *протокол* < протокольная служба, *теневик* < представитель теневых структур в экономике, политике, *неучтенка* < неучтенный факт и т.п. Например: От поста вице-премьера по *социалке* до

вас отказались как минимум двое. Почему вы согласились? (Моск. комсомолец, 11.02.1999).

Неологизмы, возникшие в результате действия закона экономии языковых средств, а также действующей в его русле тенденции к регулярности, сами по себе в известной степени (если не становятся единственным средством названия данного понятия) избыточны, ибо выступают в качестве вторичных наименований. Подобное единство двух противопоставлений, как бы исключаящих друг друга, может быть понято в аспекте антиномии “говорящий — слушающий”, согласно которой развитие языка осуществляется то в пользу говорящего, стремящегося упростить высказывание, то в пользу слушающего, в интересах которого — наиболее развернутая формула, облегчающая восприятие высказанного.

Процесс универбации активен в современном языке. Несмотря на отрицательное отношение ревнителей нормативности к универбатам, производство таких “легковесных” слов можно назвать подлинно массовым. Слова-стяжения играют важную роль в современной разговорной и газетно-публицистической речи, то есть в тех стилях речевого общения, где стремление к оперативности изложения особенно ошутимо.

3. В качестве причины, обуславливающей появление неологизмов, не обозначающих новые реалии, назовем *стремление к обобщению*, потребность дать общее родовое название однотипным явлениям, вещам, понятиям.

Именно этот стимул способствовал, например, тому, что вещества, ускоряющие и облегчающие приспособление организма к условиям окружающей среды: женьшень, левзея, элеутерокок и др., — получили название *адаптогенов*.

Разного рода аппараты, устройства для записи изображения и его звукового сопровождения на магнитную ленту: видеокамера, видеомагнитофон, видеофиниш и т.п. — были обобщены в родовом понятии *видеотехника*.

Направления различных видов искусства и литературы, посвященные морской тематике, стали именоваться в своей совокупности *маринистикой*.

Организации, облеченные правительственными, административными полномочиями, получили название *властных* структур, а общественные, профсоюзные организации, не являющиеся распорядительными органами власти, — название *неправительственных*.

Помещение для хранения различных средств информации (книг, газет, видеофильмов, дисков и т.д.) было названо *медиаотека*: *Медиаотека* — это хранилище, в котором представлены не только книги, журналы и газеты, но также другие средства информации (“медиа”)... (Неделя, 1987, №46).

Стремление к обобщению осуществляется в едином русле с тенденцией к регулярности, только теперь уже не формальной (лексической), а семантической. Последняя в данном случае проявляется в образовании наименований, выступающих в качестве обобщенного множителя семантического поля, симметрично расчленяемого дифференциальными смыслами видовых понятий той или иной лексико-семантической парадигмы. Поэтому появление указанных выше наименований вызвано не только потребностью дать обобщенное название тем или иным реалиям, но и стремлением к взаимооднозначности на семантико-парадигматическом уровне, то есть на уровне связей видовых и родовых понятий внутри определенного смыслового поля, а в конечном счете — тенденцией к типовому однообразию.

4. В русле тенденции к регулярности функционирует и противоположная тенденция — *тенденция к дифференциации*, однако не в направлении “виды > род”, как стремление к обобщению, а в направлении “род > виды”, отражая тягу к определенной иерархии внутри смыслового поля с другой стороны: в плане необходимости дать отдельное наименование каждому виду того или иного рода и тем самым установить логические родо-видовые отношения.

В силу указанной потребности возникают новые слова, в большинстве своем сложные, уточняющие известные ранее общие понятия. Ср., например:

Бизнес. *Автомобизнес* ‘бизнес, в основе которого те или иные операции с автомобилями’; *видеобизнес* ‘предпринимательская деятельность, связанная с использованием видеозаписей’; *наркобизнес* ‘бизнес, основанный на купле-продаже наркотиков’; *порнобизнес* ‘предпринимательская деятельность, связанная с использованием порнопродукции’; *шоу-бизнес* ‘бизнес, основанный на организации различного рода шоу’.

Водитель. *Водитель-дальнобойщик* ‘водитель, совершающий рейсы на дальние расстояния’; *водитель-контролер* ‘водитель, выполняющий одновременно функции контролера’; *водитель-реализатор* ‘водитель, выполняющий одновременно функции реализатора’.

Клуб. *Видеоклуб* ‘клуб, в котором демонстрируют видеозаписи’; *джаз-клуб* ‘клуб джазовой музыки’, *клуб-библиотека* ‘учреждение, совмещающее функции клуба и библиотеки’; *клуб-чайхана* ‘клуб в помещении чайханы’; *рок-клуб* ‘клуб любителей рок-музыки’.

Художник. *Художник-игрушечник* ‘специалист по художественному оформлению детских игрушек’; *художник-текстильщик* ‘художник, создающий рисунки на тканях’;

художник-флорист ‘художник, создающий картины из растений’; *художник-фрескист* ‘специалист по художественному оформлению фресок’; *шрифтолог* ‘специалист по различным видам шрифта’.

Шоу. Автошоу ‘автомобильное шоу’, *кантри-шоу* ‘шоу, демонстрирующее музыку в стиле кантри’, *спортшоу* ‘спортивное шоу’, *телешоу* ‘шоу на канале телевидения’, *ток-шоу* ‘шоу с обсуждением какой-либо проблемы’.

В своем большинстве приведенные инновации появились в словарном составе русского литературного языка в 80 — 90-е гг. XX века; явления же, обозначаемые ими, возникли раньше в связи со специализацией в различных областях культуры, науки, техники, производства. Однако их словесное отражение осуществлялось в обобщенном плане, в силу чего возникла потребность в новых словесных знаках, которые способствовали бы удобной для общения номинации каждого отдельного акта, деятеля, явления, операции и т.п.

5. К своего рода избыточности ведет и действующая в языке *тенденция к употреблению более экспрессивных обозначений* известных явлений, во многом обусловленная грандиозными свершениями нашего времени. Поэтому другой, не менее важной причиной возникновения новых слов вслед за Л.П. Якубинским следует назвать стремление говорящих нарушить языковой автоматизм (один знак — одно значение)³¹. С этой целью говорящие и пишущие нередко прибегают к обновлению значения ранее известных слов, переносно-расширительное употребление которых обеспечивает свежесть и выразительность речевого общения. Приведем примеры.

Коридор (коридоры чего) ‘о разветвленном управленческом аппарате’: Приказ оказался незаконнорожденным. И Казембеков сразу понял это. Его короткий рейд по из-

вилистым *коридорам* ведомства увенчался успехом (Комс. правда, 17.10.1987).

Семантическая инновация возникает на базе известного лексико-семантического варианта: *коридор* ‘проход (узкий и длинный), соединяющий отдельные части квартиры, здания’. Сходство обозначаемых понятий усматривается в данном случае в общем признаке — обладающий, как правило, большим протяжением, объемный.

Ср. также: *импортировать*, то есть брать кого-либо со стороны: Хулио Иглесиас, Крис Ри, “Уайтснейк”... — все российские гастролы вышеперечисленных звезд стали возможны благодаря Владимиру Киселеву. Это он как руководитель “Московит-концерта” *импортирует* музыкантов мирового уровня (АиФ, 1998, №49). Наименование действия, ранее относившегося к неодушевленным предметам (ввозить из-за границы какие-либо товары), в настоящее время стало возможным по отношению к тем или иным лицам.

Требование выразительности обусловлено тем, что язык, речь — это не просто средство передачи информации, но и орудие психологического воздействия. Сила воздействия определяется степенью выразительности речи. Именно в этом направлении идет поиск новых, более выразительных средств.

К числу сравнительно недавних образно-метафорических переосмыслений относятся также: *боковой* ‘побочный, не основной’ (боковая цель), *горячий* ‘выражающий, отражающий то, что соответствует интересам текущего времени, злободневный’ (горячее мнение), *зеленые* ‘об американской валюте’, *клубничный* ‘о чем-либо скабрезном, эротическом’ (клубничные темы), *нажимной* ‘связанный с давлением на кого-либо’ (нажимной стиль),

мажор ‘то же, что и новый русский’, *пиджачок* ‘об излишне добром человеке’: Сидим, разговариваем. Девчонки тактично держатся поодаль... И тут проходит мимо них один... Таких теперь зовут *мажорами*. В доступном переводе — новый русский (Крим. хроника, 1998, №1).

В словарном составе языка возникают также новые слова, которые, называя известные предметы или явления, несут определенную экспрессию, оценку, в чем и заключается их основное предназначение. См., например: *андреевщина* ‘об антиперестроечных настроениях, выступлениях’ (от имени собственного Андреева), *антилюбовь* ‘о ненависти, сменивший любовь’, *вассальность* ‘зависимость’, *дароносец* ‘человек, принесший в дар что-либо’, *деревянные* ‘о советских рублях’, *добротворящий* ‘создающий добро’, *кивала* ‘о том, кто находится под чужим влиянием, склонен к беспринципным уступкам’ и т.п.

Слова-оценки, образные переосмысления нарушают регулярность организационной структуры языковой системы. Тем не менее их появление в словарном составе языка — объективное, закономерное явление, вызванное действием экспрессивной функции языкового механизма.

1.8. Выводы

Наблюдения над неологизмами как элементами лексико-семантической системы словаря приводят к следующим утверждениям.

1. Неологизмы современного русского общелитературного языка представляют собой *многоаспектное* явление. Их положение в системе языка неодинаково.

Для категории неологизма прежде всего характерна *номинативная разноплановость*, выражающаяся в характере называемых реалий и способах их вербализации. Одни из

них называют новые реалии и понятия или переименовывают уже известные (*имидж-мейкер, наталит, урботерапия; населенческий, шахматно*); будучи запрограммированными экстра- и интралингвистически, они иллюстрируют собственно неологизмы. Другие — эфемеризмы — называют преходящие явления объективной действительности или реалии, отражающие быт других стран, — ксенизмы (*казюкас, караоке, цинао*). Особую разновидность представляют собой вхождения в литературный язык из других языковых сфер — относительные неологизмы (*губернатор* — уст., *курсак* — обл., *хеология* — спец.).

2. Двойной модус существования языкового знака — как элемента системы и как актуального знака, реализованного в речи, — обуславливает наличие, с одной стороны, *языковых инноваций*, с другой, — *речевых*. Последние характеризуются неустойчивой связью между номинантом и номинатом, что объясняется их факультативной номинативностью.

3. Своеобразная группа инноваций — инновации, стоящие на грани языковых и речевых новых слов (*бикиборг, турбосома*). Характеризуясь речевой принадлежностью, они в то же время явно тяготеют к неологизмам (языковым инновациям). Это промежуточное положение обусловлено рядом специфических черт, свойственных для данной группы новообразований.

4. Изучение лексических инноваций в ономаσιологическом аспекте позволяет утверждать, что сущность лексической объективации (словопроизводственного процесса) состоит в лексической материализации идеально-го. Новое наименование — это прежде всего лексема, то есть новый звукоряд. Формальный аспект позволяет наблюдать градацию неологизмов в плане интенсивности

их новизны, которая обусловлена фонемно-морфемной организацией новых слов. Таким образом, новизна слова — объективное качество, которое отмечается языковым сознанием и может быть соответствующим образом измерено.

5. Разноплановость инноваций проявляется также при рассмотрении их с точки зрения причин неологизации. В общем виде можно констатировать, что неологизация словаря протекает под влиянием разных движущих сил, одни из которых связаны с отражением в языке современной картины мира, другие — с назначением языка как средства общения. Первые служат целям номинации появляющихся в объективной действительности новых предметов, явлений, признаков, вторые — потребности в улучшении языковой техники.

6. Таким образом, неологизм представляет собой понятие, конкретизируемое в ряде видовых разновидностей. В силу этого традиционный подход к неологизмам, который не дифференцирует собственно неологизмы и другие виды инноваций, а также языковые и речевые инновации представляется далеко не полным и недостаточно объективным.

Констатация данного положения должна быть учтена и в неографической практике. Словарные статьи неологических словарей могли бы включать пометы, указывающие на принадлежность лексической инновации к той или иной ее разновидности (собственно неологизм: семантический, формальный, двуплановый, эфемеризм, ксенизм, относительный неологизм; окказионализм).

Примечания

1. *Алаторцева С. И.* Русская неология и неография. СПб., 1999. С. 23.

2. *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов: Л., 1978. С. 19.

3. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е гг. XIX в. М. -Л., 1965. С. 21.

4. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998. С. 38.

5. *Гак В. Г.* О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 38.

6. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994. С. 60.

7. *Костинский Ю. М.* К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка // Литературная норма и просторечие. М., 1977. С. 25.

8. *Дуличенко А. Д.* Русский язык конца XX столетия. Munchen: Sagner, 1994. С. 2.

9. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 28.

10. *Фельдман Н. И.* Окказиональные слова и лексикография // Вопр. языкознания. М., 1957. №4. С. 66.

11. *Лыков А. Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976. С. 11.

12. *Ревзина О. Г.* Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. М., 1996. С. 305.

13. *Полищук Л. М.* Словообразовательный анализ неологизмов советской научной фантастики // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. М., 1972. №19. С. 72-88.

14. *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975. С. 109.

15. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М, 1998. С. 84.

16. *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. С. 35.

17. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 67.

18. *Колшанский Г. В.* Некоторые вопросы семантики в

гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М. , 1976. С. 12.

19. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М. , 1974. С. 24.

20. *Vaier L.* English wordformation. Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 1983. P. 205.

21. *Общее* языкознание: Формы существования, функции, история языка. М. , 1970. С. 216.

22. *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М. , 1982. С. 12.

23. *Влияние* социальных факторов на функционирование и развитие языка. М. , 1988. С. 7.

24. *Ларионов Е. В.* Менеджер // Рус. речь. М. , 1992. №3. С. 116.

25. *Серебрянников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М. : Наука, 1988. С. 93.

26. *Котелова Н. З.* Указ. работа. С. 6.

27. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М. , 1960. С. 429.

28. *Серебрянников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М. , 1988. С. 95.

29. *Скредина Л. М.* Некоторые вопросы развития языка. Минск, 1973. С. 20.

30. *Шмелев Д. Н.* Лексико-семантические изменения в современном русском языке // Рус. яз. в нац. шк. М. , 1966. №3. С. 3.

31. *Якубинский Л. П.* Избранные работы: Язык и функционирование. М. , 1986. С. 54-55.

ГЛАВА 2. СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОГО СЛОВА

2.1. Динамика семантической структуры слова как механизм неологизации

Словарный состав языка изменяется не только в количественном, но и в качественном отношении. Качественные трансформации лексической системы обусловлены различными процессами, среди которых одним из наиболее важных является процесс различного рода сдвигов в семантике уже известных слов. Семантические преобразования, протекающие чрезвычайно интенсивно, — одно из актуальных проявлений современных языковых инноваций нашего времени. При этом вряд ли можно считать, что указанное проявление языковых преобразований — специфическая черта именно нашего времени. Описывая развитие словарного состава русского литературного языка 30-х — 90-х годов XIX века, Ю.С. Сорокин установил, что семантические инновации играют “едва ли не главную роль в обновлении и изменении лексической системы литературного языка”¹. Таким образом, трансформации семантической системы — онтологическое свойство языка и как таковые — один из постоянных объектов научного исследования. Однако если состав компонентов лексического значения уже выявлен и описан, исследованы также и способы их связи (по сходству, смежности и т.д.), то характер взаимодействия компонентов в семантической структуре слова, то есть сам механизм семантической деривации, изучен явно недостаточно. Сказанное становится особенно очевидным в свете процес-

са неологизации, который демонстрирует разнообразные, в том числе новые — нетрадиционные — пути появления семантических инноваций.

В связи с этим возникает необходимость исследовать механизмы преобразования старого в новое на уровне семной структуры слова. Основные понятия, релевантные для описания семантической неологизации, — следующие: “лексическое значение слова”, “семантическая структура слова”, “семантическая динамика”, “семантические инновации”.

Лексическое значение, как никакая другая категория языка, является предметом непрекращающихся научных споров; прежде всего дискутируется проблема его онтологического статуса. В целях ограничения предмета семантического анализа целесообразно отметить основные подходы к пониманию лексического значения.

1. Определение значения как *психической, отражательной сущности*, утвердившееся в период господства логического и психологического направлений (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня), в рамках которых значение приравнивается к понятию или представлению, в этом случае утверждается, что значение — отражение именуемых предметов действительности²; так, лексическое значение слова *ястреб* в указанном аспекте — это само языковое отражение определенной реалии, содержание данного знака, фиксируемое толковыми словарями: 1) ‘хищная птица с коротким крючковатым клювом, острыми загнутыми когтями, короткими закругленными крыльями и длинным хвостом’; 2) ‘представитель реакционной части милитаристских кругов в ряде стран’.

Безусловно, что данная теория не решает проблемы значения: общепринятой является истина, согласно кото-

рой мышление, а не язык есть средство отражения действительности.

2. Определение значения как *реляционной сущности* (отношение знака к денотату, понятию, другим языковым знакам), что связано с знаковыми теориями Ф. де Соссюра, Ч. Морриса³; в этом аспекте значение вышеприведенного слова *ястреб* — связь физического облика слова [j'астр'ьп] с соответствующим предметом (классом предметов) или с его мыслительным отображением или совокупность типовых сочетаний данного слова, соответствующих различным понятийным сферам (*охота на ястребов, летящий ястреб, крыло ястреба...; американские ястребы, ястребы израильского парламента, политика ястребов...*).

Релятивная теория также неприемлема для семасиологических исследований, поскольку значение выводится представителями данной точки зрения из области психического, что противоречит онтологии лексической семантики, а тем самым игнорируется человеческий фактор, непосредственно связанный с формированием и развитием лексического значения.

С учетом сказанного наиболее адекватной и практически значимой для изучения процесса неологизации представляется интегративная теория, сторонники которой, критикуя отражательную доктрину, утверждают: свойства и признаки именуемых предметов, будучи отраженными в нашем сознании, составляют субстанциональную основу лексического значения; языковые единицы, соотносясь с предметами опосредованно, через мышление, служат средством их обозначения⁴. Именно эта теория учитывает действие как внешних, так и внутренних факторов, обуславливающих процесс неологизации языка.

В связи с тем, что в лексическом значении фиксируются различные стороны мыслительного отражения номинируемых предметов, оно представляет собой сложную динамическую структуру; для её осмысления важными являются сформулированные А.А. Потебней понятия ближайшего и дальнейшего значения слова, впервые акцентировавшие неоднородность лексической семантики. В соответствии со сказанным лексическое значение неологизма есть многомерное образование, состоящее из гетерогенных минимальных смысловых элементов (сем — денотативных, коннотативных, вероятностных и т.д.), иерархически организованная совокупность которых образует семантическую структуру словоформы — структуру семемы⁵.

Семы, соотносящиеся с признаками денотата, квалифицируются как денотативные; семы экспрессивного, оценочного, образного и стилистического характера — как коннотативные. Иерархически упорядоченная семема состоит из *денотативного макрокомпонента*: ядра, или интенционала (архисема плюс обязательные дифференцирующие семы) и периферии, или импликационала (вторичные дифференцирующие семы, обычно имплицитные, связанные с вероятностными денотативными признаками), а также — *коннотативного макрокомпонента*⁶. Вполне очевидно, что коннотативная часть лежит целиком в речемыслительной сфере, определяется особенностями системы языка, традициями употребления слова, многими субъективными моментами восприятия и интерпретации возникающего в нашем языковом сознании представления, формирующегося в процессе неологизации. Не случайно по поводу компонентов, составляющих коннотативную часть лексического значения, мнения ученых расходятся, а по мере изучения вопроса число таких компонентов все увеличивается (ср.,

с одной стороны, понимание коннотации Шаховским В.И.⁷ — эмотивность; Телия В.Н.⁸ — эмотивность, оценочность; Мягковой Е.Ю.⁹ — эмоциональность, экспрессивность, стилистический компонент; с другой, — точку зрения приверженцев широкого понимания коннотации: Стернин И.А.¹⁰ — эмоциональность, экспрессивность, оценочность, стилистическая окраска; Говердовский В.И.¹¹ — все компоненты, кроме предметно-понятийного).

Структурирование семем позволяет выявить динамические процессы в семантике слов, связанные с метафоризацией, метонимизацией, приобретением контекстуально обусловленных и окказиональных смыслов.

Семантическая динамика в слове вызывается изменениями рангового статуса сем, их центростремительными или центробежными перемещениями, редукцией или актуализацией, то есть сопряжена с изменениями семного состава слова как в количественном, так и в качественном отношениях. В результате семной динамики лексические единицы языка претерпевают эволюционные изменения, носящие внутрисловный характер. Эти изменения семантической структуры слова представляют собой *семантические инновации*, которые могут быть связаны с изменением интенционала или импликационала либо с взаимодействием этих двух структурных частей семантики слова.

Корни семантических изменений следует искать в законах функционирования языка и человеческого мышления. Среди особенностей мышления, стимулирующих не только языковую вариативность, но и семантическую изменчивость (эволюцию) языка, особое значение имеет оперирование расплывчатыми понятиями и прагматическая субстанциональность мышления, побуждающая говорящих разрушать устоявшиеся стереотипы языка, устанавливать

новые динамические ассоциативные связи¹². К причинам внутреннего порядка относятся изменяемость означающего и означаемого языкового знака; именно это обстоятельство позволило С. Карцевскому сформулировать ставшее классическим положение: “Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности”... Они асимметричны; будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму знаковой структуры лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации¹³.

Асимметричная двуплановость слова, объединяющая ее, с одной стороны, с рядом формально близких слов, с другой, — с определенными точками “семантического пространства” языка, позволила Д.Н. Шмелеву рассматривать семантическую структуру слова как отражение особого вида отношений, названных им эпидигматическими¹⁴. Эпидигматика (синтагматико-парадигматическая связанность знаков как ассоциативно-деривационный аспект языковой памяти) обуславливает динамизм семантической структуры и соответственно ее производность. Эти размышления подводят к выводу о том, что полисемия — конститутивное свойство языка, вытекающее из его природы; в соответствие с этим словесные знаки относительно легко развивают многозначность. “Язык обогащается вместе с развитием идей, — писал В.В. Виноградов, — и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов”¹⁵. Приведенное высказывание В.В. Виноградова демонстрирует традиционный подход к лексической полисемии, в основе которого — членение внеязыкового содержания на

отдельные значения, выделяемые, как правило, интуитивно. В настоящее время моделирование лексической полисемии осуществляется в терминах лексико-семантического варьирования. Лексико-семантический вариант как элементарная лексическая единица представляет собой совокупность грамматических форм одного слова, соотношенных с одним из его значений; в этой связи одно из возможных определений слова — это совокупность внутренне взаимосвязанных лексико-семантических вариантов.

В терминологическом отношении название “лексико-семантические варианты” предпочтительно традиционному названию “разные значения” полисемичного слова, поскольку “вариант” означает модификацию одного и того же слова, а “разные значения” предполагают и разные слова. Так, слово *крутой* семантически модифицируется в следующих лексико-семантических вариантах:

- 1) отличающийся энергичностью, решительностью, хваткостью, самоуверенностью;
- 2) жесткий, с чеканным ритмом (о рок-музыке);
- 3) характеризующийся наивысшим проявлением каких-либо особенностей, свойств;
- 4) самый модный, престижный.

Ср. со словом *предприниматель*, значение которого раздвоилось и фактически превратилось в две разные семемы, функционирующие в неадекватных социальных группах (“групповая семантическая редупликация”):

предприниматель ‘руководитель коммерческой, производственной деятельности’;

предприниматель ‘лицо, наживающее деньги нечестным трудом, занимаясь бизнесом’.

Возможно, что в формировании современной негативной семантики слова сыграл определенную роль за-

фиксированный в толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова следующий лексико-семантический вариант: “человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий (неодобрит.)”¹⁶.

Смысловую структуру многозначного слова образует иерархически организованное единство лексико-семантических вариантов, среди которых доминирует основной и прямономинативный.

До недавнего времени связи значений в границах полисемантического слова рассматривались в целях установления причин и типов изменения этих значений и описывались в терминах метафорических, метонимических, функциональных переносов наименования. Удачную попытку поновому рассмотреть внутрисловные связи значений сделал М.В. Никитин, системно описавший типы содержательных связей лексико-семантических вариантов, отнеся их к универсальным константам. Приравняв внутрисловные связи к понятийным, М.В. Никитин свел все их множество к двум основным: классификационным и импликационным (первый вид детализируется родо-видовыми и симилятивными отношениями); импликация — это когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира: одно понятие вызывает мысль о другом, если предполагается какая-то зависимость отражаемых ими сущностей; классификационные связи — это мыслительный аналог распределения признаков в вещах, их объективная основа — общность сущностей внеязыковой реальности¹⁷. Сказанное позволило уточнить природу семантической неологизации, подведя под нее логическое обоснование, в соответствии с чем выделяются новые производные лексико-семантические варианты, возникшие:

– на основе метафорического употребления наименования (симилятивные связи);

- на основе сужения или расширения объема номинации (гипергипонимия и гипогиперонимия);
- в связи с регулярным употреблением на основе метонимии (импликационные связи);
- на основе семантического сдвига (сохранение исходного семантического объема — эквонимия).

В связи с тем, что семантическая структура слова имеет полевой характер и включает в себя, как указывалось выше, смысловую периферию, семантическая динамика может быть связана и с коннотативной эволюцией лексических единиц.

Кроме того, семантические инновации образуются способами, *отличными от семантической деривации*; в этом случае семантическая динамика не характеризуется отношениями семантической выводимости; новые лексико-семантические варианты образуются так же, как и новые слова.

Семантические инновации внутрисловны по своему характеру, поэтому для осмысления конструктивных механизмов семантической неологизации необходима ее лингвистическая экспликация, что достигается за счет *моделирования*. Последнее по своей изначальной сути предназначено для изучения непосредственно не наблюдаемых явлений, что отражено в определении модели — “мысленно созданная структура, воспроизводящая в схематизированной и наглядной форме сущностные отношения и связи языковой системы¹⁸. Моделирование семантической неологизации состоит в соотнесении исходной и производной семем, что позволяет выявлять общее и различное в их содержании и в конечном счете установить динамическую внутреннюю связь между структурообразующими компонентами.

2.2. Непрямая номинация как основа семантического обновления лексики

Как уже отмечалось, номинативная деятельность не исчерпывается ни простым воспроизведением готовых наименований, ни созданием новых имен. Словесные знаки, являясь средством хранения “снятой” в них внеязыковой информации, служат и средством языкового мышления, поэтому значения слов постепенно вовлекаются в круговорот развития самих понятий, материализованных в словесной оболочке. Указанное обстоятельство обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации, в процессе которой объединяются четыре компонента: “действительность — понятийно-языковая форма ее отражения — переосмысливаемое значение языковой формы, определяющее отнесенность нового смысла к действительности, — языковая форма в ее вторичной функции наречения”¹⁹. Таким образом, вторичная номинация предполагает образование новых лексико-семантических вариантов, семантически выводимых из исторически предшествующих семем.

Метафорические изменения в лексическом значении слова

Среди различных типов семантической неологизации значительное место принадлежит *метафоре*. Это объясняется тем, что метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее не обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая.

Традиционное определение метафоры как переноса наименования по сходству денотатов базируется на ономаσιологическом подходе к данному языковому феномену: если какие-то предметы (явления) похожи, они нередко

обозначаются одним словом. Метафора, таким образом, — это перенос наименования по сходству... *кольцо* (на пальце) — *кольцо* (садов), *нос* (животного) — *нос* (лодки).

Современное понимание языковой метафоры требует рассматривать ее как разновидность вторичной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента²⁰. См., например: *перпендикулярный* ‘противоречащий чему-либо общепринятому, идущий вразрез с чем-либо признанным, общеизвестным’; *упаковать* ‘одеть кого-либо во что-либо’; *шлагбаум* ‘о том, что мешает, препятствует движению, осуществлению чего-либо’.

В свете указанного исходного положения представляется важным утверждение Г.Н. Скляревской о необходимости различать языковую метафору и смежные семантические явления: генетические, художественные метафоры, а также безобразные производные значения, как результат других видов семантической деривации²¹.

Как лексико-семантическая категория метафора — это связь лексико-семантических вариантов многозначного слова, основанная на типовых ассоциативных связях по сходству, или симилиации. Взаимная языковая мотивированность обусловлена опосредующим семантическим компонентом, который А.А. Потебня назвал средством апперцепции; в современной лингвистике этот семантический компонент именуется символом метафоризации, аспектом сравнения.

По-видимому, можно считать общепризнанным факт, что при метафорическом процессе некоторая часть исходной семантической структуры переносится в производную. Разногласия начинаются там, где речь идет о сущности этой части семантики: о ее локализации в семан-

тической структуре (интенционал или импликационал), о месте в иерархии сем, о ее релевантности для исходного лексического значения. Моделирование процессов семантической неологизации, позволяющее описать последнюю в виде структурно-семантических схем, в той или иной мере способствует решению указанных разногласий, ибо дает возможность в наглядной форме представить структуру лексического значения слова и динамику ее компонентов.

Символ метафоры обнаруживает большое разнообразие, в соответствии с чем могут быть выделены следующие типы языковых метафор: мотивированные, синкретические, ассоциативные. Данная классификация языковых метафор, представленная в указанной работе Г.Н. Скляревской, служит основанием для анализа новых лексико-семантических вариантов современного русского литературного языка в компонентно-динамическом плане*.

1. Мотивированные метафорические инновации характеризуются присутствием семантического компонента, *эксплицитно* связывающего новый лексико-семантический вариант с исходной семемой.

* Для схематического описания деривационных моделей в работе используются следующие условные обозначения и сокращения: I — интенционал; II — импликационал; III — коннотативный макрокомпонент; Д — денотативная сема; Гр — грамматическая сема; А — родовая сема, архисема, сокращ. АС; Д₁ (Д₁^а, Д₁^б, Д₁^в и т.д.) — видовая, дифференцирующая сема, сокращ. ДС; р — потенциальная сема; ф — факультативная сема; К — коннотативная сема, сокращ. КС; К₁ — мотивированная Д₁, Д₂; К₂ — производная от А:Д; К₃ — вероятностная коннотативная сема; > — преобразование сем; — — редукция сем; + — прибавление сем; — — актуализация сем; ↑ > — переход семы в другую часть поля; gen — обобщение сем (лат. generalis — общий); мтф — метафоризация.

Аквариум ‘помещение со стеклянными прозрачными стенами’: Два вахтера о чем-то болтали в залитом светом *аквариуме* стеклянной проходной (Сов. Россия, 15.01.1987). Ср.: искусственный водоем или стеклянный сосуд для содержания и разведения рыб, водных животных и растений**.

I. А:Д ₁ — сосуд,	I. А:Д ₂ — помещение,
б:Д ₁ ^а — сделанный из стекла,	здание,
с:Д ₁ ^б — для содержания	б:Д ₂ ^а — сконструированное
водных животных,	из стекла.
растений.	

А:Д₁ > А:Д₂; с:Д₁^б (-); Д₁^а () > Д₂^а

Мтф с актуализацией семы “внешний признак”: мена
АС + редукция ДС + актуализация ДС.

Густонаселенность

‘большая плотность населения’:

I. А:Д₁ — плотность,
б:Д₁^а — большая,
с:Д₁^б — население,
II. d:Д₁^в — скученность.

‘насыщенность персонажами (о книге, романе и т.п.):
Примечательна *густонаселенность* книги, запечатлевшей
“навски оставшихся на полях
сражений солдат... (Москва,
1986, №2).

I. А:Д₂ — насыщенность,
б:Д₂^а — персонаж,
с:Д₂^б — литературное произведение.
II. d:Д₂^в — сложность.

б:Д₁^а() > А:Д₂; с:Д₁^б (-), d:Д₁^в(-); б:Д₂^а (+), с:Д₂^б (+), d:Д₂^в (+).

** Здесь и далее толкование исходного значения приводится по Словарю русского языка. В 4-х тт. (М., 1985-1988); новые значения приводятся по неологическим словарям или толкуются автором работы.

Мтф с актуализацией семы “количество”:
 мена АС + редукция ДС + прибавление новых ДС +
 актуализация ДС и ее переход в АС.

Дворник

<p>‘работник при доме, обязан- ный поддерживать чистоту и порядок во дворе и на улице перед домом’: I. А:Д₁ — работник, б:Д₁^а — при доме, с:Д₁^б — поддерживающий чистоту, II. d:Д₁^в — во дворе, на улице.</p>	<p>‘машина для уборки и рас- чистки улиц, дорог’: Механи- ческий <i>дворник</i> смонтирован на базе трактора МГЗ-80. Это позволяет использовать маши- ну для работы в самых разных условиях (Правда, 17.11.86). I. А:Д₂ — машина, б:Д₂^а — поддерживающая чистоту, с:Д₂^б — на улице, дорогах.</p>
--	---

А:Д₁ > А:Д₂; б:Д₁^а(-); с:Д₁^б(0) > б:Д₂^а; с:Д₂^б(+); d:Д₁^в(-).

Функциональная мтф: мена АС + редукция АС + при-
 бавление новых ДС + актуализация функциональной ДС.

Канарейка

<p>‘певчая птица с ярко-желтым оперением, распространена в качестве комнатной птицы’: I. А:Д₁ — птица, б:Д₁^а — желтое оперение, с:Д₁^б — певчая, II. d:Д₁^в — комнатная, III. e:К₃¹ — любование, положительный оценочно- модальный оттенок.</p>	<p>‘о милицейском автомобиле (желтого цвета с голубой полосой’: Мне показалось, что “Колхида” не остановилась, а врезалась в автобус... Патрульную же машину в это время вынесло на полосу встречного движения, и я почувствовал, что моя <i>канарейка</i> зависла над обрывом (Комс. правда, 8.11.1986). I. А:Д₂ — автомобиль, б:Д₂^а — желтого цвета.</p>
---	--

А:Д₁ > А:Д₂; с:Д₁^б(-); d:Д₁^в(-); б:Д₁^а(0) > б:Д₂^а; e:К₃¹(-).

Мтф с актуализацией семы “внешний признак”: мена АС + редукция ДС и КС + актуализация ДС.

Кукушка

‘лесная перелетная птица, обычно не вьющая гнезда и кладущая яйца в чужие гнезда’:

I. А:Д₁ — птица,

б:Д₁^а — лесная,

с:Д₁^б — перелетная,

д:Д₁^в — не вьющая гнезда,

е:Д₁^г — кладущая яйца в чужие гнезда.

‘о женщине, оставившей рожденного ею младенца в родильном доме на попечение государства’: Престиж многодетности существенно подорван поведением матерей — *кукушек* (Неделя, 1988, №7).

I. А:Д₂ — женщина,

б:Д₂^а — оставившая своего ребенка,

с:Д₂^б — родильный дом,

д:Д₂^в — государственное попечение,

III. е:К₃² — презрение, отрицательный оценочно-модальный оттенок.

А:Д₁ > А:Д₂; б:Д₁^а(-); с:Д₁^б(-); д:Д₁^в(-); е:Д₁^г(+) > б:Д₂^а;
с:Д₂^б(+), д:Д₂^в(+), е:К₃^г(+).

Мтф с актуализацией семы “внутренний признак”: мена АС + редукция ДС + прибавление новых ДС, КС + актуализация ДС.

Могильник

‘место многих погребений, захоронений’

I. А:Д₁ — место,

‘инженерная конструкция, воздвигнутая над пострадавшим от аварии блоком Чернобыльской АЭС для захоронения

b:Д₁^a — погребение,
 с:Д₁^б — много,
 III. d:К₃¹ — сожаление, отрица-
 тельный оценочно-модальный
 оттенок.

отходов и предотвращения
 радиации’: *Могильник* —
 сооружение ответственное.
 Это не просто шатер, который
 должен накрыть поврежден-
 ную часть станции, а довольно
 сложная конструкция (Правда,
 26.05.86).
 I. А:Д₂ — конструкция,
 b:Д₂^a — инженерная,
 с:Д₂^б — воздвигнутая над ава-
 рийным блоком,
 d:Д₂^в — захоронение радиоак-
 тивных веществ,
 III. е:К₃² — сожаление, отрица-
 тельный оценочно-модальный
 оттенок.

А:Д₁ > А:Д₂; b:Д₁^a(0) > d:Д₂^в; b:Д₂^a(+); с:Д₂^б(+); е:К₃^г(+).

Мтф с актуализацией функциональной семы: мена
 АС + прибавление новых ДС + актуализация ДС.

В мотивированных метафорах актуализируются экс-
 плицитные дифференцирующие семы, входящие в интен-
 сионал семемы.

Мотивированность подобных метафорических инно-
 ваций отражается в их словарных толкованиях, которые со-
 держат в своем составе то или иное общее слово:

аплодировать, рую, руешь; несов., перех. Привет-
 ствовать, одобрять что-л. (переносно).

От *аплодировать* в знач. “хлопать в ладоши в знак
 одобрения”;

лавинный, ая, ое. Бурный, стремительный (перенос-
 но).

От *лавинный* в знач. “движущийся стремительной
 массой”;

цунами, неизм., ср. О сильном и резком проявлении чего-л. (переносно).

От *цунами* в знач. “гигантская волна, возникающая в океане в результате сильных подводных землетрясений”.

Изучение метафоры с позиции физиологии высшей нервной деятельности свидетельствует, однако, о том, что в метафоре отсутствует элемент сознательного переноса, поэтому в норме языковые метафорические наименования и исходные семемы не обнаруживают эксплицитного общего семантического элемента.

2. Метафорические инновации синкретического типа образуются на основе смешения чувственных восприятий. В результате указанного смешения возникают новые вторичные номинации, символами которых являются зрительные, вкусовые, тактильные, акустические и другие образы. См., например.

Розовый ‘сочувствующий коммунистам’: На другом фланге намечается союз “Духовного наследия” А. Подберезкина, “Новых левых” В. Семаго и других *розовых* движений... (АиФ, 1999, № 3).

Схема семантической структуры нового лексико-семантического варианта слова:

I. А:Д₂ — сочувствующий коммунистам,

II. b:Д₂^{ар} — антидемократический.

Ср. со структурой исходной семемы: *розовый* ‘бледно-красный’:

I. А:Д₁ — цвет,

b:Д₁^а — бледно-красный,

III. К₁¹ — символизирующий коммунистическую идеологию.

Модель лексико-семантической деривации — метафоризация с актуализацией ассоциативного признака.

$K_1(0) > A:D_2; b:D_1^a(-); A:D_1(-); b:D_2^ap(+)$:

актуализация КС > АС + редукция АС, ДС + прибавление ДС.

Зеленые ‘об американской валюте в долларах; о соответствующих денежных знаках’: Какой смысл покупать *зеленые* у темной личности и рисковать, если теперь официально открылась возможность приобрести их в банке (Изв. 18.03.1989). Новый семантический вариант связан с исходным общей семой “внешний цветовой признак”, что отражает деривационная модель:

исходный лексико-семантический вариант:

I. A:D₁ — имеющий окраску одного из цветов спектра,

b:D₁^a — цвет зелени,

A:D₁гр — атрибутивное значение,

b:D₁^aгр. — полная парадигма числа.

новый лексико-семантический вариант:

I. A:D₂ — денежный знак,

b:D₂^a — американский,

c:D₂^b — доллар,

d:D₂^b — зеленого цвета,

A:D₂гр — предметное значение,

b:D₂^aгр — только мн. ч.

Мтф с актуализацией семы “внешний признак”: мена АС(А:Д и А:Гр) + актуализация ДС + прибавление ДС + мена ДСгр.

$A:D_1 > A:D_2; A:D_1гр > A:D_2гр; b:D_1^aгр > b:D_2^aгр; b:D_2^a(+);$
 $c:D_2^b(+); b:D_1^a(0) > d:D_2^b.$

Другой вид синкретизма — за пределами человеческого организма, в сфере явлений природы:

заморозки ‘об усилении контроля над обществом со стороны властей’ (заморозки 1958 года): ср.: ‘легкий утренний мороз осенью или весной’: скрытая периферийная ДС ‘ограничение возможностей’ актуализируется и переходит в АС.

Аналогично:

оттепель ‘период некоторой демократизации советского общества, связываемый с деятельностью Н.С. Хрущева’; ср.: ‘теплая погода зимой, ранней весной с таянием снега, льда’.

В новых синкретических метафорах по сравнению с мотивированными происходит удаление от ядра актуализируемых сем; последние носят, как правило, не интенциональный, а импликациональный характер.

3. Онтологическая природа метафоры была, как известно, впервые подмечена Аристотелем, в концепции которого, в частности, утверждалось, что предназначение метафоры — так изменять значения слов, чтобы говорить не обычным способом о действительности, соединяя с ней невозможное. Указанное положение аристотелевской концепции наиболее полно реализуют ассоциативные метафоры. При их образовании актуализируются элементы семантики исходной семемы, отстоящие далеко от семантического ядра.

Ассоциации могут быть разного рода. Одни репрезентируют объективно присущие предмету признаки, которые, хотя и не отражены в денотативном содержании, тем не менее известны хорошо всем членам языкового коллектива (*признаковая ассоциативная метафора*).

Болевой

‘относящийся к боли, вызываемый ею’:

l. A:Д₁ — который болит,
b:Д₁^a — относящийся к физической боли,
c:Д₁^b — острая боль,

‘острый, злободневный’:

l. A:Д₂ — острота,
b:Д₂^a — относящийся к тому, что важно в настоящий момент,
c:Д₂^b — актуальный,

II. d:Д₁^вф — вызывающий
внимание к себе,
III. e:К₁¹ — страх, сожаление.

d:Д₂^в — общественно значи-
мый,
II. e:Д₂^гр — “вызывающий
чувство боли”.

c:Д₁^б > A:Д₂; A:Д₁ > Д₂^гр; b:Д₁^а(-); e:К₁¹(-); d:Д₁^вф > c:Д₂^б;
d:Д₂^в(+):

ДС > АС, АС > ДСр, редукция ДС, КС; прибавление ДС,
ДСф > ДС.

Немузейный

‘не относящийся к музею, не
являющийся музейным’:
I. A:Д₁ — не имеющий отно-
шения к музею,
II. b:Д₁^а — актуальный для на-
стоящего времени.

‘настоящий, подлинный’:
I. A:Д₂ — настоящий,
III. b:К₃² — одобрение, по-
ложительная эмоционально-
оценочная окраска.

b:Д₁^а(II) > A:Д₂; A:Д₁(-); b:К₃²(+):
скрытая периферийная ДС переходит в АС, прибав-
ляется КС, исходная АС редуцируется.

Нафталинный

‘относящийся к нафталину
— белому кристаллическому
веществу, употребляющемуся
для предохранения шерсти и
меха от моли’:
I. A:Д₁ — относящийся к на-
фталину,
b:Д₁^а — защита от моли шер-
сти, меха,
II. c:Д₁^б — нечто ветхое.

‘давно отошедший в прошлое’:
I. A:Д₂ — отошедший в про-
шное,
II. b:Д₂^а — неактуальный,
III. c:К₃² — ирония, отри-
цательный эмоционально-
оценочный оттенок.

c:Д₁^б(II) > A:Д₂; b:Д₁^а(-); A:Д₁(-); b:Д₂^а(+); e:К₃²(+):

скрытая периферийная сема переходит в ядерную сему, прибавляются новые скрытые периферийные семы, исходная АС редуцируется.

Ланша

‘узкие тонкие полоски из пшеничного теста’:

- I. А:Д₁ — полоски,
 b:Д₁^a — узкие,
 c:Д₁^b — тонкие,
 d:Д₁^в — тесто,
 II. e:Д₁^r — перемешанность, переплетенность.

‘крайняя путаница, запутанность’:

- I. А:Д₂ — путаница,
 II. b:К₃^r — неодобрение, отрицательный эмоционально-оценочный компонент.

e:Д₁^r(II) > А:Д₂; А:Д₁(-); b:Д₁^a(-); c:Д₁^b(-); d:Д₁^в(-); b:К₃^r(+):

скрытая периферийная ДС переходит в АС, исходная АС редуцируется, прибавляется КС.

Грязный

‘связанный с тем, что загрязняет, пачкает’:

- I. А:Д₁ — связанный с загрязнением,

- III. b:К₂¹ — увядание, ветшание,
 c:К₃¹ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

‘оказывающий губительное воздействие на природу и людей’:

- I. А:Д₂ — губительно воздействующий,

- b:Д₂^a — природа,
 III. К₃ — неодобрение, отрицательный оценочно-модальный оттенок.

К₂¹ > А:Д₂; А:Д₁(-); b:Д₂^a(+): скрытая коннотативная сема переходит в ядерную сему; исходная архисема редуцируется.

По-ковбойски

‘как свойственно, присуще ковбоям’:

- I. А:Д₁ — свойственный ковбоям,
III. б:К₂¹ — смелый, мужественный,
с:К₃¹ — симпатия, положительная оценочно-модальная окраска.

‘беззастенчиво, бесцеремонно’:

- I. А:Д₂ — беззастенчиво,
III. б:К₃² — неодобрение, отрицательный оценочно-модальный компонент.

$б:К_2^1 > А:Д_2; А:Д^1(-); с:К_3^1 > б:К_3^2:$

скрытая КС переходит в ядерную сему; мена КС.

Таким образом, в новых признаковых метафорах обнаруживается такой семантический компонент, который привязан к денотату ассоциативно, тем не менее метафоры подобного типа воспринимаются одинаково всеми членами общества благодаря объективированным связям.

Однако “для создания хорошей метафоры реальные свойства того, что обозначается метафорически, и того, посредством чего обозначается, должны быть максимально разведены по разным сферам наличного бытия и структуры мышления”²². Указанному требованию наиболее полно отвечают ассоциативные психологические метафоры. “Символ таких метафор — аморфное семантическое образование, поэтому именно здесь область бессознательной игры логики”²³. В этих случаях трудно сказать, какие отдаленные ассоциативные связи приводят к формированию инновации, какими психологическими операциями один лексико-семантический вариант приближается к другому.

Клубника

‘травянистое растение рода земляники’:

- I. А:Д₁ — растение,
b:Д₁^a — травянистое,
c:Д₁^b — род земляники,
II. d:Д₁^{вф} — сладкое, доставляющее удовольствие.

‘о чем-то скабрзном, порнографическом’:

- I. А:Д₂ — нечто порнографическое,
II. b:Д₂^a — запретное,
c:Д₂^b — манящее.

А:Д₁ > А:Д₂; b:Д₁^a(-); c:Д₁^b(-); d:Д₁^{вф} > c:Д₂^b; b:Д₂^a(+):
переход скрытой ДСф в релевантную ДС, редукция исходных ДС, мена АС.

Креветка

‘небольшой съедобный морской рак из отряда десятиногих ракообразных’:

- I. А:Д₁ — рак,
b:Д₁^a — морской,
c:Д₁^b — съедобный,
d:Д₁^в — небольшой,
e:Д₁^г — десятиногий.

‘проститутка’:

- I. А:Д₂ — женщина,
b:Д₂^a — аморальное поведение.

А:Д₁ > А:Д₂; b:Д₁^a(-), c:Д₁^b(-), d:Д₁^в(-); e:Д₁^г > b:Д₂^a:
мена архисемы, редукция ДС, переход одной ДС в другую ДС.

Кукла

‘фигура, воспроизводящая человеческое тело’:

- I. А:Д₁ — фигура,
b:Д₁^a — форма человека,
II. c:Д₁^bф — служит для игры.

‘пачка нарезанной бумаги с верхними и нижними настоящими купюрами, выдаваемая мошенником за пачку денег’:

- I. А:Д₂ — пачка,
b:Д₂^a — бумага,
b:Д₂^a — бумага,

c:Д₂^б — нарезанная,
d:Д₂^в — сложенная определен-
ным образом для обмана.

A:Д₁ > A:Д₂; b:Д₁^а(-); c:Д₁^бф > d:Д₂^в; b:Д₂^а(+); c:Д₂^б(+):

мена АС, переход скрытой ДСф в ДС ядерного харак-
тера, прибавление новых ДС, редукция ядерной ДС.

Помазок

‘кисточка для намазывания
чего-либо’:

I. A:Д₁ — кисточка,

b:Д₁^а — намазывание,

II. c:Д₁^б — небольших разме-
ров.

‘солдат, прослуживший 12
месяцев’:

I. A:Д₂ — солдат,

b:Д₂^а — прослуживший год,

III. c:К₃г — ирония; отри-
цательный эмоционально-
оценочный оттенок.

A:Д₁ > A:Д₂; b:Д₁^а(-), c:Д₁^б > b:Д₂^а:

мена АС, редукция исходных ДС, переход одной ДС в
другую ДС, прибавление КС.

Танкер

‘наливное судно для перевозки
жидких грузов в танках’:

I. A:Д₁ — судно,

b:Д₁^а — наливное,

c:Д₁^б — перевозка жидких
грузов,

II. d:Д₁^в — длинное,

e:Д₁^г — герметический резер-
вуар.

‘длинная куртка с глубоким
и высоко застегивающимся
капюшоном’:

I. A:Д₂ — куртка,

b:Д₂^а — длинная,

c:Д₂^б — глубокий капюшон.

A:Д₁ > A:Д₂; b:Д₁^а(-); c:Д₁^б(-); d:Д₁^в > b:Д₂^а; c:Д₁^г > c:Д₂^б:

мена АС, редукция ДС, периферийные скрытые ДС переходят в ядро.

Чайник

<p>‘сосуд для кипячения воды или заварки чая’: I. А:Д₁ — сосуд, b:Д₁^a — кипячение воды, c:Д₁^b — заварка чая, II. d:Д₁^b — выпускающий при кипении пар наружу.</p>	<p>‘о простоватом наивном человеке’: I. А:Д₂ — человек, b:Д₂^a — бесхитростный, открытый, простоватый.</p>
---	--

$A:Д_1 > A:Д_2; b:Д_1^a(-); c:Д_1^b(-); d:Д_1^b > b:Д_2^a:$

мена архисем; редукция ДС; периферийная скрытая сема переходит в ядерную часть.

Нетрудно заметить, что метафорическая инновация — это полное обновление сигнификативного содержания слова. Таким образом, семантическая неологизация метафорического типа представляет собой *коренную перестройку* семной структуры слова, что выражается в обязательной трансформации исходной архисемы²⁴. Указанный процесс проявляется в следующих изменениях:

– мена архисем, сопровождающаяся параллельной меной дифференциальных сем,

– редукция базовой архисемы и одновременный переход в новую архисему:

а) интенциональной дифференцирующей семы;

б) импликациональной семы (эмплицитной, скрытой, факультативной и т.д.);

в) коннотативной семы,

что происходит одновременно с частичной или полной редукцией ядерной и периферийной частей производящего лексико-семантического варианта.

Метонимические изменения в лексическом значении слова

В традиционном понимании метонимия — перенос названия по смежности. При исследовании неологических процессов предпочтительным представляется определение метонимии А.А. Тараненко, как соответствующее избранному компонентно-динамическому подходу к семантическим инновациям: “метонимия — это семантический процесс, при котором форма языковой единицы или определение категории переносится с одного референта на другой на основе той или иной сопредельности последних при отражении в сознании говорящего”²⁵.

В основе метонимии лежит импликациональный тип связи понятий, который соответствует разнообразным связям объективного мира. Указанная логическая особенность отражается в определении метонимии М.В. Никитина — “выражение понятия словом, за которым в первичном распределении номинаций закреплено выражение иного понятия, связанного с первым импликационной зависимостью”²⁶.

В связи с тем, что метонимические отношения воспроизводят реальную логику мира, виды новых метонимических проявлений можно обобщить в четыре типа: это связи между вещами, признаками вещей, вещами и признаками, а также частью и целым. Последний тип связей называют нередко синекдохой, однако вряд ли правомерно выделять ее в качестве особой импликациональной зависимости: принципиального отличия от других метонимических проявлений не наблюдается, так как именуемые одним словом объекты характеризуются смежностью своих признаков.

I. *Связи между вещами.*

Данный тип импликациональной зависимости наиболее распространен; реализуется, как правило, в моделях локально-поссесивной деривации. См., например.

Аляска ‘утепленная куртка с капюшоном’: Из кармана своей *Аляски* он достал два куска янтаря (Комс. правда, 8.09.1988). Модель метонимической деривации: артефакт → место, предполагающее использование этого артефакта.

I. A:Д₁ — полуостров,
II. b:Д₁^a — теплая одежда,
c:Д₁^б — преобладание холодной погоды.

I. A:Д₂ — утепленная куртка,
b:Д₂^a — холодная погода,
c:Д₂^бф — предназначенная для использования в районах севера типа Аляски.

b:Д₁^a > A:Д₂: ДС > АС; A:Д₁ > c:Д₂^бф: АС > ДС.

Женева ‘советско-американская встреча на высшем уровне, проходившая в Женеве’: А между тем и *Женева* и Рейкьявик предопределили успех вашингтонской и московских встреч (Изв., 26.09.1988). Направление метонимического переноса: место > действие в этом месте.

I. A:Д₁ — город,
II. b:Д₁^aф — являющийся местом встречи в верхах.

I. A:Д₂ — встреча в верхах,
b:Д₂^a — Женева.

b:Д₁^aф > A:Д₂: ДС > АС; A:Д₁ > b:Д₂^a: АС > ДС.

Ср. аналогично: *Чернобыль* — ‘о тяжелой аварии на Чернобыльской АЭС’.

Кабинет ‘о чиновничьем аппарате управления’: Немало наносного, идущего от *кабинета*, а не от жизни, в деятельности советских органов (Правда, 01.10.1987). Ср. прежнее значение: ‘служебное помещение в учреждении,

обычно для ответственного лица'. Перенос осуществлен на основе локальной смежности: место действия > те, кто там находится.

<p>I. А:Д₁ — служебное помещение, б:Д₁^а — ответственное лицо.</p>	<p>I. А:Д₂ — управленческий аппарат, II. б:Д₂^а — имеющий служебное помещение.</p>
---	---

б:Д₁^а > А:Д₂: ДС > АС; А:Д₁ > б:Д₂^а: АС > ДС.

Ср. аналогично: *Лестница* 'о молодежи, собирающейся и проводящей свой досуг на лестницах, подвалах и т.п.': В "12-м" этаже самое острое, непривычное впечатление производит именно *лестница* — подростки, проводящие свой досуг в темном и неуютном подъезде (Огонек, 1986, № 45). Прежнее значение — 'сооружение в виде ряда ступеней для подъема и спуска'.

Возможна и модель результативно-причинной деривации: материал > сделанный из этого материала.

<p><i>Трава</i> 'небольшое растение с однолетним мягким и тонким зеленым стеблем': I. А:Д₁ — растение.</p>	<p><i>Трава</i> 'о растительном наркотике': I. А:Д₂ — наркотик, б:Д₂^а — растительного происхождения.</p>
--	---

А:Д₁ > б:Д₂^а: АС > ДС.

<p><i>Варенка</i> 'джинсовая ткань, подвергнутая варке для придания модного линиялого цвета': I. А:Д₁ — ткань, б:Д₁^а — джинсовая,</p>	<p><i>Варенка</i> 'костюм, изделие из варенки': I. А:Д₂ — предмет одежды, б:Д₂^а — сшитый из варенки,</p>
--	---

с:Д₁^б — подвергнутая варке,
 d:Д₁^в — линиялый вид,
 III. e:K₃¹ — модный, по-
 жительный эмоционально-
 модальный оттенок.

III. с:K₃² — модный, по-
 жительный эмоционально-
 модальный оттенок.

A:Д₁ > b:Д₂^а: AC > DC.

Модель инструментально-направительной метоними-
 ческой деривации иллюстрирует, например, слово “нос”.

Нос ‘орган обоняния, находя-
 щийся на лице человека, морде
 животного’:

I. A:Д₁ — орган обоняния.

Нос ‘о специалисте по соз-
 данию композиций духов и
 одеколонов’:

I. A:Д₂ — специалист,

b:Д₂^а — создающий парфю-
 мерную продукцию,

II. с:Д₂^б — использующий
 орган обоняния в качестве
 инструмента.

A:Д₁ > с:Д₂^б: AC > DC; b:Д₂^а(+): прибавление DC.

II. *Связи между признаками вещей.*

Отношения взаимной зависимости между предме-
 тами обуславливают связи признаков этих предметов; он-
 тологическая вторичность признаков обуславливает более
 низкую активность данного типа импликации в процессе
 возникновения семантических инноваций.

Гласный ‘доступный для обще-
 ственного ознакомления и
 обсуждения’:

I. A:Д₁ — доступный,

Гласный ‘связанный с доступ-
 ностью для общественного
 ознакомления и обсуждения’:

I. A:Д₂ — имеющий связь,

$b:D_1^a$ — общественное озна-
комление, обсуждение.

$b:D_2^a$ — доступность,
 $c:D_2^b$ — общественное озна-
комление.

$A:D_1 > b:D_2^a: AC:DC:$

Таково, повторяю, объективное свойство нашего *гласного* времени — обнажать сложность, противоречи-
вость реальной жизни (Правда, 12.11.1988).

Макулатурный ‘имеющий
свойство макулатуры’:

I. $A:D_1$ — имеющий свойство
макулатуры, идущий на пере-
работку.

Макулатурный ‘такой, кото-
рый можно приобрести, сдав
определенное количество
макулатуры’:

I. $A:D_2$ — такой, который мож-
но приобрести,
 $b:D_2^a$ — макулатура.

$A:D_1 > b:D_2^a: AC > DC:$

У нас выходят миллионными тиражами *макулатур-
ные* книги: Дюма, Дрюон, Беркеша (Лит. газета, 1987,
№ 5).

Нажимной ‘производящий на-
жим на что-либо’:

I. $A:D_1$ — производящий на-
жим.

Нажимной ‘связанный с
оказанием настойчивого воз-
действия на кого-что-либо с
понууждением к чему-либо’:

I. $A:D_2$ — связанный с ока-
занием воздействия на кого-
что-либо,
 $b:D_2^a$ — настойчивый, понуж-
дающий к чему-либо,

III. с:К₃²ф — отрицательный эмоционально-модальный оттенокок.

А:Д₁ > b:Д₂^a: АС > ДС; с:К₃²ф(+): прибавление КС:

Укоренившаяся практика подмены партийными комитетами хозяйственных органов, *нажимные* методы руководства сельским хозяйством изживаются медленно (Правда, 25.02.1988).

Остаточный ‘оставшийся неиспользованным, неизрасходованным’:

I. А:Д₁ — оставшийся неиспользованным.

Остаточный ‘связанный с использованием средств, оставшихся от финансирования чего-либо’:

I. А:Д₂ — связанный с использованием финансовых средств,
b:Д₂^a — оставшийся неизрасходованным.

А:Д₁ > b:Д₂^a : АС > ДС:

Принятая в нашей стране система *остаточного* финансирования медицинской науки себя не оправдала и требует коренного изменения (Изв. 11.11.1987).

Магнитофонный ‘относящийся к магнитофону’:

I. А:Д₁ — относящийся к магнитофону.

Магнитофонный ‘осуществляемый с использованием магнитофонной записи’:

I. А:Д₂ — осуществляемый что-л.,
b:Д₂^a — использование магнитофонной записи.

А:Д₁ > b:Д₂^a : АС > ДС:

Вводить *магнитофонный* опрос нужно с большой осторожностью (Неделя, 1987, № 35).

Кризисный 'относящийся к резкому, крутому перелому в чем-либо':

I. А:Д₁ — относящийся к кризису.

Кризисный 'предназначенный для оказания срочной психологической помощи тому, кто находится в состоянии душевного кризиса':

I. А:Д₂ — предназначенный для оказания помощи,

в:Д₂^а — психологическая помощь,

с:Д₂^б — срочная помощь,

д:Д₂^в — находящийся в состоянии душевного кризиса.

А:Д₁ > д:Д₂^в : АС > ДС; в:Д₂^а (+), с:Д₂^б (+): прибавление ДС.

Нельзя не сказать о деятельности суицидологической службы, включающей телефон доверия, *кризисный* стационар (АиФ, 1988, № 22).

Кокаиновый 'относящийся к кокаину':

I. А:Д₁ — относящийся к кокаину.

Кокаиновый 'связанный с производством и сбытом кокаина':

I. А:Д₂ — связанный с производством и сбытом,

в:Д₂^а — кокаин,

II. с:Д₂^б — нелегальный,

III. д:К₃² — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

$A:D_1 > b:D_2^a : AC > DC$; $c:D_2^6 (+)$, $d:K_3^2 (+)$: прибавление
 ДС, КС:

Завершилось совещание в перуанском городе Икитос. На этой встрече обсуждались вопросы улучшения взаимодействия между странами в борьбе с *кокаиновой* мафией (Правда, 22.11.1986).

III. *Связи между вещами и признаками.*

Данный тип импликациональной зависимости наименее распространен и реализуется обычно в модели “признак — носитель признака”. См., например:

инициатива ‘программа, план действий по осуществлению целей’: Предложенная администрацией Рейгана интерпретация открывает путь... к раннему развертыванию систем стратегической оборонной *инициативы* (Изв., 10.02.1987); аналогично: европейская *инициатива*, *инициатива* шести. Прежнее значение — ‘первый шаг в каком-нибудь деле; начинание, почин’.

Направление переноса: действие > результат действия.

I. $A:D_1$ — начинание почин.

I. $A:D_2$ — программа,
 $b:D_2^a$ — представляющая собой первую попытку решить что-либо.

$A:D_1 > b:D_2^a : AC > DC$

Бывшие ‘несуществующие’:
 I. $A:D_1$ — не существующие,

Бывшие ‘об эмигрантах из СССР’:

А:Д₁^агр — атрибутивное значение.

И. А:Д₂ — эмигрировавшие лица,
в:Д₂^а — пребывающие в чужой стране,
А:Д₂гр — субстантивное значение.

А:Д₁ > в:Д₂^а : АС > ДС; А:Д₁ гр > А:Д₂ гр: мена АСгр.:

Что и говорить, в числе *бывших* зачастую оказывались не лучшие представители рода человеческого (Лит. газета, 1987, № 27).

Восьмерка ‘цифра восемь’:
И. А:Д₁ — цифра восемь.

Восьмерка ‘восьмая модель автомобиля “Жигули”’:
И. А:Д₂ — автомобиль,
в:Д₂^а — восьмая модель,
с:Д₂^б — “Жигули”.

А:Д₁ > в:Д₂^а : АС > ДС; с:Д₂^б (+): прибавление ДС:

Несколько месяцев гвоздем экспозиции были легкие автомобили: “Москвич”, “Запорожец”, вазовская “*восьмерка*” (Правда, 14.04.1988).

Мажор ‘бодрое. веселое настроение’:
И. А:Д₁ — бодрое настроение.

Мажор ‘обеспеченный молодой человек, живущий за счет родителей’:
И. А:Д₂ — молодой человек,
в:Д₂^а — обеспечение за счет родителей,
III. с:К₂² — бодрое настроение,

d:K₃^r — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

A:Д₁ > c:K₂² : AC > KC; b:Д₂^a (+), d:K₃^r (+): прибавление ДС, КС:

Сидим, разговариваем. Девчонки тактично держатся поодаль... И тут проходит мимо них один... Таких теперь зовут *мажорами* (Крим. хроника, 1998, № 1).

Зеленые ‘цвета травы, листья’:

I. A:Д₁ — цвета травы, листья,

A:Д₁гр — атрибутивное значение,

b:Д₁гр^a — полная парадигма числа.

Зеленые ‘представители общественных движений, объединяющих тех, кто озабочен экологическими проблемами’:

I. A:Д₂ — лица,

b:Д₂^a — общественное движение,

c:Д₂⁶ — охрана природы,

A:Д₂гр — субстантивное значение,

b:Д₂гр^a — неполная парадигма числа.

В программе *зеленых*, кроме вопросов чисто экологического характера, содержатся и положения сугубо политического свойства (Правда, 30.08.1988).

A:Д₁ > c:Д₂⁶ : AC > ДС; A:Д₁гр > A:Д₂гр: мена АСгр,
b:Д₁гр^a > b:Д₂гр^a : мена ДС; b:Д₂^a (+), c:Д₂⁶ (+):
прибавление ДС.

Растяжка ‘натягивание с целью сделать длиннее или шире’:

l. A:Д₁ — натягивание,

b:Д₁^a — изменение размера.

Растяжка ‘полотнище с рекламой, натянутое между сторонами улицы’:

l. A:Д₂ — полотнище,

b:Д₂^a — реклама,

c:Д₂^b — натянутое,

d:Д₂^b — улица.

A:Д₁ и b:Д₁^a > c:Д₂^b : AC и DC > DC; b:Д₂^a (+), d:Д₂^b (+):
прибавление новых DC:

Так звучал рекламный слоган фильма, многократно тиражированный на *растяжках* главных московских магистралей (Культура, 1999, № 7).

Таким образом, семантическая неологизация метонимического типа не представляет собой в отличие от метафоры коренной перестройки семной структуры слова. Новые лексико-семантические варианты демонстрируют только перегруппировку сем: общая сема переходит в дифференцирующую, а остальная часть имплицуемого понятия составляет интенционал производного лексико-семантического варианта.

2.3. Вторичная косвенная номинация как вспомогательный механизм лексического обновления

Особым типом вторичной номинации является косвенная номинация, в процессе которой формируются *косвенно-производные переносные значения*. В этом случае инновационное наименование объектов действительности протекает в тесном взаимодействии двух уже имеющих в языке слов — переосмысливаемого и доминирующего осмысление. В связи с этим собственно смысловая специфика

связанного значения неологизма проявляется в его синсемантичности, то есть способности выражать новое значение только в сочетании с другими языковыми единицами, указывать на мир только “при совместной реализации с семантически ключевым словом”²⁷.

Важным следствием вышеизложенного является то, что в качестве обязательного средства выражения лексического значения неологизма подобного рода необходимо рассматривать атрибутивные и предикативные словосочетания, в рамках которых со словами, фразеологически связанными, употребляются свободные лексические единицы. Обычно это словосочетание прилагательного с существительным.

Обратимся к примерам.

Живой (живые деньги, валюта, доллары, купюры): Соучредители пришли в Останкино не вкладывать деньги в расчете на отдачу через несколько лет, а с прямо противоположной целью: получить *живые* деньги, причем быстро (Комс. правда, 18.03.1995).

Появление нового лексико-семантического варианта прилагательного обусловлено существованием конкретных финансовых реалий — наличных и безналичных денег, противопоставление которых по функциональному признаку явилось особенно актуальным накануне либерализации цен в 1992 году. Безналичные формально “наличествовали”, их свободное использование было законодательно ограничено; наличные могли функционировать свободно.

Живой, таким образом, — существующий в наличии, могущий быть в свободном обороте:

I. А:Д₂ — существующий в наличии (< деньги),

в:Д₂^а — могущий быть в свободном обороте (< деньги).

Ср.: ‘такой, который живет, обладает жизнью’:

I. A:Д₁ — существовать (о ком-л.),
 b:Д₁^a — функционировать биологически.
 b:Д₁^a > b:Д₂^a: мена ДС; b:Д₁^a(): актуализация функциональной семы.

Горячий: горячие деньги ‘избыточные, не имеющие товарного покрытия деньги у населения, предприятия’: На потребительском рынке, — сказал академик О.Т. Богомолов, — в погоне за товарами, думаю, сейчас не менее 200 миллиардов *горячих* денег (Правда, 6.11.1989). Исходный лексико-семантический вариант — ‘имеющий высокую температуру, сильно нагретый’.

I. A:Д ₁ — имеющий высокую температуру, II. b:Д ₁ ^a ф — могущий прекратить существование.	I. A:Д ₂ — избыточный (< деньги), b:Д ₂ ^a — товарное покрытие, II. c:Д ₂ ^b — не функционирующий, d:Д ₂ ^b ф — подвергающийся инфляции.
---	---

A:Д₁ > A:Д₂; b:Д₁^aф() > d:Д₂^bф; b:Д₂^a(+); c:Д₂^b(+): мена архисем, прибавление ДС, актуализация скрытой факультативной семы.

В рамках косвенной вторичной номинации развиваются и новые метонимические лексико-семантические варианты.

Сидячий: сидячий волейбол ‘волейбол для инвалидов, играющих, сидя на полу’; известный лексико-семантический вариант — ‘находящийся в неподвижном положении, при котором туловище опирается на что-либо нижней частью’.

I. A:Д₁ — находящийся в неподвижном положении.

I. A:Д₂ — осуществляемый инвалидами (<волейбол),
b:Д₂^a — находящийся в сидячем положении.

A:Д₁ > b:Д₂^a : AC > DC:

Магнитофонный: магнитофонная культура ‘об авторских песнях, получивших распространение в магнитофонных записях’; ср. Прил. к магнитофон // Сделанный при помощи магнитофона // предназначенный для магнитофона.

I. A:Д₁ — относящийся к магнитофону.

I. A:Д₂ — получивший распространение (<авторские песни),
b:Д₂^a — магнитофонная запись.

A:Д₁ > b:Д₂^a : AC > DC:

Аналогичную модель метонимической деривации иллюстрирует также прилагательное *женский*: женский рок ‘о пении, песнях в стиле рок-музыки, исполняемых женщинами’:

I. A:Д₁ — предназначенный для женщин.

I. A:Д₂ — стиль рок,
b:Д₂^a — исполняемый женщинами (рок-песни).

A:Д₁ > b:Д₂^a : AC > DC.

Итак, в рамках косвенной номинации как источника семантических инноваций возникают новые метафорические и метонимические лексико-семантические варианты, которые в отличие от обычных имеют ярко выраженный синтагматический структурный аспект лексического значения.

2.4. Сужение и расширение объема источника семантических инноваций

В образовании инноваций заметную роль играет родо-видовая семантическая деривация, то есть сужение и расширение значения, реже — семантический сдвиг.

Расширение значения предполагает расширение назывной функции слова. Семантически обновленное слово начинает соотноситься с более широким кругом предметов внешнего мира, соответственно изменяя сферу своей возможной сочетаемости.

Как утверждает М.В. Никитин, данный тип семантической деривации есть проявление классификационной концептуальной зависимости, при которой связь концептов, устанавливаемая в сознании, отражает не какие-либо реальные связи сущностей, а общность или различие обнаруживаемых признаков²⁸.

При расширении значения происходит переход *от вида к роду* (гипогиперонимия), вследствие чего в семантической структуре нового лексико-семантического варианта уменьшается количество семантических компонентов.

Расширение значения как вид семантической неологизации выступает в нескольких разновидностях.

1. Архисема исходного лексико-семантического варианта сохраняется, семантическая деривация происходит за счет обобщения дифференциальных сем, их перехода из лексико-грамматических в категориально-грамматические:

дирижер ‘лицо, управляющее хором’ > ‘лицо, руководящее ходом чего-либо’:

I. A:Д ₁ — лицо, b:Д ₁ ^a — управляющее хором.		I. A:Д ₂ — лицо, b:Д ₂ ^a — руководящее чем-либо.
---	--	--

b:Д₁^a > b:Д₂^a (gen.)

диверсификация ‘отказ от односторонности в специализации (об экономике стран, регионов, фирм, монополий и т.д.)’ > ‘отказ от односторонности в действиях кого-чего-либо’:

I. A:Д ₁ — отказ, b:Д ₁ ^a — односторонность, c:Д ₁ ^b — специализация экономики.		I. A:Д ₂ — отказ, b:Д ₂ ^a — односторонность, c:Д ₂ ^b — действия вообще.
--	--	--

c:Д₁^b > c:Д₂^b (gen.)

Пентагон ‘военное министерство США’ > ‘военное министерство какой-либо страны НАТО’:

I. A:Д ₁ — министерство, b:Д ₁ ^a — военное, c:Д ₁ ^b — США.		I. A:Д ₂ — министерство, b:Д ₂ ^a — военное, c:Д ₂ ^b — любой страны НАТО.
---	--	---

c:Д₁^b > c:Д₂^b (gen.)

шатито ‘большая разборная палатка для цирковых представлений’ > ‘большая разборная палатка’:

I. A:Д ₁ — палатка, b:Д ₁ ^a — большая, c:Д ₁ ^b — разборная, d:Д ₁ ^b — цирковые представления.		I. A:Д ₂ — палатка, b:Д ₂ ^a — большая, c:Д ₂ ^b — разборная, d:Д ₂ ^b — для чего-либо.
---	--	--

d:Д₁^b > d:Д₂^b (gen.).

Обобщение дифференциальной семы сопровождается параллельным выпадением или введением новых дифференциальных сем:

синхронизация ‘приведение двух или нескольких процессов к такому их протеканию, когда одинаковые или соответствующие элементы процессов совершаются одновременно’ > ‘приведение к одновременности, согласованности’:

l. A:Д₁ — согласование,
b:Д₁^a — процессы,
c:Д₁^b — элемент,
d:Д₁^b — одинаковый,
e:Д₁^г — совершаться.

l. A:Д₂ — согласование,
b:Д₂^a — любые действия.

b:Д₁^a > b:Д₂^a (gen.); c:Д₁^b (-), d:Д₁^b (-), c:Д₁^г (-);

уотергейт ‘политический скандал в США, связанный с нарушением законности в период президентской избирательной кампании’ > ‘о политическом скандале на государственном уровне’:

l. A:Д₁ — скандал,
b:Д₁^a — политический,
c:Д₁^b — государственный
уровень,
d:Д₁^b — США,
e:Д₁^г — период выборов.

l. A:Д₂ — скандал,
b:Д₂^a — политический,
c:Д₂^b — государственный
уровень,
d:Д₂^b — любая страна Запада.

d:Д₁^b > d:Д₂^b (gen.); e:Д₁^г (-).

2. В процессе неологизации может наблюдаться модификация архисемы, сопровождающаяся обобщением дифференциальных сем или прибавлением новых:

грузовик ‘грузовой автомобиль’ > ‘о несухопутном транспортном средстве для перевозки грузов’:

I. A:Д₁ — автомобиль,
b:Д₁^a — грузоперевозки.

I. A:Д₂ — несухопутное транспортное средство,
b:Д₂^a — грузоперевозки.

A:Д₁ > A:Д₂ (gen.);

демонтаж ‘разборка оборудования, сооружения при ремонте’ > ‘поэтапная ликвидация чего-либо’:

I. A:Д₁ — разборка,
b:Д₁^a — по частям,
c:Д₁^b — оборудование,
d:Д₁^b — ремонт.

I. A:Д₂ — ликвидация,
b:Д₂^a — поэтапная,
c:Д₂^b — чего-либо.

A:Д₁ > A:Д₂ (gen.); c:Д₁^b > c:Д₂^b (gen.); d:Д₁^b (-);

фирма ‘торговое или производственное предприятие’ > ‘о месте работы, учебы (организация, предприятие)’:

I. A:Д₁ — предприятие,
b:Д₁^a — торговое-
производственное.

I. A:Д₂ — учреждение,
b:Д₂^a — служащее местом
работы.

A:Д₁ > A:Д₂ (gen.), b:Д₁^a > b:Д₂^a (gen.).

3. Основа неологизации — обобщение архисемы исходного лексико-семантического варианта, ее переход из лексико-грамматической в категориально-грамматическую (ср. с предыдущим видом деривации, где расширение архисемы происходит в пределах одной лексико-семантической парадигмы).

Приоритет ‘преобладающее, первенствующее значение’ > ‘то, чему отдается предпочтение, что является первоочередным’:

I. A:Д ₁ — значение, b:Д ₁ ^a — первенствующее.	I. A:Д ₂ — любое явление, факт, b:Д ₂ ^a — первоочередное.
--	---

A:Д₁ > A:Д₂ (gen.)

Шлягер ‘модная, популярная песня, мелодия’ > ‘о чем-либо популярном, привлекающем общее внимание’:

I. A:Д ₁ — музыкальное произведение, b:Д ₁ ^a — популярное.	I. A:Д ₂ — любое явление, факт, b:Д ₂ ^a — популярное.
--	---

A:Д₁ > A:Д₂ (gen.).

Трансформация архисемы может сопровождаться не только утратой, но и обобщением других смысловых компонентов.

Анабиоз ‘приостановка жизнедеятельности организма с последующим восстановлением ее при благоприятных условиях’ > ‘пассивность, бездеятельность’:

I. A:Д ₁ — депрессия (кого), b:Д ₁ ^a — снижение активности, c:Д ₁ ^б — жизнедеятельность, II. d:Д ₁ ^{вф} — восстановление, e:Д ₁ ^{rp} — благоприятные условия, III. K ₂ ¹ — увядание, K ₃ ¹ — сожаление, отрицательно-модальный оттенок.	I. A:Д ₂ — депрессия (вообще), b:Д ₂ ^a — снижение активности, c:Д ₂ ^б — деятельность любая, II. d:Д ₂ ^{вф} — восстановление, c:Д ₂ ^{rp} — благоприятные условия, III. K ₂ ² — увядание, ветшание.
---	---

A:Д₁ > A:Д₂ (gen.); b:Д₁^a > b:Д₂^a (gen.); c:Д₁^б > c:Д₂^б (gen.)
K₂¹ > K₂²(gen.).

Звезда ‘о человеке, прославившемся в какой-либо сфере деятельности’ > ‘о ком– чем– либо выдающемся, известном’

И. А:Д₁ — знаменитость,
b:Д₁^a — сфера деятельности.

И. А:Д₂ — о ком– чем– либо
выдающемся,
b:Д₂^a — сфера жизни любая.

А:Д₁ > А:Д₂ (gen.); b:Д₁^a > b:Д₂^a (gen.).

Расширение значения слова — это вместе с тем его абстрагирование, так как чем больше круг предметов, с которым соотносится слово, тем меньше конкретных признаков в содержании выражаемого им понятия. Однако семантическое движение осуществляется не только в русле тенденции к обобщению. Противоположная тенденция — стремление к дифференциации семантики слов — находит свое выражение в сужении объема номинации.

Сужение значения, или гипергипонимия демонстрирует, как и рассмотренный выше процесс, классификационный тип концептуальной связи, однако при этом происходит переход от рода к виду, вследствие чего в семантической структуре результативного лексико-семантического варианта появляются новые семантические признаки, конкретизирующие смысл слова. Например:

застой ‘отсутствие развития, остановка в какой-либо области жизни’ > ‘спад в развитии экономики, общественной и культурной жизни в СССР конца 60-х — первой половины 80-х гг.’:

И. А:Д₁ — депрессия.

И. А:Д₂ — депрессия,
b:Д₂^a — экономика,
c:Д₂^b — общественная жизнь,
d:Д₂^b — культурная жизнь.

$A:D_1 = A:D_2$; $b:D_2^a (+)$; $c:D_2^6 (+)$, $d:D_2^b (+)$.

Сужение значения происходит в пределах одной и той же лексико-семантической парадигмы, архисема исходного лексико-семантического варианта в этом же качестве и в результивном лексико-семантическом варианте.

Ср. также:

комплекс ‘совокупность, сочетание чего-либо’ > ‘объединение научных и производственных организаций для решения комплексных задач’:

I. $A:D_1$ — совокупность.

I. $A:D_2$ — объединение,
 $b:D_2^a$ — организация,
 $c:D_2^6$ — научно-
производственное,
 $d:D_2^b$ — решение задач.

$A:D_1 = A:D_2$; $b:D_2^a (+)$; $c:D_2^6 (+)$; $d:D_2^b (+)$;

конверсия ‘обмен, превращение’ > ‘перевод мощностей оборонной промышленности на выпуск гражданской продукции’:

I. $A:D_1$ — превращение.

I. $A:D_2$ — перевод, превращение,
 $b:D_2^a$ — промышленность,
 $c:D_2^6$ — оборонная,
 $d:D_2^b$ — выпуск гражданской
продукции.

$A:D_1 = A:D_2$; $b:D_2^a (+)$; $c:D_2^6 (+)$; $d:D_2^b (+)$.

перестройка ‘переделка чего-либо по новому’ > ‘изменения в социально-политической, хозяйственной сферах, направленные на ускорение социально-экономического развития страны’:

I. A:Д₁ — изменение чего-либо.

I. A:Д₂ — изменение,
b:Д₂^a — социально-политическая сфера,
c:Д₂^b — хозяйственная сфера,
d:Д₂^b — ускорение развития.

A:Д₁ = A:Д₂ ; b:Д₂^a (+); c:Д₂^b (+); d:Д₂^b (+).

Расширение и сужение объема номинации тесно связаны с процессами терминологизации и детерминологизации. Вовлечение терминов в процесс семантической неологизации особенно характерно для сужения значения, в связи с чем параллельно термину “сужение” употребляется термин “специализация лексического значения”: развитие семантической структуры слова идет от нетерминологического характера к специальному, терминологическому. Отмеченное обстоятельство не является исключительным фактом: по справедливому замечанию Н.З. Котеловой, “термины — это слова, и ничто языковое им не чуждо”²⁹.

Семантическое обновление может происходить в направлении от вида к виду. Данный вид переосмысления условно называется семантическим сдвигом, в этом случае в результативном значении сохраняется исходный семантический объем (количество смысловых компонентов) и архисема (возможна лишь ее модификация). Семантический сдвиг происходит за счет мены одного или нескольких дифференциальных признаков:

реанимировать ‘восстанавливать жизненные функции’ > ‘восстанавливать что-либо забытое, утраченное’.

I. A:Д₁ — восстановление,
b:Д₁^a — жизненные функции.

I. A:Д₂ — восстановление,
b:Д₂^a — забытое.

b:Д₁^a > b:Д₂^a.

Аналогично:

- *гонец* ‘тот, кто едет куда-либо со срочным известием, поручением’ > ‘тот, кто едет в места произрастания наркотического сырья для его получения и доставки’;

- *дебилизм* ‘психическая недоразвитость’ > ‘духовная ограниченность’;

- *извоз* ‘промысел, состоящий в перевозке на лошадях грузов или людей’ > ‘перевозка пассажиров и грузов на частном автомобиле как род занятий’;

- *озвучить* ‘приспособить к звуковой передаче (о кинофильме)’ > ‘сделать звуковым (о предметах мышления)’;

- *формат* ‘величина, размер книги, листа’ > ‘величина, размер, масштаб встречи’: По некоторым сведениям, президент Б. Ельцин планирует обсудить два главных вопроса. Первый — о выделении нам инвестиционного кредита в размере 3 млрд. марок. Второй — о *формате* встречи глав государств “восьмерки”... (АиФ, 1999, № 7).

Рассмотренные процессы, как и метонимия, не связаны с такими перестройками семантической структуры слова, которые бы полностью меняли ее характер. Сигнификативная часть лексической семантики трансформируется лишь в плане модификации ее объема, поэтому новый лексико-семантический вариант демонстрирует в сравнении с исходным уменьшение или, наоборот, увеличение количества сем в структуре лексического значения.

2.5. Морфологическая деривация как способ возникновения семантических инноваций

Значительное количество семантических инноваций образуется способами, отличными от семантической деривации. В этом случае они *не связаны отношениями семантической выводимости с исторически предшеству-*

ющим значением. Для такого увеличения числа лексико-семантических вариантов слова, в отличие от деривации, Н.З. Котеловой предложен термин “агрегатирование”³⁰. В этом случае изначально образуется новое слово, которое тут же присоединяется в системе языка к фонетически тождественному исторически предшествующему слову и усваивается как очередное значение полисеманта. Такое восприятие деривата обусловлено формальным тождеством, общностью сем, а также общностью грамматических категорий. В нормативных толковых словарях подобные номинации обычно подаются как значения многозначного слова; многие исследователи рассматривают их как омонимы. Однако эти образования нельзя считать ни новыми словами (из-за совпадения в плане выражения), ни омонимами (из-за совпадения в плане содержания — общие семы).

Между агрегатированными старыми и новыми лексико-семантическими вариантами могут быть различные отношения.

1. Значения, агрегатированные в структуре производящего слова, могут образовываться за счет различных словообразовательных средств. Так, новое значение слова *афганец* — советский военнослужащий, проходящий службу в Афганистане (1979-1989): Пацаны, которым они помогают, по возрасту их младшие братья. Где им искать ответ на свои вопросы? *Афганцы* — это те, кому они поверили (Человек и закон, 1989, №2). Этот лексико-семантический вариант образовался по словообразовательной модели: *Афган(истан)+-ец*. Присоединяясь к уже известному слову *афганец* ‘представитель основного населения Афганистана’, он усваивается как новый лексико-семантический вариант.

Подобным образом возникли и следующие семантические инновации:

- *землячество* ‘предпочтение, покровительство, оказываемое земляками’:

земляк (к→ч)+ *-еств(о)*;

- *карандашник* ‘о канцелярском работнике’:

карандаш + *-ник*;

- *курильщик* ‘подводный термальный источник’:

кури(ться)+ *-льщик*;

- *латинка* ‘пишущая машинка с латинским шрифтом’:

латин(ский)+ *-к(а)*;

- *стилист* ‘художник-модельер, создающий модели нового стиля одежды’:

стиль + *-ист*;

- *чеченец* ‘российский военнослужащий, участник войны в Чечне’:

Чеч(ня)+ *-енец*;

- *флористический* ‘относящийся к флоризму — искусству составления композиций из засушенных растений’:

флорист(т→т’)+ *-ическ(ий)*.

Агрегатирование нового значения с значением уже имеющегося слова осуществляется благодаря наличию общей семы в семантических структурах слов: архисема при этом никаких преобразований не испытывает (как это бывает при переносах наименования), неизменным остается и семантический объем (в отличие от процессов расширения, сужения значения слов и семантического сдвига).

Если сравнить выше указанные семантические инновации с теми значениями слов, по отношению к которым можно говорить об агрегатировании: *землячество* — ‘объединение уроженцев одной местности или страны, живущих за ее пределами для взаимной помощи’; *карандашник* — ‘человек, который фиксирует недостатки, но не борется с ними’; *курильщик* — ‘человек, который курит’; *латинка*

— ‘жительница древней италийской области — лациума, римлянка’; *стилист* — ‘человек, владеющий искусством литературного стиля’; *флористический* — ‘относящийся к флоре’; *чеченец* — ‘представитель народа, живущего в Чеченской республике’, — то можно увидеть, что агрегирующими семантиками в указанных семантических инновациях являются соответственно семы “земляк”, “карандаш”, “выделять дым”, “латинский язык”, “стиль”, “растительный мир”, “Чечня”. Именно они объединяют старый и новый лексико-семантические варианты.

2. При условии многозначности производящего слова семантические инновации, агрегируясь с тем или иным лексико-семантическим вариантом полисеманта, могут образовываться от агрегированных же значений производящего.

У слова пакетный зарегистрировано новое значение — ‘охватывающий пакет — совокупность взаимосвязанных предложений, вопросов и т.п., основанный на нем’: Когда же американская сторона узнала о пакетном характере советских предложений? (Правда, 21.10.1986 г.). Инновация образовалась от нового значения слова пакет, представляющего собой кальку англ. *package*: пакет + -н(ый).

Прежнее же значение прилагательного *пакетный* — ‘относящийся к пакету, связанный с изготовлением или использованием пакетов’ — мотивировано старым лексико-семантическим вариантом производящего существительного *пакет* — ‘предмет или несколько предметов, упакованные в бумажную обертку’: пакет + -н(ый).

Очевидна невозможность выведения нового значения производного слова из старого семантическим путем: значения просто присоединяются друг к другу. Аналогичны и отношения между значениями производящих слов.

Ср. также:

- *композитор* ‘автор музыкальных произведений’ < *композиция* ‘теория сочинения музыкальных произведений’: *компози(ция)+-тор*

и

- *композитор* ‘составитель шахматных композиций’ < *композиция* ‘шахматные задачи и этюды’: *компози(ция)+-тор*;

- *ястребиный* ‘относящийся к ястребу’ < *ястреб* ‘хищная птица’: *ястреб + -ин(ый)* и

- *ястребиный* ‘характерный для ястребов’ < *ястреб* ‘сторонник решения спорных вопросов силой оружия’ (калька с англ. hawk): *ястреб + -ин(ый)*.

3. Семантические инновации, агрегирующие со старыми значениями в структуре производного слова, могут образоваться и от значений, связанных между собой семантической выводимостью. Это возможно только в случаях, когда семантические инновации образуются от исходного значения производящего слова, в то время как старые значения образовались от семантических дериватов этого исходного значения.

Новый лексико-семантический вариант слова *звездность* — ‘принадлежность кого-либо к числу знаменитостей’: Важнейший из компонентов *звездности* — поет или не поет киноактер или танцует, а если танцует, то на каком уровне, как пели и танцевали Фред Астор или Джинджер Роджерс? (Сов. культура, 1.09.1987). Он мотивирован переносным значением прилагательного *звездный* — ‘свойственный знаменитости, звезде’: *звездн(ый) + -ость*.

Лексико-семантический вариант, уже имеющийся в языке — ‘усеянность неба звездами’, мотивирован семантически связанным с выше указанным переносным зна-

чением — ‘относящийся к звездам — небесным телам’: *звездн(ый) + -ость*.

Таким образом, основной лексико-семантический вариант производящего слова, имея семантико-словообразовательный дериват, явился своего рода внутренним фактором, обеспечившим появление аналогичного производного у семантически выводимого переносного лексико-семантического варианта.

Аналогично:

властный:

<i>власть</i>	1) ‘право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле’;	→	<i>власт-ный</i>	‘имеющий склонность и привычку повелевать’: <i>власть(т’→т)+-н(ый)</i> ; ↓
	2) ‘политическое господство, государственное управление и органы его’	→	<i>власт-ный</i>	‘относящийся к государственному управлению’: <i>власть(т’→т)+-н(ый)</i> ; <i>властные органы, властные структуры</i> .

Нужник:

<i>нужный</i>	1) ‘требующийся’ необходимый’;	→	<i>нуж-ник</i>	‘отхожее место’: <i>нуж(н→н’)(ый) + -ик</i> ; ↓
	2) ‘полезный’	→	<i>нуж-ник</i>	‘влиятельный человек, знакомство с которым используется в личных целях’: <i>нуж(н↓н’)(ый) + -ик</i> .

Флюгерный:

<i>флюгер</i>	1) ‘прибор для измерения направления и скорости ветра’;	↓	<i>флюгерный</i>	‘относящийся к флюгеру, связанный с его использованием’: <i>флюгер+</i> <i>-н(ый)</i> ; ↓
---------------	---	---	------------------	--

2) 'о человеке, с выгодой меняющем свои взгляды, убеж- дения'	→ <i>флюгерный</i> 'связанный с карье- ристской переменной взглядов, убежде- ний': <i>флюгер+-(ый)</i> .
--	--

Таким образом, семантическая производность между лексико-семантическими вариантами производящего слова как бы переносится на лексико-семантические варианты производного, тем самым одновременно происходит семантическое развитие их словообразовательных гнезд.

2.6. Выводы

1. Семантические инновации современного русского литературного языка еще раз показывают, что жизнь слова не укладывается в рамки первоначального смысла. Уже существующие значения создают возможности, подготавливают новые употребления, а затем и новые значения тех или иных лексем. Семантическое развитие в целом обусловлено стремлением членов языкового коллектива к разнообразию и выразительности речи (тенденция к экспрессивности). В этом плане семантические инновации как бы компенсируют лексические, среди которых число неологизмов, обусловленных в своем возникновении действием указанной тенденции, менее значительно.

2. Пути семантического развития определяются системой языка.

Большинство семантических инноваций образуется *путем семантической деривации*, при которой наблюдается семантическая выводимость одного лексико-семантического варианта из другого.

3. Наиболее *продуктивный* тип семантической деривации — *метафорические изменения* лексического зна-

чения слова. Очевидна и большая сложность семантической структуры метафоры сравнительно с другими типами семантической неологизации. Метафорическая модель лексико-семантической деривации представляет собой *мену архисем* с прибавлением новых дифференциальных сем, вызванных аналогиями, ассоциациями.

Типология метафор, в основе которой — символ метафоризации, демонстрирует *градацию семантической сложности* инноваций данного вида. Моделирование процесса метафорической неологизации позволяет утверждать, что ассоциативные метафоры по сравнению с мотивированными и синкретичными характеризуются тем, что при их образовании в архисему переходят дифференциальные семы, более удаленные от ядра, скрытые или факультативные, носящие иногда коннотативно-прагматический характер.

4. *Метонимическая модель* семантической неологизации иллюстрирует только *перегруппировку сем*. Общая сема переходит в гипосему, а остальная часть имплицитного понятия составляет гиперсему производного лексико-семантического варианта. Целый ряд доводов позволяет говорить о значительности метонимии как системообразующего типа связи, однако, несмотря на то, что данный способ номинации получил статус регулярного, метонимические новации менее продуктивны.

5. *Гипогиперонимия и гипергипонимия* — основа семантических инноваций, при возникновении которых в семантической структуре слова происходит *изменение исходного семантического объема*, а также изменение рангового статуса сем: применительно к архисеме возможны ее сохранение, обобщение или модификация; что касается дифференциальных сем, то по отношению к ним наблюдается обобщение, выпадение и появление новых сем — специализаторов.

6. *Семантический сдвиг* ведет к появлению инноваций, которые демонстрируют в процессе неологизации сохранение исходного семантического объема и *мену дифференциальных сем.*

7. В отдельный генетический тип семантических инноваций выделяются инновации, образованные новым для современного русского литературного языка способом — *с помощью словообразовательных средств.* Подобные инновации нельзя считать ни новыми словами (из-за совпадения в плане выражения), ни омонимами (из-за совпадения в плане содержания — общие семы), ни разными лексико-семантическими вариантами полисеманта (из-за отсутствия семантической выводимости, сохранения смыслового объема и отсутствия мены сем). С исторически предшествующими лексико-семантическими вариантами слова инновации этой группы связаны так называемым *агрегатированием* — объединением на основе общей дифференциальной семы.

Морфологические семантические дериваты заполняют “пустые клетки” в структуре многозначного слова, наподобие того, как заполняются “пустые клетки” в структуре словообразовательного гнезда. Эти лексико-семантические варианты (как и элементы словообразовательного гнезда) могут быть предсказаны, исходя из наличия других лексико-семантических вариантов производящего слова и соответствующих лексико-семантических вариантов в производном, в чем находит отражение опережающая функция языковой системы, то есть предсказание развития языка на основании логики развития его системы.

8. Изучение механизма семантической неологизации позволяет сделать вывод, имеющий отношение к фиксации семантических инноваций в неологических словарях. По-

следние в целом дифференцированно квалифицируют новые лексико-семантические варианты уже известных русскому литературному языку слов, однако данная дифференциация *не полностью* отвечает уровню современного научного развития, который позволяет *более детально* подойти к лексикографированию семантических инноваций. В соответствии со сказанным в неологических словарях было бы желательно приводить в конце словарной статьи этимологические справки, отражающие не только вторичную номинацию и морфологический способ образования новых лексико-семантических вариантов, но и трансформации семантического объема номинации (расширение, сужение значения, семантический сдвиг), а также изменения коннотативного макрокомпонента семантической структуры слова.

Примечания

1. **Сорокин Ю.С.** Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е гг. XIX в. М.-Л., 1965. С.325
2. **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С.58.
3. **Звегинцев В.А.** Семасиология. М., 1957. С.126; **Калинин А.В.** Лексика русского языка. М., 1978. С.16.
4. **Алефиренко Н.Ф.** Теория языка: Введение в общее языкознание. Волгоград, 1998. С.243.
5. **Алефиренко Н.Ф.** Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999. С.132-146.
6. **Новиков Л.А.** Семантика русского языка. М., 1982. С.114-119; **Никитин М.В.** Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С.61-65.
7. **Шаховский В.И.** Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
8. **Телия В.Н.** Типы языковых значений. М., 1986.
9. **Мяжкова Е.Ю.** Эмоциональная нагрузка слова: Опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.

10. **Стернин И.А.** Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
11. **Говердовский В.И.** Динамика коннотации // Эволюция системных характеристик языковых единиц. Самара, 1992.
12. **Гак В.Г.** Языковые преобразования. М., 1998. С.369.
13. **Карцевский С.О.** Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. М., 1965. С.84-90.
14. **Шмелев Д.Н.** Указ. работа. С.225.
15. **Виноградов В.В.** Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1986. С.22.
16. **Толковый** словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. **Ушакова Д.Н.** Т.3. М., 1939.
17. **Никитин М.В.** О семантике метафоры // Вопр. языкознания. М., 1979. №1. С.67-68.
18. **Гухман М.М.** О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С.157.
19. Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С.159.
20. **Арутюнова Н.Д.** Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С.154; **Скляревская Г.Н.** Метафора в системе языка. СПб., 1993. С.17; **Москвин В.П.** Русская метафора: Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград, 1997. С.13.
21. **Скляревская Г.Н.** Указ. работа. С.29-41.
22. Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С.204.
23. **Скляревская Г.Н.** Указ. работа. С.59.
24. **Heller L., Humez A., Dror M.** „The private lives” of English words / Forew. by Leech G. L. ets.: Routledge & Kegan Paul., 1984. P.153.
25. **Тараненко А.А.** Языковая семантика в ее динамических аспектах. Киев, 1989. С.9.
26. **Никитин М.В.** О семантике метафоры // Вопр. языкознания. М., 1979. №1. С.95.
27. **Телия В.Н.** Указ. работа. С.61.
28. **Никитин М.В.** Указ. работа. С. 98-95.

29. **Котелова Н.З.** К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С.124.

30. **Котелова Н.З.** Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М., 1988. С.5.

31. **Котелова Н.З.** Указ. работа. С.27.

ГЛАВА 3. РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ НЕОЛОГИЗАЦИИ

3.1. Взаимодействие лексики и фразеологии в процессе неологизации

Инновации как категория лексики представляют собой результат взаимодействия разноуровневых единиц языка, в том числе единиц лексической и фразеологической подсистем, поскольку конституируют все три признака данного понятия: взаимообусловленность, причинно-следственную связь и переход одного материального явления в другое.

Взаимосвязь лексической и фразеологической подсистем языка обусловлена известным параллелизмом (но не тождеством!) признаков фразеологизмов и слов как единиц данных подсистем. Противоречивость и неоднозначность понимания соотношения слов и фразеологизмов вызывает необходимость уточнить для адекватного решения соответствующих проблем неологии трактовку некоторых исходных теоретических положений.

Во-первых, в современной науке о языке до сих пор нет единого терминологического обозначения единицы фразеологической подсистемы. В качестве терминообозначения употребляются следующие наименования: *слитное слово* или *слитное предложение*, *фразеологическая единица*, *идиома*, *фразеологизм*, *фразаема*, *устойчивые сочетания слов*. Терминологический разнобой нарушает необходимую для неологии дихотомию: фразеологическая единица — лексическая единица, фразеологизм — слово, фразаема — лексема, фразеоформа — словоформа и др. Наиболее упо-

требительным обозначением является “фразеологическая единица”, а наиболее удачным терминологическим наименованием представляется “*фразема*”. Первое подчеркивает принадлежность фразеологических единиц определенной языковой подсистеме и системе языка в целом (ср.: фонетические единицы, лексические единицы, морфологические единицы и тому подобное), второе органично “вписывается” в однотипный ряд регулярных наименований эмических единиц (фонема, морфема, лексема, семема, синтаксема).

Во-вторых, остается теоретически неоднозначным вопрос об уровневой квалификации фразеологических единиц.

Многие лингвисты отрицают наличие фразеологического уровня в системной организации языка. Так, по мнению Н.М. Шанского, функциональное и содержательное тождество фразеологических и лексических единиц обуславливает их неразрывное единство, в силу чего в языке они образуют единую лексико-фразеологическую систему¹.

В.П. Жуков, разделяя указанную точку зрения, аргументирует ее следующим образом: фразеологизмы лишены свойства иерархичности, их синтагматические связи ограничены, поэтому вопрос об уровневом статусе фразеологизмов решается отрицательно².

Однако целый ряд исследователей выделяет фразеологический уровень в качестве отдельного в системе языка³, при этом тем не менее подчеркивается промежуточный характер данного уровня⁴. Сказанное обосновывается двойственной природой фразеологических единиц. В.И. Кодухов, например, утверждает: “Фразеологические единицы двойственны: с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное устойчивое сочетание, а с дру-

гой стороны, они обладают единым значением, функционируя, как и обычные номинативные единицы — лексемы⁷⁵.

Решение второй проблемы существенно для определения основных параметров неодеривационного поля: отфраземное образование неологизмов происходит в рамках одного языкового уровня или разных (хотя и смежных) уровней.

Таким образом, решение вопроса об уровне статуса фразем тесно связано с вопросом об их соотношении со словом и свободным словосочетанием. Такое сопоставление обуславливается самой природой фразеологических единиц: их конститутивными компонентами выступают слова, функционирование фразем в речи подобно словам; по структуре же фразеологические единицы соотносительны со словосочетаниями или предложениями.

Проблема соотношения фразеологической единицы и слова также решается неоднозначно: а) с точки зрения *теории соотносительности* фразеологической единицы слову, б) с точки зрения *теории эквивалентности* фразеологической единицы слову.

Теория эквивалентности, восходящая к учению Ш. Балли, констатирует общность категориальных признаков рассматриваемых единиц, отсюда вытекает отрицание равного статуса фразем.

В последнее время все большее признание получает теория соотносительности фразеологических единиц и слов, согласно которой между ними предполагается определенное различие, не препятствующее, однако, наличию параллельных признаков:

а) хотя генетически фразеологические единицы состоят из слов, последние несоизмеримы с компонентами фразем, в составе которых они теряют часть своих лексико-

семантических свойств и приобретают новые качества; языковую сущность компонентов фраземы составляет, по мнению Н.Ф. Алефиренко, “фраземообразовательная значимость”, которая, будучи зависимой от денотативно-речевой ситуации и образной структуры фраземы, обуславливает роль компонентов в формировании фразеологической семантики, непосредственно связанной со степенью семантической редукции лексических компонентов⁶;

б) общим категориальным признаком фразеологической единицы и слова является значение, однако значение слов (лексическое) и значение фразем (фразеологическое) имеют лишь изоморфные, но все же различные строение и генетические основания.

Денотат лексического значения — это предмет-тип или обобщенный образ ряда однородных предметов, получивший словесное обозначение. Что касается фразеологической семантики, то она имеет два денотата: один из них лежит в сфере предметных отношений реального мира — денотат-1 (та предметная ситуация, которая обозначается словосочетанием — прототипом фраземы), второй — в сфере психических понятий — денотат-2 (переосмысленная предметная ситуация); следовательно, денотативная структура фразеологического значения есть отражение взаимоотношения трех сущностей: объективный мир — человек — язык; например, для фраземы *горячая точка* денотат-1 — существующие в объективной действительности локализованная часть чего-либо и один из ее признаков, денотат-2 — переосмысление конкретных реалий: район обострения национальных противоречий, обуславливающего военные столкновения.

Сигнификативный компонент фразеологического значения непосредственно связан с осмыслением вторичной де-

нотативной ситуации, поэтому в его основе — не признаки понятия (как в лексическом сигнификате), а ассоциативно-образное представление о предмете косвенно-производной номинации. Этим в свою очередь объясняется преобладание в структуре фразеологического значения коннотативных сем⁸. Таким образом, фразеологическое значение, с одной стороны, характеризуется косвенным обозначением предметов и явлений действительности, а с другой, — производностью от своих фразеомообразующих компонентов. В результате действия этих факторов фразеологическое значение слитно, неразложимо в отличие от монолитности лексического значения при наличии раздельнооформленности фразем и цельнооформленности слов;

в) как и слова, фраземы характеризуются воспроизводимостью, однако понятие фразеологической воспроизводимости неидентично понятию лексической воспроизводимости, так как диктуется собственно языковыми свойствами, в частности, предсказуемостью компонентов фразеологической единицы, воссоздаваемой по известной языку структурной модели, и в этом смысле воспроизводимость фразем — проявление их устойчивости, составляющими которой являются стабильность употребления, целостного значения, структуры, компонентного состава, а также синтаксическая устойчивость.

Указанными признаками фразеологические единицы, сближаясь в определенной степени со словом, в то же время отличаются от свободных словосочетаний и нефразеологических устойчивых сочетаний слов: синтаксически неразложимых типа *произвести посадку* (не обладают устойчивостью), составных наименований типа *День города* (стабильность состава и устойчивость употребления), терминологических сочетаний *атомный вес* и тому подоб-

ное (отсутствие целостного образного значения), пословиц (неноминативны, членимы, носят коммуникативный характер). Таким образом, фразеологическая единица и слово не тождественны друг другу, а лишь соотносительны: каждая из этих единиц обладает своим набором категориальных признаков.

В связи со сказанным представляется правомерным утверждение Н.Ф. Алефиренко о том, что “фраземика занимает промежуточное место в системе языка, располагаясь параллельно синтаксическому уровню”; принципиально важна и констатация следующего факта: во фразеоморфологической комбинаторике принимают участие минимальные смысловые элементы (семы), входящие в семантические структуры нижележащих уровней — лексического и грамматического, что служит одним из доказательств уровня положения фразем⁹.

Итак, можно утверждать, что фраземика представляет собой *отдельный промежуточный уровень языка*; дифференциальными признаками единиц фразеологического подуровня являются устойчивость, целостность переносно-образного значения (в указанном понимании).

Фразеологические единицы связаны внутрисистемными отношениями друг с другом, а также с другими языковыми единицами, и в первую очередь, как уже отмечалось, с единицами лексического уровня. Все это обуславливает тот неоспоримый факт, что между лексической и фразеологической подсистемами языка происходит постоянный “взаимообмен”, постоянная “циркуляция” от слов к фразеологическим единицам и в обратном направлении — от фразем к словам. В связи с этим Н.М. Шанский отмечал: “В языковой действительности постоянно . . . наблюдаются диаметрально противоположные явления, с одной стороны, универбация

фразеологических оборотов и, с другой, — фразеологизация слов¹⁰. Иллюстрацией сказанного могут служить новые фразеологические единицы, появившиеся в современном русском языке: *болезнь достижений* ‘потеря активной позиции после достижения цели’, *дрожжи продавать* ‘испытывать сильное чувство страха’, *из восклицательных знаков* ‘восторженный, хвалебный’, *платяной шкаф* ‘организация торговли, при которой в одном отделе продаются одежда и обувь, соответствующие друг другу по размерам’ и другие, а также отфраземные лексические инновации: *бушеножки* ‘о куриных окорочках, импортируемых из США’ (<ножки Буша), *мундирный* ‘направленный на поддержание официального авторитета’ (<честь мундира), *чернорыночный* ‘имеющий отношение к черному рынку’ и т.п.

Истоки взаимодействия лексики и фразеологии — в их *знаково-номинативной* сущности. Характер этого взаимодействия определяется двумя факторами: а) *функциональным* (слово — средство первичного знакообозначения, фразеологические единицы — знаки вторичной номинации) и б) *производно-субстанциональным* (фраземы есть результат перерождения лексем). Лексические единицы, несмотря на семантические изменения, которым они подвергаются в составе фразем, сохраняют свой лексемный характер, что и обуславливает воздействие лексической системы языка на систему фразеологических единиц¹¹. Таким образом, взаимодействие лексической и фразеологической систем языка реализуется в их *семантико-словообразовательных* связях. Указанный тип взаимной зависимости устанавливает замкнутую цепь между лексической и фразеологической деривацией в направлении от фраземообразовательной комбинаторики словесных значений к фраземе и от фраземы к новому словесному знаку, неологизму.

3.2. Эллипсис фраземы как форма ее движения к лексико-семантической инновации

Динамизм фразеологических единиц во многом обусловлен фактом противоречивого характера их онтологической сущности.

В каждой фраземе в плане содержания совмещаются этимологическое и актуальное значение, а в плане выражения — этимологическая и актуальная форма; последние могут быть как идентичными, так и неадекватными по отношению друг к другу. Ср.: *присаживаться на корточки* — ‘стремиться быть близким в том или ином отношении лицам детского возраста’ и *топать ногой* — ‘призывать к порядку’. При восприятии первой фраземы воспроизводится этимологический образ — ‘вертикальное движение туловища человека в направлении сверху вниз на полностью согнутых ногах’; этимологический образ второй фраземы — ‘резко ударять нижней конечностью о пол, землю’.

Указанное противоречие осложняется несоответствием целостного значения и расчлененной формы, что связано с асимметрическим дуализмом фраземного знака, то есть отсутствием прямого соотношения между его означающим и означаемым. Свойством двойственности наделены абсолютно все фразеологические единицы. “Эта глубинная противоречивость, — отмечает В.М. Мокиенко, — проецируется на многие свойства фразеологизма и создает особый, присущий ему внутренний динамизм”¹². Поскольку *движение* есть необходимое условие существования всех систем, постольку можно утверждать, что двойственная природа фразеологических единиц является их системообразующим свойством как элементов фразеологической подсистемы языка. Таким образом, в устойчивых словосочетаниях диахроническое и синхроническое тесно переплетаются.

Раздельнооформленность фраземы обуславливает одну из важнейших фразеологических антиномий: с одной стороны, стремление фразеологической единицы к уменьшению числа компонентов, с другой, — к количественному увеличению компонентного состава. Редукция компонентов разрушает фразеологическую единицу, превращая ее в слово.

Однако данное направление процесса неологизации не всегда сразу приводит к появлению отфраземных инноваций. Еще А.А. Потебня, описавший процесс превращения басни в поговорку и поговорку, видел в басне важнейший источник последующих количественных трансформаций, приводящих к созданию новой лексической единицы — конечному результату длительного “сгущения мысли”¹³. Таким образом, редукции фраземы как непосредственному источнику неологизации может предшествовать так называемый пословичный этап.

Иллюстрацией к сказанному могут служить следующие два выражения.

Рыба ищет где глубже, а человек, где лучше. На основе этой поговорки возникла новая: *рыба ищет где глубже, а я — где рыба*, в результате редукции которой появилась фразема *где рыба* ‘там, где можно извлечь выгоду’.

Вагон и маленькая тележка. Опорные компоненты этого выражения называют предметы, противоположные по объемно-количественным характеристикам. Возможно, именно эта полярность и обусловила редукцию этого выражения, приведшую к появлению двух отдельных новых антонимичных номинаций — *вагон* в значении ‘очень много’ и *маленькая тележка*, то есть ‘мало’.

Б.А. Ларин придавал большое значение рассматриваемому процессу, видя в нем “случаи разрыва старой жи-

вописующей поговорки и превращение пережиточного момента ее в неразложимое словосочетание”, то есть один из путей обновления системы языка¹⁴.

В современном русском языке сокращение числа компонентов фразеологической единицы, ее эллипсис и как следствие этого появление отфраземных инноваций обычно происходит самостоятельно, без предшествующего словичного сжатия.

Какие же части фразеологической единицы подвергаются процессу редукции? Обычно редукция происходит формально, поэтому сокращаются, по сути дела, любые части фраземы, однако, по мнению В.М. Мокиенко, чаще редуцируются дополнения, что объясняется, вероятно, именно “дополнительной” функцией этого члена предложения и стремлением фразеологической единицы сохранитьобразное ядро высказывания¹⁵.

В результате редукции фразема все более приближается к неологизму. Пределом редукции является так называемая минимальная фразеологическая единица — сочетание служебного слова с существительным: *как новый* ‘об отдохнувшем, набравшемся сил человеке’, *не в кайф* ‘не доставляет удовольствия’, *по нулям* ‘без какого-либо результата’.

Образование нового слова завершает редукцию раздельнооформленных единиц, знаменуя собой ликвидацию противоречия раздельнооформленность — семантическая целостность: неологизм, как конечный этап сложного семантического движения, вбирает в себя весь запас фразеологической информации: *жареное* ‘сенсационный, скандальный факт’ < *пахнет жареным*, *звездность* ‘повышенное самомнение лица, пользующегося большой известностью’ < *звездная болезнь*, *подкожный* ‘скрытый’ < *подкожные деньги* и др.

Н.Ю. Шведова отмечала, что в слове заключено два противоположных потенциала: во-первых, это действие активного словесного притяжения, работа концентрации, конденсации (реализация центростремительного потенциала слова); во-вторых, избирательные действия, работа выбора, отдачи (реализация центробежного потенциала)¹⁶. Рассмотренный выше процесс редукции связан с реализацией центробежных и центростремительных сил лексических единиц, в частности, центробежный потенциал протестирует выбору определенных компонентов фраземы, вычлняющихся из ее структуры в качестве самостоятельных лексических единиц.

Так, центробежные силы способствовали вычлнению из состава фраземы *звездная болезнь* ее адъективного компонента, который в силу действия словесного притяжения был включен в ряд однотипных структурно-семантических единиц, пройдя предварительную стадию деривационно-морфологического оформления: *звездность* 'повышенное самомнение, высокомерное поведение лица, пользующегося большой известностью' (сравните: *уничтожительность, самодостаточность, счастливость* и т.п.).

Таким образом, взаимодействие лексической и фразеологической подсистем языка очевидно; это важный источник словарного обогащения, функционирующий наряду с другими источниками неологизации современного русского языка.

3.3. Деривационные отношения фразем и отфраземных инноваций

Еще И.И. Срезневский писал о плодотворности отфраземного словообразования¹⁷.

В современном русском языке фразеологическое происхождение многих слов совершенно не ощущается;

отфраземное происхождение лексических единиц вскрывается только с помощью этимологического анализа. Так, в результате слияния в одно слово фразеологической единицы *без сѣда* ‘снаружи сидение’ появилось слово *беседа* (*без сѣда* — *бессѣда* — *бесѣда* — *беседа*), первоначально имевшее значение ‘сидение снаружи’, то есть перед домом; слово *без* выступает в исходном выражении *без сѣда* не в современной, предложной, семантике, а в старом, наречном, значении ‘снаружи’; современное значение существительного *беседа* развилось в результате переноса названия с одного действия (сидение) на другое (разговор), так как, отдыхая около дома, люди в то время беседовали друг с другом.

Отфраземное словообразование — предмет внимания многих лингвистов (Ахманова О.С., Шанский Н.М., Попов С.Н., Назарян А.Г., Жуков В.П., Мокиенко В.М., Алефиренко Н.Ф., Кржишник Э., Пугач В.Н., Vidermann J.), в работах которых получила дальнейшее развитие мысль В.В. Виноградова о том, что “фразеологические единицы — это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и источник рождения новых слов”¹⁸. Однако в аспекте процесса неологизации рассматриваемое языковое явление не исследовалось; к тому же, как отмечает В.Н. Пугач, механизм деривационного взаимодействия лексики и фразеологии изучен еще явно недостаточно¹⁹. По ее мнению, лексико-фразеологическое взаимодействие представляет собой единый процесс: лексическая единица > фразеологическая единица > лексическая единица, этапы которого есть переход от одного вида абстракции к другому²⁰. А.Г. Назарян подчеркивает, что в основе лексической абстракции лежит признак понятия, по которому предмет получает свое название; фразеологическая абстракция, напротив,

осуществляется через конкретную картину (описание) или представление о каком-либо предмете, событии²¹. Таким образом, возникновение отфраземной инновации есть логичный переход абстрактного мышления от представления к понятию, от чувственного к рациональному познанию. Известно, что новые слова образуются не от всех фразеологических единиц. Лексикообразовательная активность фразем определяется их местом во фразеологической подсистеме языка. Отфраземная неологизация осуществляется чаще всего на базе идиом, а именно фразеологических единств, составляющих ядро фразеологической системы. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что природа фразеологических единств как нельзя более явно обнаруживает асимметричный дуализм лингвистического знака; компоненты фразеологических единств лексически маркированы в большей степени, чем компоненты других типов фразем: они в отличие от фразеологических сращений как бы “просвечивают” на уровне прямых значений исходных слов. Семная же маркированность, по мнению О.С. Ахмановой, является предпосылкой возникновения “потенциального” слова²², то есть перерождения компонентов фраземы в лексические единицы.

Отфраземная неологизация осуществляется в основном *на уровне речи*; немногие инновации подобного типа приобретают статус неологизмов; но, даже утрачивая окказиональный характер и становясь элементами языка, они сохраняют яркую эмоциональную выразительность, имеют ярко выраженную разговорную окраску; см., например: *беловоротничковый* ‘относящийся к служащим, связанный с их деятельностью’, *галочкизм* ‘соблюдение внешней формы в чем-либо в ущерб существу дела’, *мундирный* ‘направленный на поддержание официального авторитета’, *оскоминный*

‘чрезмерно надоевший’, *пониточный* ‘собранный из чего-нибудь, взятого понемногу отовсюду’, *сухозаконный* ‘такой, в течение которого не продаются алкогольные напитки’.

В отфраземном словопроизводстве выделяют разные способы преобразования фразеологических единиц в слова. Вполне рациональной для теории отфраземной неологизации представляется обобщенная классификация способов образования слов на базе фразем, предложенная Н.Ф. Алефиренко:

лексико-фразеологическая конденсация,
лексико-морфологический способ,
*морфолого-синтаксический способ*²³.

Выбор того или иного отфраземного способа образования нового слова обусловлен не столько элементом случайности, сколько вполне определенными тенденциями, в частности, тенденцией к экспрессивности, согласно которой для отфраземных дериватов используются уже существующие словоформы, чтобы в столкновении омонимов ярче выразить экспрессивность отфраземного неологизма (лексико-фразеологическая конденсация и лексико-морфологический способ), или же, напротив, чтобы избежать нежелательного омонимичного столкновения, прибегают к необычному, не встречающемуся в языке соединению морфем (лексико-морфологический и морфолого-синтаксический способы), что также подчеркивает экспрессивность отфраземной инновации.

Лексико-фразеологическая конденсация как способ образования неологизмов

Данный тип отфраземной неологизации впервые был отмечен В.В. Виноградовым и квалифицирован как семантическое сжатие²⁴. В последующие годы при описании на-

званного явления использовались следующие его обозначения: *семантическая конденсация, включение, компрессия, универбация, эллиптическое словообразование*. Выбор термина зависит от того, под каким углом зрения — словообразовательным или семантическим — рассматривается исследователем полученное новообразование. Термин “*лексико-фразеологическая конденсация*” предпочитается всем остальным на том основании, что он, во-первых, акцентирует внимание на взаимодействии лексических и фразеологических единиц языка в процессе неологизации, а во-вторых, подчеркивает специфичность отфраземных инноваций, возникающих без использования материальных средств, как это наблюдается в традиционном словообразовании.

В.В. Виноградов следующим образом характеризовал своеобразие рассматриваемого процесса: “В самом деле словосочетание нередко сжимается в одно слово, которое воспринимает смысловую функцию целой идиомы... Так, слово выйти (за кого-нибудь) — о женщине в значении “стать женой кого-нибудь” — возникло, конечно, из идиомы выйти замуж. Это эллиптическое сжатие вызвано тавтологической излишностью наречия замуж при точном обозначении мужа”²⁵. Таким образом, лексико-семантическая конденсация представляет собой возникновение новых слов в результате смысловой компрессии производящей фраземы и вычленения из ее состава одного из компонентов, который функционирует в качестве самостоятельной лексической единицы.

Лексико-фразеологическая конденсация охватывает преимущественно *именные словосочетания*, построенные по модели “*прилагательное + существительное*”:

- *мыльный пузырь* 'о чем-либо ничтожном, не представляющем ценности' > *мыльный* 'ничтожный, не представляющий интереса': Союзу художников будет стыдно устраивать впредь уныло парадные экспозиции из казенных портретов, *мыльных* по живописи и скудных по фантазии (Сов. культура, 3.11.,1988);

- *подкожные деньги* 'деньги, утаенные от семьи для личных нужд' > *подкожный* 'скрытый, утаенный': Кто устанавливает качество молока? Те же люди, что и заготавливают его. Вот и создаются на предприятиях резервы. В прошлом году такого *подкожного* молока было обнаружено 769 центнеров (Правда, 27.08.1982).

Прилагательное *прокрустов* возникло на базе пришедшего из античной мифологии выражения *прокрустово ложе*. Бывший компонент фраземы, вычленившись из ее состава, стал употребляться самостоятельно в значении 'жестко ограниченный': *прокрустовы рамки, прокрустов срок, прокрустовы условия*.

Слово *болевой* было известно в составе фразеологической единицы *болевая точка* 'о какой-либо назревшей, но еще не решенной проблеме'. В результате лексико-фразеологической конденсации названной фраземы оно актуализировалось в значении 'острый, злободневный': Все знают о *болевых* проблемах жизни театра (Известия, 21.05.1986).

Инновация может быть обусловлена разными производящими. В этом случае имеет место *множественность мотивации*. Например, слово горячий, известное в составе выражения *по горячему следу* 'без промедления, сразу же, непосредственно после какого-либо события', широко употреблялось и в ряде новых общественно-политических идиом средств массовой коммуникации: *горячая линия* 'не-

отложная служба психологической, моральной и другой поддержки’, *горячий провод* ‘прямая телефонная или телеграфная связь для срочной информации государственной важности’, *горячий телефон* ‘телефон какой-либо организации, по которому любой заинтересованный человек может позвонить и принять участие в обсуждении определенной проблемы’, из состава которых вычленилось его новое значение ‘выражающий, отражающий то, что соответствует запросам, интересам текущего времени, является актуальным, злободневным’.

Аналогичный путь прошло и прилагательное *теневой* ‘неофициальный, неформальный’; ср.: *теневая экономика* ‘экономика, находящаяся вне форм государственного хозяйствования, не контролируемая государством’, а также: *теневой министр, теневой кабинет, теневые группы, теневой партнер, теневой рынок, теневые экономические связи*.

Лексико-фразеологическая конденсация часто сопровождается *субстантивацией* вычлняющегося компонента.

Деревянные ‘о советских рублях’: У него наших, *деревянных*, не хватало, и он со мной зелененькими расплатился (Аврора, 1988, №2): от сочетания слов *деревянные рубли* (субстантивация прилагательного во множественном числе с включением значения слова рубли).

Золотые ‘представители элитной части молодежи’: *Золотые* в публикации организуют клеветническую статью против принципиальной учительницы (Собеседник, 1988, №48): от сочетания слов *золотая молодежь* (субстантивация прилагательного в форме множественного числа с включением значения существительного молодежь).

Из состава фразеологических единиц могут вычлняться не только имена прилагательные, но и существительные:

военное присутствие > *присутствие* ‘наличие войск какой-либо страны на территории другого государства’,

защитный зонтик > *зонтик* ‘о военном покровительстве США другим странам’,

озоновая дыра > *дыра* ‘уменьшение озонового слоя атмосферы, наблюдаемое над полюсами Земли’.

Реже лексико-фразеологическая конденсация осуществляется на базе фразеологических единиц других моделей: *глагол + существительное, существительное + существительное*. Таким путем возникло, например, новое значение слова *мускулы*, восходящее к фразе *играть мускулами* ‘угрожать, показывать готовность к войне’. В новом значении слово *мускулы* — образное обозначение военной мощи государства. Семантическая инновация оказала влияние на производное имя прилагательное *мускульный*, которое приобрело значение ‘относящийся к военной мощи’: Очевидно, в Вашингтоне мускульная сила... явно возоблудала над силой разума (Правда, 18.09.1992).

См. аналогично:

- *жареное* ‘о каком-либо факте, способном привлечь внимание публики сенсационностью, скандальностью’ > *пахнет жареным*;

- *зеленый* ‘относящийся к общественному движению, объединяющему тех, кто озабочен экологическими проблемами и военной угрозой; группы, отдельные представители этого движения’ > *движение зеленых, партия зеленых*;

- *королева* ‘о легкой атлетике’ > *королева спорта*;

- *натянуть* ‘ввести в заблуждение’ > *натянуть нос*.

Среди вторичных наименований, образованных путем лексико-фразеологической конденсации, приоритетную роль играют имена существительные: именно они являются носителями номинативного начала в языке.

Потенциальные возможности для выделения из структуры фразеологической единицы существуют у компонентов многих фразем, однако они реализуются не всегда. Регулярное вычленение компонентов фразем с новыми несистемными значениями привело бы к образованию в лексической системе языка излишне большого количества омонимичных слов, что затруднило бы пользование языком. Сказанное можно подтвердить следующим примером. О.С. Ахманова, утверждая, что у слов, входящих в состав фразеологических единиц, возникают новые значения, сначала потенциальные, как бы “поглощенные” суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, иллюстрирует высказанную мысль распространением фразеологической единицы *делать из мухи слона*, что “создает потенциальные возможности употребления слов *слон* и *муха* уже не только для обозначения соответствующих животных, но и для выражения отвлеченных понятий — “важного, существенного” в противопоставлении “мелкому, незначительному”²⁶. Однако слова *слон* и *муха* не вошли в лексическую систему русского языка в новых, фразеологических значениях, как и не произошло самого факта вычленения их из компонентного состава фраземы.

Словосочетание концентрируется в одно слово, выражающее смысловую функцию целой идиомы, поэтому вполне логично утверждение Н.Ф. Алефиренко, что “вычленяющаяся лексема по сравнению с другими компонентами выступает как смыслообразующий центр фраземы”²⁷. В качестве смыслового центра выступает элемент фразеологической единицы, обладающий *наименьшей степенью удаленности* от буквального значения, что обусловлено неравномерностью лексикализации фразем, разной степенью

затемнения значения слов, входящих в ту или иную фразеологическую единицу. Таким образом, смысловой центр сближает фразу со свободным словосочетанием, вследствие чего воплощающий его компонент, соотносящийся с однозвучным словом, актуализируется и приобретает способность отдельного воспроизведения. Следовательно, словарному воздействию подвергаются прежде всего те компоненты фраземы, которые *не выпадают из системных отношений на лексическом уровне* и сохраняют свою связь, соотнесенность с родственными словами, имеющими нормативное фонетическое и морфологическое оформление²⁸. Наличие смыслового центра зависит в некоторой степени и от грамматической структуры фраземы. В частности, во фразеологических единицах, образованных из сочетания прилагательного с существительным, смысловой центр обычно приходится на компонент, выраженный именем прилагательным: “прилагательные... имеют гораздо более определенную, чем существительные тенденцию выступать в качестве потенциальных слов”; особенно это распространено в случаях наличия определений от собственных имен²⁹. В глагольных словосочетаниях больший удельный вес имеют существительные, хотя грамматическим центром в таких фраземах остается глагол, как управляющее слово; семантика же глагола ослабевает, и он выступает как структурный элемент семантического целого.

Кроме этого, фактором, определяющим выбор вычленяющегося слова, является фразеоморфологическая значимость того или иного компонента фраземы по отношению к значению фразеологической единицы в целом.

Например, в устойчивом словосочетании *играть музыкалами* смысловой центр заключен в субстантивном компоненте, так как именно он в большей степени связан со

словом свободного употребления, играет главную роль в мотивировке фразеологического значения. Следствие этого — лексико-фразеологическая конденсация фраземы, приводящая к вычленению имени существительного: *играть мускулами* > *мускулы* ‘о военной мощи государства’.

Во фразеологической единице *по горячему следу* семантический центр составляет имя прилагательное: *по горячему следу* > *горячий* ‘актуальный, злободневный’.

Таким образом, эллиптирование фразем обусловлено не столько связью с контекстом или речевой ситуацией, сколько внутренней структурой фраземы.

Лексико-морфологический способ отфраземного образования новых слов

Этот тип редукции фразеологических единиц — наиболее последовательное и эффективное средство устранения фразеологического противоречия раздельнооформленность — семантическая целостность. В результате указанного процесса слово *полностью* отрывается от сочетания, ставшего его основой. Один из компонентов утрачивается, “шифруясь” в словообразовательном форманте. Если при эллипсисе (лексико-фразеологической конденсации) намеком на утраченный компонент остается фразеологический контекст и даже — как при субстантивации — форма оставшегося компонента, требующая постановки существительного в определенном роде и числе, то при аффиксальной деривации информации об утраченном компоненте практически не остается. Комментируя указанную особенность лексико-морфологического способа возникновения отфраземных инноваций, В.М. Мокиенко замечает: “Так, фразеологический прототип глагола *баклушничать* или *канителиться* можно восстановить лишь потому, что

современный язык сохранил в активном употреблении сочетания *бить баклуши* и *тянуть канитель*, значение которых и стержневой компонент соответствуют приведенным глаголам. Сложнее найти глагольный компонент разг. *сачковать*, ибо слово теперь гораздо шире по употреблению исходного сочетания *бить сака* (сачка) — ‘бездельничать’...³⁰. Лексико-морфологический способ отфраземной неологизации представляет собой семантико-словообразовательный процесс в сфере фразеологической деривации, где вычленившийся фразеологический компонент служит базой для аффиксального образования неологизмов. Ср.:

Быть под каблуком. Фразема имеет два значения:

1) быть под властью, гнетом; 2) быть в полной зависимости, беспрекословном подчинении (обычно о зависимости мужа от жены). В современном русском языке более употребителен второй семантический вариант. На его основе возникло аффиксальное имя существительное с агентивным значением — *подкаблучник* ‘муж, находящийся в полном подчинении у жены’.

Взять на карандаш ‘записывать, делать заметки’. На основе этой идиомы возникло слово *карандашник* — человек, который отмечает имеющиеся недостатки, но не борется с ними. Формально сходный знак был зафиксирован еще в словаре В.И. Даля, где указывалось, что карандашник — слово, образованное от существительного *карандаш*; его значение — ‘карандашный мастер’.

Высосать из пальца ‘выдумать, сказать без всяких оснований или раздуть дело из пустяка’. Отфраземная инновация — существительное *пальчик*: Что означает прозвище *пальчик* — мне объяснили в свое время западно-германские журналисты в Мюнхене. Поднаторевший на лжи *пальчик* может по первому требованию американских

шефов радиостанции смастерить любой необходимый им “факт”, сочинить цитату из несуществующего документа. А поскольку вся подобная информация высасывается из пальца, рекордсменов выдумок окрестили “пальчиками” (Огонек, 1982, №46).

Голландская болезнь: Напуганные размахом антиядерного движения в Голландии, они (натовские генералы) стали открыто высказывать опасения, что *голландит*, или голландская болезнь... перекинется на другие страны Европы (Комс. правда, 28.10.1985). Новое слово *голландит* было образовано от сочетания слов *голландская болезнь* и обозначает общественное движение против ядерного и ракетного вооружения Европы.

Летающая тарелка. Фразема производит сразу две части речи: *тарелочник* ‘человек, который верит в существование летающих аппаратов инопланетян’ и *тарелочный* ‘относящийся к летающим тарелкам, связанный с интересом к ним’.

Приведенные инновации характерны для разговорной, иронической речи, однако не исключена возможность появления на базе фразеологических единиц слов с нейтральной и даже книжной функционально-стилевой закрепленностью.

Малиновый звон ‘приятный, мягкий по тембру звон колоколов’. На базе этой фраземы возникло новое слово — наречие *малиново* ‘приятно, мягко’: И *малиново* звенят медали на груди (Наш современник, 1984, №11). Омонимичное наречие возникло от прилагательного *малиновый*, сохранив прямое цветовое значение: Над *малиново* рдеющим куполом полуразрушенной церкви висел, истаивал прозрачной пластинкой месяц (Лит. газета, 1984, №52).

Таким образом, лексико-морфологический способ характеризуется тем, что один из компонентов фразеологической единицы фокусирует в себе значение фраземы в целом и становится основой для аффиксальной неологизации.

Как и в традиционном словообразовании, отфраземные инновации распределяются по определенным типам. Для выделения последних необходимо учитывать грамматический статус вычлняющегося компонента, так как главный и зависимый компоненты фразеологической единицы в большинстве случаев относятся к разным частям речи. большая обобщенность аффиксальных способов отфраземного словообразования по сравнению с аффиксальными способами традиционного словообразования обуславливает *необходимость учитывать тождество не конкретных аффиксов*, а видов аффиксов: приставка, суффикс, приставка и суффикс одновременно.

Инновации от глагольных фразем.

глагольная фразема > (зависимая предложно-падежная форма существительного + суффикс) > глагол; словообразовательное значение — ‘действие, представленное производящей фраземой’:

- *дрейфовать* ‘бездействовать’: *лечь в дрейф* > *дрейф* + *-овать*,

- *распылить* ‘подвергнуть уничтожению, обречь на гибель’:

- *пускать в распыл* > *распыл* (л→л’) + *-и(ть)*;

глагольная фразема > (зависимая предложно-падежная форма существительного в наречном значении + приставка и суффикс) > глагол; словообразовательное значение — ‘действие, представленное производящей фраземой’:

- *потрескивать* ‘частично по временам давать сбои,

утрачивать позиции': *трещать по швам* > *по-* + *трещать* (щ→ск, к→к') + *-ива(ть)*,

- *выструниться* 'встать на вытяжку': *вытянуться в струнку* > *вы-* + *струна* (н → н') + *-и(ть)ся*;

глагольная фразема > (зависимый субстантивный компонент + суффикс) > имя существительное; словообразовательное значение — 'отвлеченное действие, совмещающее представленное фраземой значение процесса со значением существительного:

- *закрут* 'об ужесточении контроля, давления со стороны властей': *закручивать гайки* > *закручивать* (ч→т) + *-Ø*;

- *глагольная фразема* > (зависимая предложно-падежная форма существительного + суффикс) > имя существительное; словообразовательное значение — 'отвлеченное действие, совмещающее представленное фраземой значение процесса со значением существительного:

- *загляд* 'предвидение': *заглядывать в будущее* > *заглядывать* + *-Ø*;

глагольная фразема > (зависимая предложно-падежная форма существительного + приставка и суффикс) (имя существительное; словообразовательное значение — 'отвлеченное значение признака':

- *надмирность* 'превосходство над кем-чем-либо': *стоять над миром* > *над-* + *мир* + *-ность*;

глагольная фразема > (зависимый субстантивный компонент + суффикс) > имя прилагательное; словообразовательное значение — 'признак, относящийся, свойственный тому, что названо производящей фраземой':

- *горловой* 'основанный на грубости, нажиме, окрике': *брать горлом* > *горло* + *-ов(ой)*;

глагольная фразема > (зависимый субстантивный компонент + суффикс) > имя прилагательное; словообразо-

вательное значение — ‘способный к действию, названному производящей фраземой’:

- *подхватчивый* ‘поддерживающий инициативу’: *подхватить почин* > *подхватить* + *-чив(ый)*.

Инновации от именных фразем.

1) *со структурой имя прилагательное + имя существительное*:

а) *именная фразема* > (зависимый адъективный компонент + суффикс) > *имя существительное*:

с суффиксом *-ин(а)*; словообразовательное значение — ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному производящей фраземой’:

- *клюквина* ‘необъективный факт’: *развесистая клюква* > *клюква* (в→в’) + *-ин(а)*;

с суффиксом *-ист*; словообразовательное значение — ‘лицо, характеризующееся свойством, взглядами или сферой занятости, которые названы производящей фраземой’:

- *металлист* ‘исполнитель металлического рока, а также поклонник этой музыки’: *металлический рок* > *металлический* + *-ист*;

с суффиксом *-ник*; словообразовательное значение — ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному производящей фраземой’:

- *блокадник* ‘участник антивоенной акции гражданского населения, выражающейся в блокировании военной базы’: *мирная блокада* > *блокада* + *-ник*;

с суффиксом *-ость*; словообразовательное значение — ‘отвлеченный признак, совмещенный со значением предметности’:

- *звездность* ‘повышенное самомнение, высокомерное поведение лица, пользующегося большой известностью’: *звездная болезнь* > *звездная* + *-ость*;

с суффиксом *-ул(я)*; словообразовательное значение — ‘лицо, характеризующееся свойством, взглядами или сферой занятий, которые названы производящей фраземой’:

- *чистюля* ‘сторонник чистого искусства’: *чистое искусство* > *чистое* (т→т’) + *-ул(я)*;

б) именная фразема > (зависимый адъективный компонент + суффикс) > имя прилагательное:

с суффиксом *-евш*; словообразовательное значение — ‘характеризующийся состоянием, представленным производящей фраземой’:

- *очугуневший* ‘ставший болезненно тяжелым’: *чугунные руки, ноги, голова* > *о-* + *чугунный* (н→н’) + *-евш(ий)*;

с суффиксом *-ов*; словообразовательное значение — ‘относящийся к тому или свойственный тому, что названо производящей фраземой’:

- *котловой* ‘общий, суммарный, учитывающий что-либо в целом’: *общий котел* > *котел* (е→∅) + *-ов(ой)*;

в) именная фразема > (зависимый адъективный компонент + суффикс) > наречие;

с суффиксом *-о*; словообразовательное значение — ‘значение признака, совмещенное со значением наречия как части речи’:

- *дубово* ‘тупо, безрезультатно’: *дубовая голова* > *дубовая* + *-о*.

2) *со структурой имя существительное + имя существительное*;

именная фразема > (зависимый субстантивный компонент + суффикс) > имя прилагательное; словообразовательное значение — ‘относящийся к тому или свойственный тому, что названо производящей фраземой’:

с суффиксом *-ев*: *гвоздевой* ‘самый главный, значительный в составе чего-либо’: *гвоздь программы* > *гвоздь* + *-ев(ой)*,

с суффиксом *-н*: *мундирный* ‘связанный со служебным положением, с профессиональным престижем кого-либо’: *честь мундира* > *мундир* + *-н(ый)*,

с суффиксом *-ов*: *силовой* ‘основанный на политическом, экономическом, военном давлении’: *с позиции силы* > *сила* + *-ов(ой)*.

Следует подчеркнуть, что в словообразовательном плане отфраземные инновации отличаются от инноваций, возникших в рамках традиционных способов словообразования. В структуре последних отсылочная и формирующая части фиксируются расчлененно и, следовательно, ономаσιологический базис и признак также представлены аналитически. Что касается отфраземных инноваций, то в них ономаσιологический базис и признак представлены всей формой новообразования. Это объясняется тем, что отфраземные инновации характеризуются расхождением производности: формально образуясь на базе одного, вычленяющегося, компонента фраземы, семантически они соотносятся с фраземой в целом. Ср., например: *соль* > *солить*, *лесть* > *льстить*, *пружина* > *пружинить* (понятие субстанции и понятие действия);

выпить на двоих > *двоить*, *лечь в дрейф* > *дрейфовать*, *трещать по швам* > *потрескивать* (понятие действия).

Морфолого-синтаксический способ отфраземной неологизации

Названный способ заключается в том, что компоненты фразеологической единицы, соотносимые со знаменательными словами, образуют сложную основу, к которой присоединяется нулевой или материально выраженный словообразовательный аффикс:

бабье лето > *бабьелетний* ‘относящийся к периоду бабьего лета’, *водить за нос* > *носовождение* ‘пустое обещание чего-нибудь’.

Этот тип редукции фразем можно назвать наиболее мотивированным способом разрешения противоречия раздельнооформленность — семантическая целостность. При лексико-фразеологической конденсации (эллипсисе) происходит устранение компонентов сочетания, реконструкция которых бывает проблематичной. При лексико-морфологическом способе возникновения инноваций утраченный компонент “кодируется” в словообразовательном форманте. При словосложении же компоненты словосочетания сохраняются, а утрачивается прежде всего раздельнооформленность фразеологической единицы. В этом смысле словосложение можно считать переходным этапом от сочетания к слову.

Родственная природа сложных слов и фразеологических единиц обуславливает отношение к сложным словам как к своеобразному хранилищу устаревшего фразеологического фонда; они являются промежуточным результатом на пути устранения асимметрического дуализма фраземы, результатом, сохраняющим почти неприкосновенными оба компонента бывшего сочетания. Появление сложного слова — обычно показатель высокой автоматизации употребления сочетания, начала его дефразеологизации. Так, по данным

исторического исследования русской фразеологии, в XVII веке в деловых документах распространяется словосочетание полная мочь ‘полная власть, право, предоставленное верховной властью для совершения чего-либо’. Автоматизация употребления сочетания приводит к тому, что уже на рубеже XVII — XVIII веков оно превращается в сложное слово *полномочие*. Ср. также: *краснобай* > *красно* ‘красиво’ и *баять* ‘говорить’, *плодотворный* > *творящий плод*, *щелкопер* > *щелкающий пером*. Характерно, что сочетания, которые можно получить искусственным разложением таких сложных слов, будут восприняты современными носителями языка не как фразеологические, а как свободные.

Морфолого-синтаксический способ отфраземного образования неологизмов продуктивен и в русском языке нашего времени. С точки зрения структуры инновации, полученные указанным способом, представляют собой сложно-суффиксальные существительные, состоящие из двух основ. Однако реальной морфемой в таких сложных словах является только словообразовательный формант; корни как таковые отсутствуют: это псевдокорни, они не участвуют в формировании лексического значения. Такое рассуждение подводит нас к необходимости уточнить термин “сложное слово” применительно к отфраземным лексическим единицам. Под сложной отфраземной инновацией мы понимаем такое новообразование, которое формально соотносится с более чем одним компонентом исходной фразеологической единицы.

Существительные-сложения с опорным компонентом, содержащим глагольную основу.

Существительные с суффиксом *-изм* обозначают качества, склонности, связанные с тем, что названо производящей фраземой:

засушить живое дело > живоделозасушизм:
живой + о + дело + о + засушить + -изм,
как бы чего не вышло > какбычегоневышлизм:
как бы чего не вышло (л→л') + -изм,
на все наплевать > всенаплевизм:

все... + наплевать (в→в') + -изм: Преодолеть психологию перестраховки, “*какбычегоневышлизм*” — одна из первых наших задач (Лит. газета, 1986, №27).

Существительные с суффиксом *-ист* обозначают лицо по сфере занятий, склонности к чему-либо, названным производящей фраземой:

кабы чего не вышло > кабычегоневышлист:
кабы чего не вышло (л→л') + -ист.

Существительные с суффиксами *-ениј*, *-ств* (морф *-тельство*) имеют значение ‘действие или деятельность, представленные исходной фраземой’:

водить за нос > носовожделение:
нос + о + водить (д→жд) + -ениј(е),
делать добро > добродетельство:
добро + о + делать + -тельство(о).

Существительные-сложения с опорным компонентом, содержащим основу существительного.

Существительные с суффиксом *-ец* обозначают лицо, относящееся к тому или характеризующееся тем, что названо в опорной фразеологической единице:

знаток человеческих душ > душезнатец:
душа + е + знаток (т→т') + -ец,
с черного хода > черноходец:

черный + о + ход (д→д') + -ец: Говорили о нездоровой обстановке, “*черноходцах*”, о конфликтах, слезах и увольнении по собственному желанию директора (Комс. правда, 23.10.1987).

Существительные с суффиксом *-ник/-очник* обозначают предмет, относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо базовой фразеологической единицей:

мокрая спина ‘наемный рабочий’ > *мокростинник*:

мокрая + *о* + *спина* + *-ник*,

черная дыра ‘космические объекты, предсказываемые теорией относительности’ > *чернодырочник* ‘ученый-физик, изучающий черные дыры’:

черный + *о* + *дыра* + *-очник* > *чернодырочник*.

Существительные с суффиксом *-ость/-ность* имеют значение ‘предмет, явление, характеризующиеся признаком, названным опорной фраземой’:

звездный час > *звездночасность*:

звездный + *о* + *час* + *-ность*.

Существительные с суффиксом *-ств/-еств* называют явление или состояние, характеризующиеся наличием того, что названо исходной фраземой:

гнилая душа > *гнилодушество*:

гнилой + *о* + *душа* + *-еств(о)*: Своих защитников на поругание врагу не бросают, а мы их бросили и сегодня пожинаем горькие плоды. На застойной воде забвения мы вырастили плесень и *гнилодушество* (Юность, 1997, №12).

Существительные с суффиксом *-чик* обозначают лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо производящей фраземой:

зеленые береты ‘военнослужащие частей и подразделений армии США, предназначенных для выполнения специальных заданий в тылу противника’ > *зеленоберетчик*:

зеленый + *о* + *берет* + *-чик*,

черные береты ‘солдаты специальных войск США, предназначенных для проведения диверсионных операций

в других странах' > *черноберетчик*: На обложке... запечатлены стоящие рядом президент ФИТА и актер... Сильвестр Сталлоне, поставивший суперкинобоевик... и играющий в нем главную роль *зеленоберетчика* (Сов. спорт, 14.02.1986).

Морфолого-синтаксический способ отфраземной неологизации используется и для производства новых *имен прилагательных*. В наших примерах все они представлены сложениями с опорным субстантивным компонентом:

с суффиксом *-н*:

бабье лето > *бабьелетний*:

бабь(е) + е + лето + -н(ий),

круговая порука > *круговопоручный*:

круговой + о + порука (к→ч) + -н(ый),

с миру по нитке > *смирупониточный*:

с миру по нитке (∅→о, к→ч) + -н(ый),

сухой закон > *сухозаконный*:

сухой + о + закон + -н(ый),

черный рынок > *чернорыночный*:

черный + о + рынок (к→ч) + -н(ый): У Евгения Евту-

шенко есть любопытное стихотворение, посвященное памяти Владимира Высоцкого. Поэт возмущается, что “бок о бок с шашлычной” в киоске звукозаписи бойко идет *чернорыночная* торговля его песнями (Лит. газета, 1982, №23);

с суффиксом *-ов*:

белые воротнички ‘служащие’ > *беловоротничковый*:

белый + о + воротничок (о→∅) + -ов(ый): Все эти процессы оборачиваются поблажкой в основном к представителям так называемой *беловоротничковой* преступности (Лит. газета, 1989, №47);

с суффиксом *-ск*:

летучий голландец > *летучеголландский*:

летучий + *e* + *голландец* + *-ск(ий)*,

лишь бы как > *лишьбыкаковский*:

лишь бы как + *-овск(ий)*: Угольщики, получив из Белоруссии совершенно новый самосвал, еще много сил отдают ему — докручивают, довинчивают, прежде чем сесть за руль. Качество заводской сборки “для себя” низкое или... *лишьбыкаковское* (Правда, 5.12.1985).

Появление новых сложных слов, образованных на базе фразем, есть реализация общей тенденции к синкретизму, которая выступает в единстве со своей противоположностью — тенденцией к аналитизму на уровне семантико-словообразовательной структуры сложного слова, отличающегося от других производных знаков высокой степенью мотивированности (бимотивированные слова)³¹.

3.4. Семантические отношения фразеологических единиц и отфраземных инноваций

Редукция фразеологических единиц — процесс не только количественный: за уменьшением числа компонентов следуют *качественные*, семантические изменения. В связи с этим проблема отфраземной неологизации предполагает поиск ответа на вопрос о том, *как соотносятся значения производящей фразеологической единицы и образованной от нее лексической инновации*.

Известны следующие типы семантической соотносительности фразем и их лексических производных: семантическая инвариантность фразеологической единицы с отфраземным новообразованием, лексическое и семантическое расхождение фраземы с производным от нее словом.

Первый тип семантической соотносительности — семантико-грамматическая адекватность фраземы и отфраземного слова:

- *военное присутствие* > *присутствие* ‘наличие войск какой-либо страны на территории другого государства’;

- *деревянные рубли* > *деревянные* ‘о советских рублях’;

- *натянуть нос* > *натянуть* ‘вести в заблуждение, обмануть’;

- *озоновая дыра* > *дыра* ‘уменьшение озонного слоя атмосферы над полюсами Земли’;

- *последний крик моды* (крик > писк) > *писк* ‘о модной новинке’.

Рассматриваемое семантическое соотношение характерно и для инноваций аффиксального характера:

- *выпить на двоих* > *двоить* ‘выпивать спиртное, собравшись вдвоем’;

- *вытянуться в струнку* > *выструниться* ‘встать на вытяжку’;

- *развесистая клюква* > *клюквина* ‘вздор, небылица’; а также для инноваций-сложений:

- *звездный час* > *звездночасность* ‘момент высшего подъема, напряжения сил’;

- *знаток человеческих душ* > *душезнатец* ‘о том, кто хорошо разбирается в людях’;

- *мокрая спина* > *мокростпинник* ‘наемный рабочий’.

Ср. семантическую структуру фразем и отфраземных инноваций.

Деревянные рубли

Г. А:Д₁_денежная единица,
в:Д₁^а-советская,

Деревянные

Г. А:Д₂_денежная единица,
в:Д₂^а-советская,

II. с:Д₁^б – неконвертируемая,
III. d:K₁ – подверженная инфляции,

е:K₃ – неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Мокрая спина

I. А:Д₁ – рабочий,
b:Д₁^а – наемный,
II. с:Д₁^б – потный от физического напряжения,
III. d:K₃ – пренебрежение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

II. с:Д₂^б – неконвертируемая,
III. d:K₁ – подверженная инфляции,

е:K₃ – неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Мокроспинник

I. А:Д₁ – рабочий,
b:Д₂^а – наемный,
II. с:Д₂^б – потный от физического напряжения,
III. d:K₃ – пренебрежение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

В отфраземном лексическом новообразовании отражены все семантические компоненты исходной фразеологической единицы. Тем не менее в процессе редуцирования наблюдается определенное преобразование фразеологического значения, что обусловлено переходом от конкретного представления к понятию; по этой причине фразеологический образ становится потенциальным и присутствует в лексическом значении имплицитно, а не эксплицитно, как во фраземе.

Второй тип семантической соотносительности — семантическая инвариантность фраземы и отфраземного неологизма при их грамматическом различии:

- *бабье лето* ‘теплые дни ранней осени’ > *бабье летний* ‘характеризующийся теплыми днями ранней осени’;
- *водить за нос* ‘обманывать’ > *носовождение* ‘обман’;

- *белые воротнички* ‘люди умственного труда’ > *беловоротничковый* ‘относящийся к людям умственного труда’;
- *гвоздь программы* ‘самое значительное, интересное’ > *гвоздевой* ‘самый значительный, главный’;
- *делать добро* ‘делать только положительное, полезное’ > *добродетельство* ‘совершение хорошего, полезного’;
- *набить оскомину* ‘сильно надоесть’ > *оскоминный* ‘сильно надоевший’;
- *черный рынок* ‘незаконные коммерческие операции’ > *чернорыночный* ‘относящийся к незаконным коммерческим операциям’.

В рассматриваемых примерах лексические дериваты, сохраняя семантическую инвариантность с исходной фразеологической единицей, имеют иные, по сравнению с последней, лексико-грамматические характеристики; глагольным фраземам соответствуют производные имена существительные или прилагательные, субстантивным — имена прилагательные и т.д. Сказанное наглядно отражают структурно-семантические модели фразем и производных от них инноваций.

Мыльный пузырь ‘о чем-либо ничтожном, не представляющем ценности’:

- I. А:Д₁ — ничтожный,
- А:Д_{1гр} — субстантивное значение,
- II. б:Д₁^а — временный,
- III. с:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Мыльный ‘ничтожный, не представляющий ценности’:

- I. А:Д₂ — ничтожный,
- А:Д_{2гр} — адъективное значение,
- II. б:Д₂^а — временный,
- III. с:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

А:Д_{1гр} > А:Д_{2гр}.

Набить оскомину ‘сильно надоесть’:

I. А:Д₁ — надоесть,

А:Д_{1гр} — процессуальное значение,

в:Д₁^а — сильно,

III. с:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Оскоминный ‘очень надоевший’:

I. А:Д₂ — надоевший,

А:Д_{2гр} — процессуально-адъективное

значение,

в:Д₂^а — очень, сильно,

III. с:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

А:Д_{1гр} > А:Д_{2гр}

Семантическая инвариантность фразеологической единицы и отфраземной инновации наблюдается в случае однозначности фраземы и обусловлена корреляционным типом словообразования, при котором различие между производящими и производными единицами состоит в распределении одного и того же содержания по разным лексико-грамматическим разрядам; действующей пружиной данного процесса можно считать ассоциативное связывание.

К третьему типу семантической соотносительности производящей фразеологической единицы и производной лексической единицы относятся случаи, когда в результате отфраземной неологизации фразеологическое содержание не только материализуется в новой языковой форме с аналогичными или иными лексико-грамматическими признаками, но и претерпевает определенные смысловые изменения.

Например, производящая фразеологическая единица *взять на карандаш* имеет значение ‘записывать что-либо, делать запись, заметку о чем-либо’. В отфраземном неологизме *карандашник* происходит сужение исходного фра-

зоологического значения, его конкретизация: *карандашник* — это человек, который не записывает что-либо, а фиксирует именно недостатки, отрицательные факты в той или иной сфере жизни, при этом не борется с ними: Очевидно и другое: теперь нет *карандашников*, как метко называют в народе тех контролеров, которые любят взять на заметку недостатки, нарушения, просигнализировать об этом, а потом сидят и ждут, чтобы кто-то навел порядок в их же собственном доме (Известия, 10.07.1986).

Взять на карандаш ‘записать что-либо’:
 I. А:Д₁ — записать что-либо,
 А:Д_{1гр} — процессуальное значение.

Карандашник ‘человек, который записывает недостатки, но не борется с ними’:
 I. А:Д₂ — лицо, которое записывает,
 А:Д_{2гр} — субстантивное значение,
 b:Д_{2^a} — недостатки,
 c:Д_{2^б} — отсутствие борьбы,
 III. d:K₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

А:Д₁=А:Д₂; А:Д_{1гр}>А:Д_{2гр}; b:Д_{2^a}(+); c:Д_{2^б}(+); d:K₃(+).

Смысловое сужение исходного фразеологического значения наблюдается и в новой лексической единице *потрескивать*, обозначающей частичные, временные сбои в чем-либо: А какова была роль капитана на [футбольном] поле? — Напоминал партнерам о тренерской установке. Если защита *потрескивала*, спешил к ней, подкручивал гайки (Неделя, 1987, №37).

Трещать по (всем) швам ‘быть под угрозой краха, развала, распада; рушиться’:

I. A:Д₁ — рушиться, не осуществляться.

Потрескивать ‘частично, по временам давать сбои, терять позиции’:

I. A:Д₂ — рушиться, не осуществляться,

b:Д₂^a — частично,

c:Д₂^b — временно.

A:Д₁=A:Д₂; b:Д₂^a(+); c:Д₂^b(+).

В указанных примерах значение фразеологической единицы и значение отфраземного деривата находятся в отношениях включения, причем включенным оказывается значение лексических единиц. При такой семантической соотносительности производящей и производной единиц цель отфраземного словообразования заключается в конкретизации исходного фразеологического значения.

Семантические отношения между инновацией и производящей фраземой могут иметь и другой характер: отфраземное словопроизводство приводит к *расширению фразеологической семантики*, в результате чего в семантической структуре инновации уменьшается количество семантических компонентов в сравнении с семантической структурой производящей фразеологической единицы. См., например:

Общий котел ‘совместное питание, пользование’:

I. A:Д₁ — питание, пользование,

A:Д_{1гр} — субстантивное значение,

b:Д₁^a — общее.

Котловой ‘общий, суммарный, учитывающий что-либо в целом’:

I. A:Д₂ — относящийся к чему-либо,

A:Д_{2 гр} — адъективное значение,

b:Д₂^a — общий.

A:Д₁>A:Д_{2ген}; A:Д_{1гр}>A:Д_{2гр}.

Подкожные деньги 'деньги, утаенные от семьи для мелких нужд':

I. А:Д₁ — деньги,

А:Д_{1гр} — субстантивное значение,

в:Д₁^а — утаенные,

с:Д₁^б — семья,

д:Д₁^в — мелкие нужды,

III. е:К₃ — недоверие, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Подкожный 'скрытый, утаенный':

I. А:Д₂ — относящийся к чему-либо,

А:Д_{2гр} — адъективное значение,

в:Д₂^а — скрытый,

III. в:К₃ — недоверие, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

А:Д₁ > А:Д_{2ген}; А:Д_{1гр} > А:Д_{2гр}; с:Д₁^б(-), д:Д₁^в(-).

Данные примеры также демонстрируют отношения включения, однако включенным оказывается значение фразеологической единицы, которое как бы растворяется в лексическом значении инновации.

Значение отфраземного слова может быть связано с фразеологическими отношениями, характерными для *семантического сдвига*, при котором происходит смена дифференциальных признаков.

Лечь в дрейф 'расположить паруса таким образом, чтобы судно не имело хода и оставалось на одном месте':

I. А:Д₁ — оставаться на одном месте,

в:Д₁^а — отсутствие хода,

с:Д₁^б — судно.

Дрейфовать 'оставаться в первоначальном состоянии, бездействовать':

I. А:Д₂ — оставаться в первоначальном состоянии,

в:Д₂^а — бездействие,

III. с:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

в:Д₁^а > в:Д₂^а; с:Д₁^б(-); в:Д₁^а(-); с:К₃(+).

Следующий пример демонстрирует *отношения метафорического типа*.

Летучий голландец ‘пропавший без вести, а впоследствии таинственно появляющийся в разных местах голландский корабль’:

Г А:Д₁ — корабль,

А:Д_{1гр} — субстантивное значение,

в:Д_{1^а} — голландский,

с:Д_{1^б} — пропавший без вести,

д:Д_{1^в} — неуловимый,

е:Д_{1^г} — таинственный.

Летучеголландский ‘относящийся к таинственному, неуловимому явлению, факту’:

Г А:Д₂ — относящийся к какому-либо факту, явлению, предмету,

А:Д_{2гр} — адективное значение,

в:Д_{2^а} — таинственный,

с:Д_{2^б} — неуловимый.

А:Д₁ > А:Д₂; А:Д_{1гр} > А:Д_{2гр}; в:Д_{1^а}(-); с:Д_{1^б}(-).

Общая сема, связывающая фразеологическое и лексическое значения, — ‘неизвестность, неуловимость’. В этом случае семантические отношения фраземы и отфраземного новообразования — отношения пересечения, которые предполагают различие значений производящей и производной единиц при тождестве некоторых сем. Образование слов, связанных с фразеологическими единицами подобными отношениями, представляет собой не корреляционную схему предсказуемых формально-грамматических изменений с сохранением исходного значения, а сложный механизм семантического преобразования суждения в название, то есть дефиниционный тип словопроизводства. Два типа отфраземного словообразования свидетельствуют о существовании в нем двух тенден-

ций. Первая — тенденция к устранению асимметричного дуализма фразеологической единицы, в итоге приводящая к появлению новых отфраземных лексических единиц. Вторая — к ограничению передачи одного и того же содержания несколькими языковыми знаками — является причиной возникновения семантических различий отфраземных новообразований и производящих фразеологических единиц.

Поскольку появление отфраземных слов представляет собой отдельный этап единого процесса взаимодействия лексики и фразеологии, постольку можно утверждать, что *новые слова*, возникшие в результате редукции фразем, *находятся в определенных отношениях не только с исходными фразеологическими единицами, но и с фразеомообразующими словами и их однокоренными соответствиями.*

Отфраземные инновации могут *не иметь формальных параллелей* среди существующих слов языка, например: *живоделозасушизм, звездность, гнилодушество, круговопоручный, надмирность*, однако в ряде случаев фразеологическое содержание “сгущается” в лексические единицы, формально сходные с теми или иными уже известными словами, представляя собой по отношению к последним либо новообразования (омонимы), либо новые лексико-семантические варианты. Отнесение отфраземного слова к омонимам или полисемичным словам происходит не всегда аргументированно, что подтверждается фактами лексикографической фиксации инноваций рассматриваемого типа в неологических словарях современного русского языка. Так, представляется неправомерным классификация новообразований *клюкви-на* ‘вздор, небылица’, *натянуть* ‘ввести в заблуждение’,

пальчик ‘человек, способный выдумать, сказать что-либо без всяких оснований’, *прокрустов* ‘жестко ограниченный’ как лексико-семантических вариантов однофонемных слов языка; ср.: *клюквина* ‘отдельная ягода клюквы’, *натянуть* ‘растягивая или вытягивая, сделать тугим или более тугим’; ‘потянув на себя, укрыться’; ‘надеть или обуть (обычно что-либо узкое, тесное)’; ‘сделать, осуществить что-либо, допустив послабление, отступление от требуемого’; ‘заволакивать, покрывать небо (тучами, облаками и т.п.)’; *пальчик* ‘уменьшительно-ласкательное к *палец* — один из пяти подвижных конечных частей кисти руки или ступни ноги у человека’; слово *прокрустов* самостоятельно не употребляется, оно известно лишь в составе фраземы.

Аргументированное определение системно-семантического статуса новых отфраземных слов должно основываться на *данных сопоставительного анализа семантических структур фразеобразующих слов и формально тождественных им отфраземных дериватов*. Такой анализ позволит определить, какие семы фразеобразующего слова участвовали в формировании ядра фразеологического значения, то есть его архисемы, а в конечном итоге — в формировании архисемы отфраземной инновации. Так, определенная близость значений фразеобразующего слова *зонтик* ‘приспособление для защиты от дождя или солнца’ и отфраземного неологизма *зонтик* ‘о военном покровительстве США другим странам’ (>*защитный зонтик*) объясняется тем, что в формировании архисемы фразеологического значения и значения отфраземного новообразования участвовала интенциональная сема фразеобразующей лексической единицы ‘защита, охрана’.

Зонтик 'приспособление для защиты от дождя или солнца':

l. A:Д₁ — приспособление,

b:Д₁^a — защита,

c:Д₁^b — дождь, солнце.

Зонтик 'военное покровительство США другим странам':

l. A:Д₂ — покровительство,

b:Д₂^a — военное,

c:Д₂^b — США,

d:Д₂^b — другие страны.

b:Д₁^a>A:Д₂:ДC>AC; A:Д₁(-); c:Д₁^b(-); b:Д₂^a(+), c:Д₂^b(+),
d:Д₂^b(+).

Только соотношение сем позволяет определить, в какие активные связи с другими значениями отфраземного слова вступает значение инновации, какие процессы лексического порядка сопровождают появление инновации:

семантический сдвиг:

Присутствие 'личное пребывание в каком-либо месте в данный момент':

l. A:Д₁ — пребывание, нахождение,

b:Д₁^a — какое-либо место,

c:Д₁^b — лицо,

d:Д₁^b — временной период.

Присутствие 'наличие войск какой-либо страны на территории другого государства':

l. A:Д₂ — пребывание, нахождение,

b:Д₂^a — территория другой страны,

c:Д₂^b — войска другой страны,

d:Д₂^b — временной период.

A:Д₁=A:Д₂; b:Д₁^a>b:Д₂^a; c:Д₁^b>c:Д₂^b: мена ДС.

сужение значения:

Блокадник 'тот, кто находился в блокаде':

l. A:Д₁ — лицо,

Блокадник 'участник мирной блокады':

l. A:Д₂ — лицо,

b:Д1а — участвующее в блокаде.

b:Д2а — участвующее в блокаде,
с:Д2б -мирная блокада.

А:Д1=А:Д2; с:Д2^б(+): прибавление ДС.

перенос наименования, метафоризация:

Мыльный 'связанный с растворяющейся в воде массой, получаемой взаимодействием жиров и щелочей и употребляемой для мытья':

I. А:Д1 — связанный с растворением,

b:Д1^а — масса жиров и щелочей,

с:Д1^б — употребляемый для мытья.

Мыльный 'ничтожный, не представляющий интереса':

I. А:Д2 — ничтожный, не имеющий значения,

III. b:К3 — недоверие, отрицательная эмоционально-модальная окраска.

А:Д1>А:Д2; b:К3(+): мена АС, прибавление коннотативной семы;

перенос наименования, метонимия:

Мундирный 'относящийся к мундиру':

I. А:Д1 — относящийся к мундиру,

II. b:Д1^а -связанный с лицом, имеющим более или менее высокий служебный разряд.

Мундирный 'направленный на поддержание официального авторитета':

I. А:Д2 — поддерживающий официальный авторитет,

III. b:К3 — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

b:Д1^а>А:Д2; b:К3(+): переход ДС в АС,

прибавление коннотативной семы.

Семантические процессы закрепляют формальный отрыв слова от фраземы, но подчеркивают связь “фразеологического” значения инновации с лексическим значением уже известного языку слова, идентичного инновации в плане означающего.

Иную соотносительность сем можно наблюдать в том случае, если в результате редукции фразеологической единицы возникает не новый лексико-семантический вариант слова, а новое слово, омонимичное существующему в языке. См., например:

Жареный ‘приготовленный жарением’:

I. А:Д₁ — приготовленный жарением.

Натянуть ‘растягивая или натягивая, сделать тугим или более тугим’:

I. А:Д₁ — растягивать,
b:Д₁^a — сделать тугим.

Палец ‘уменьшительное к палец — одна из пяти конечных частей кисти руки или ступни ноги у человека’:

I. А:Д₁ — часть тела,
b:Д₁^a — конечная

Жареный ‘о сенсационном, скандальном факте’:

I. А:Д₂ — сенсационный, скандальный,
III. b:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Натянуть ‘ввести в заблуждение, обмануть’:

I. А:Д₂ — обмануть,
III. b:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

Палец ‘человек, способный выдумать, сказать что-либо без всяких оснований’:

I. А:Д₂ — человек,
b:Д₂^a — говорящий что-либо без основания,
III. c:К₃ — неодобрение, отрицательная эмоционально-модальная окраска.

Семантические структуры указанных формально-сходных слов демонстрируют отсутствие какой бы то ни было семантической связи; это объясняется тем, что в формировании структуры подобных отфраземных инноваций не участвуют семы фразеомообразующих слов. В связи со сказанным можно не согласиться со следующим утверждением В.Н. Пугач: наличие интенциональных сем фразеомообразующего слова в семантическом ядре фразеологической единицы и отфраземного слова является объективным критерием для отнесения такого отфраземного слова к лексико-семантическим вариантам полисемичного слова; напротив, ассоциативные семы выражают не признаки денотата, а только ассоциации, вызванные этим денотатом, что в конечном итоге и определяет разрыв семантических связей, то есть омонимичность фразеомообразующего и отфраземного слова³².

Таким образом, новые лексико-семантические варианты уже известных языку слов возникают на основе сем разного характера: как денотативных — ядерных (интенциональных) и периферийных (импликациональных), так и коннотативных. Импликациональные семы играют особенно значительную роль в возникновении новых ассоциативных метафор, в частности, ассоциативно-психологических.

3.5. Выводы

1. *Динамизм* фразеологических единиц — один из факторов процесса неологизации, обусловленный противоречивым характером онтологической сущности фразем.

Неогенная активность фраземы определяется ее местом во фразеологической системе языка. В качестве производящих чаще всего выступают фразеологические единства, составляющие ядро фразеологической системы языка,

что объясняется природой данного типа фразем, в которых, несмотря на целостность значения, компоненты лексически маркированы в гораздо большей степени, чем компоненты других типов фразеологических единиц и, следовательно, как нельзя более явственно обнаруживается асимметрический дуализм языкового знака.

2. Инновационный потенциал фразеологических единиц обусловлен их внутрисистемными отношениями друг с другом, а также с другими языковыми единицами, в первую очередь с единицами лексического уровня.

Взаимодействие лексической и фразеологической подсистем языка как важнейший источник словарного обогащения — предмет внимания многих лингвистов; вместе с тем оно изучено явно недостаточно *в плане деривационно-семантического механизма* рассматриваемого явления, а также *как один из путей процесса неологизации* современного русского языка.

Взаимодействие лексической и фразеологической систем языка реализуется в их *семантико-словообразовательных связях*.

В теории отфраземного словопроизводства выделяются следующие способы: лексико-фразеологическая конденсация, лексико-морфологический, морфолого-синтаксический.

3. *Лексико-фразеологическая конденсация* — наиболее специфический способ отфраземной неологизации. Он охватывает преимущественно именные словосочетания, построенные по модели “прилагательное + существительное” (*военное присутствие > присутствие, деревянные рубли > деревянные*), при этом имена прилагательные играют приоритетную роль в пополнении инновационного лексического фонда русского языка; субстантивируясь, имена

прилагательные становятся носителями номинативного начала.

Неогенные возможности существуют у многих компонентов фразеологических единиц, однако реализуются они далеко не всегда. Вычленяющееся слово обычно выступает как смыслообразующий центр фраземы, который сближает данную фразему со свободным словосочетанием, вследствие чего воплощающий его компонент актуализируется и приобретает способность отдельного воспроизведения. Таким образом, отфраземная неологизация обусловлена не столько речевой ситуацией, сколько структурой фраземы.

Лексико-морфологический способ — наиболее последовательное и эффективное средство устранения фразеологического противоречия “раздельнооформленность — семантическая целостность”. В этом случае отфраземная инновация полностью отрывается от сочетания, ставшего ее основой; один из компонентов утрачивается, “шифруясь” в словообразовательном форманте (*взять на карандаш* > *карандашник*, *с позиции силы* > *силовой*, *честь мундира* > *мундирный*).

Если при лексико-фразеологической конденсации намеком на утраченный компонент служит фразеологический контекст (и даже форма оставшегося компонента), то при лексико-морфологическом способе информации об утраченном компоненте практически не остается.

Морфолого-синтаксический способ возникновения неологизмов — наиболее *мотивированный путь* разрешения противоречия “раздельнооформленность — семантическая целостность”. При лексико-фразеологической конденсации происходит устранение компонентов сочетания, реконструкция которых бывает проблематичной; при

лексико-морфологическом способе возникновения инноваций утраченный компонент “кодируется” в аффиксе; при словосложении компоненты словосочетания сохраняются, а утрачивается прежде всего раздельнооформленность фразеологической единицы. С точки зрения структуры подобного рода инновации — суффиксально-сложные существительные с опорным глагольным компонентом (*всенаплевизм, добродетельство, носовождение*) или именным (*зеленоберетчик, звездночасность, беловоротничковый, смирупониточный, чернорыночный*).

4. Редукция фразеологических единиц — процесс не только количественный: за уменьшением числа компонентов следуют качественные, семантические, изменения. В связи с этим проблема отфраземной неологизации требует решения в семасиологическом аспекте, что предполагает поиск ответа на вопрос о том, как соотносятся значения новой лексической единицы и производящей фраземы. Выделено *три типа указанной семантической соотносительности*:

семантическая и грамматическая адекватность фразеологической единицы и нового отфраземного слова (*вытянуться в струнку > выструниться, развесистая клюква > клюквина, черные береты > черноберетки*);

семантическая инвариантность фразеологической единицы и отфраземной инновации при их грамматическом различии (*бабье лето > бабьелетний, заглядывать в будущее > загляд, набить оскомину > оскоминный*);

семантическое расхождение фразеологической единицы и отфраземного новообразования при их грамматической адекватности/неадекватности (*лечь в дрейф > дрейфовать, подкожные деньги > подкожные, трещать по швам > потрескивать*); в последнем случае значение

отфраземного слова отличается от значения фразеологической единицы, что наглядно демонстрирует сопоставление семантических структур лексического и фразеологического значений. Таким образом, фразеологические единицы, порождая новые слова, не изолируются от последних, а продолжают взаимодействовать с ними; отфраземные инновации испытывают влияние центростремительного потенциала слова, который обеспечивает интеграцию языковых единиц, языковой синкретизм в целом.

5. Отфраземная неологизация осуществляется в основном на уровне речи; немногие инновации подобного типа приобретают статус неологизмов; но, даже утрачивая окказиональный характер и становясь элементами общезыковой системы, они имеют яркую разговорную окраску и обладают большей экспрессивностью, чем исходные наименования.

6. Появление новых слов и значений под воздействием фразеологических единиц свидетельствует об *аналитических тенденциях* во фразеологической системе языка и вместе с тем об общей тенденции к регулярности языковых элементов.

Примечания

1. *Шанский Н.М.* Деривация слов и фразеологических оборотов // Русское славянское языкознание. М., 1972. С.300.
2. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М., 1986. С.25.
3. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. С.7.
4. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы фразеологического значения и смысла. Астрахань, 2004. –С.27.
5. *Кодухов В.И.* Общее языкознание. М., 1974. С.147.

6. **Алефиренко Н.Ф.** Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград, 1993. С.18-21.
7. **Кириллова Н.Н.** О денотате фразеологической семантики // Вопр. языкознания. М., 1986. С.88,89.
8. **Алефиренко Н.Ф.** Указ. работа. С.306-311; **Солодуб Ю.П.** Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филол. науки. М., 1997. №5. С.43-54.
9. **Алефиренко Н.Ф.** Проблемы фразеоморфологической комбинаторики // Рус. языкознание. Киев, 1992. Вып.24. С.25; **Dobrovolskyi D.** Cognitive Aspekte der Idiom-Semantik studiumen zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen Narr., 1995. S.83.
10. **Шанский Н.М.** Указ. работа. С.300.
11. **Попов Р.Н.** Взаимодействие в языке лексической и фразеологической систем // Рус. яз. в шк. М., 1973. №4. С.67.
12. **Мокиенко В.М.** Фразеобразование и семантика // Словообразование и фразеобразование. М., 1979. С.149.
13. **Потебня А.А.** Из лекций по теории словесности // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С.509-529.
14. **Ларин Б.А.** Очерки по фразеологии // Уч. зап. / Ленингр. ун-т. Сер. филол. наук. Л., 1956. Вып.2. Т.198. С.207.
15. **Мокиенко В.М.** Славянская фразеология. М., 1989. С.121.
16. **Шведова Н.Ю.** Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С.8.
17. **Срезневский И.И.** Замечания об образовании слов и выражений // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1873. Кн.2. С.243-256.
18. **Виноградов В.В.** Современный русский язык: Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938. С.122.
19. **Пугач В.Н.** К вопросу об изоморфизме словообразовательного и фразеоморфологического процессов // Филологический поиск. Волгоград, 1966. –С.62.
20. **Пугач В.Н.** Семасиологические аспекты отфраземного словообразования // Семасиологические аспекты значения. Волгоград, 1997. С.135.
21. **Назарян А.Г.** Фразеология современного французского языка. М., 1987. С.146.

22. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С.171.
23. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград, 1993. С.50.
24. *Виноградов В.В.* Указ. работа. С.35.
25. *Виноградов В.В.* Указ. работа. С.122.
26. *Ахманова О.С.* Указ. работа. С.170.
27. *Алефиренко Н.Ф.* Указ. работа. С.50.
28. *Попов Р.Н.* О взаимодействии в языке лексической и фразеологической систем // Проблемы образования фразеологических единиц. Тула, 1976. С.16-17.
29. *Ахманова О.С.* Указ. работа. С.170.
30. *Мокиенко В.М.* Указ. работа. С.111.
31. *Кильдибекова Т.А., Миниярова И.М., Газизова Р.Ф.* и др. Функциональное словообразование русского языка. Уфа, 1997. С.68.
32. *Пугач В.Н.* Указ. работа. С.9-10.

ГЛАВА 4. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗАЦИИ

4.1. Взаимодействие лексики и словообразования в процессе неологизации

Истоки взаимодействия лексической и словообразовательной подсистем языка — в их *номинативно-функциональной сущности*. Человеческий язык как сложное материально-идеальное образование сочетает в себе по отношению к действительности симультанное свойство отражения и обозначения. Последнее реализуется в актах номинации при помощи слов, что сопряжено с опредмечиванием человеком объективного мира. Номинативная функция — основная функция слова как лексической единицы. Однако указанную функцию выполняет не только номинирование, но и словообразование, которое может быть определено как область моделирования особых (производных) единиц номинации. Производные слова образуют существенную часть словарного состава, наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, беспрестанно пополняющуюся (ср. с корпусом непроектируемых лексических единиц, фактически не увеличивающимся за счет прибавления новых элементов).

В процессе словообразования находят яркое отражение изменения в словарном составе языка, связанные с развитием общества; бесспорным, разумеется, является и то обстоятельство, что продуктивность тех или иных словообразовательных типов органически связана с “социальным заказом” на определенные разновидности наименований. На связь словообразования с номинацией указывает и база

словообразовательных процессов — уже существующие в языке лексические единицы.

С другой стороны, обновление словарного состава языка реализуется, главным образом, через словообразование: именно благодаря словообразовательным процессам в лексике постоянно появляется огромное количество новых слов разнообразного строения и семантики. По существу, каждая из подсистем языка вносит свой вклад в образование новых наименований, но главные их функции тем не менее остаются иными. Словообразование же именно *по своему назначению* связано с возникновением и использованием названий, оно есть “то звено в языковой системе, которое ответственно за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека”¹. Не случайно в специальной литературе словообразование определяется как “преимущественный путь обогащения словаря”, “мощный источник обогащения словарного состава”, “особый путь обогащения словарного состава”. Таким образом, взаимодействие лексики и словообразования носит четко выраженный, *последовательно двусторонний характер* и реализуется в конструктивно-словообразующих взаимоотношениях. При этом важно подчеркнуть, что словообразовательная система языка — это не только отдельные слова с прозрачной структурой, говорящей о том, как было образовано слово: это вместе с тем сложный механизм, создающий новые слова.

В процессе неологизации *деятельностная природа* словообразования проявляется в том, что словообразовательный механизм используется в следующих различных целях:

– создает новые слова для наименования новых реалий (*панк-джаз* ‘музыкальное направление, представляю-

щее синтез джаза и панк-рока’, *симфоавангард* ‘симфоническая музыка авангардного направления’);

– изменяет структуру речи, производя новые слова, осуществляющее “сверстку” пропозиции, так называемые синтаксические дериваты (*кризисность* ‘состояние кризиса’, *зарплатация* ‘превращение доходов в зарплату’);

– служит фактором появления нового слова путем сокращения имеющихся номинативных единиц (*РИ* — Республика Ингушетия, *СМИ* — средства массовой информации);

– создает новые производные слова для выражения субъективного отношения говорящего к тому, что именуется (*липач* ‘тот, у кого поддельный, фальшивый паспорт’, *лохматка* ‘о старом, изношенном автомобиле’).

Тем самым словообразование выполняет *собственно номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную и стилистическую функции*.² Можно утверждать, что все приемы и модели, все средства словообразования существуют для того, чтобы служить задачам номинации.

По результатам исследования Е.С. Кубряковой, номинативный акт как источник появления нового слова — это речемыслительная операция, в протекании которой обязательно когнитивное звено, свидетельствующее о включении подлежащего новому наречению объекта в деятельность человека. Следовательно, словообразовательная неологизация тесно смыкается с речевой *деятельностью*, представляющей собой “некий континуум”, на одном из полюсов которого — творчество, создание неологизмов³.

Как и любые другие механизмы, он не только функционирует, но и *развивается*, наглядно демонстрируя проявление внутренних законов развития языка. Подчеркивая динамический характер словообразования, Е.С. Кубрякова

отмечает: “Словообразование, менее чем какую-либо другую систему, можно представить в виде статической совокупности раз и навсегда данных моделей, застывших в безупречных регулярных корреляциях...”⁴.

По мнению Т.Х. Каде, следующие факторы обуславливают *динамизм словообразовательной системы*: мотивированность, изменчивость и отбор⁵. Под мотивированностью понимается способность словообразовательных типов реагировать на изменение условий: внутренних, присущих словообразовательному типу, и внешних, в которых он функционирует; мотивирующая база входит в структуру новообразования, создавая детерминацию прошлым. Таким образом, изменчивость предполагается мотивированностью. Основной фактор динамики словообразовательной системы — отбор, предполагающий конкурентную борьбу: внутритиповую (между производными одного типа) и межтиповую (между производными разных типов).

В процессе динамики словообразовательной подсистемы языка реализуется ее *потенциал*. В структурном отношении словообразовательный потенциал языка состоит из трех видов связей: отражающих прошлое (совокупность ресурсов, накопленных системой в процессе ее становления), репрезентирующих настоящее (наличные способности, обеспечивающие динамику системы), ориентированные на будущее (то, что реализуется из виртуального в актуальное). Таким образом, словообразовательный потенциал содержит в себе “зародыш” развития, предопределяя его как те или иные тенденции, проявляющиеся в недостаточной полной степени.

Изучение словарных инноваций показывает, что процесс неологизации происходит в рамках той комплексной единицы системы словообразования, которая называется

словообразовательным типом. Несмотря на то, что словообразовательный тип — центральная единица словообразования, его сущность в работах дериватологов раскрывается неоднозначно. По мнению Е.А. Земской, А.И. Моисеева, словообразовательный тип — это совокупность производных слов⁶, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова — формально-семантическая схема однотипного построения слов⁷, И.М. Минияровой — формально-семантическая модель построения производных слов⁸. Различны и элементы определений рассматриваемого понятия, варьирующиеся в работах дериватологов: тождество части речи, к которой принадлежат производные слова; тождество производящей части речи; единство форманта; тождество словообразовательного значения.

Объединение производных слов в один словообразовательный тип следует осуществить по следующим признакам: 1) общность семантического соотношения между производящими и производными, 2) тождество словообразовательного форманта. Что касается частеречной принадлежности производящих слов, то она рассматривается как фактор образования *словообразовательной модели* — варианта словообразовательного типа, наряду с факторами другого характера — фонетического и морфематического.

Словообразовательные типы объединяются в более крупные единицы классификации словообразовательной системы языка — *способ словообразования*, а также словообразовательные категории, характеризующиеся единством словообразовательного значения.

В связи с рассматриваемыми понятиями и обозначающими их терминами встает вопрос о понимании синхронии и диахронии в языке. Под синхронией обычно понимается система языка в каждый данный период его существования;

становление же языковой системы, путь во времени, который проделывает каждый элемент языка как часть системы, есть диахрония. Соответственно выделяется синхронное и диахронное словообразование, а понятия производности, производного и производящего слова заменяются понятиями “мотивированность, мотивированное и мотивирующее слово”⁹. Вряд ли целесообразно такое резкое противопоставление синхронии и диахронии. Синхронная система языка не является неподвижной и абсолютно устойчивой; в ней всегда есть то, что утрачивается, и то, что нарождается. Таким образом, *диахрония присутствует в синхронии*, хотя это присутствие не всегда ощутимо. Оно становится заметным в том случае, если структурно-семантические связи слов, изменяясь, оказываются отличными от их соотношения в прошлом, — происходит смена одного синхронного состояния словообразования другим, или смена синхронии диахронией. В связи с указанным пониманием синхронии и диахронии представляется оправданным следующее утверждение А.И. Моисеева: диахрония — это не всякое движение в языке, а лишь такое, которое приводит к смене качественного состояния языка¹⁰.

Так как синхрония и диахрония — это неразрывное единство, считаем целесообразным употребление терминов “*производность*”, “*производящая/производная основа*” вместо “мотивированность”, “мотивирующая/мотивируемая основа”, что соответствует сложившейся лингвистической традиции. Понятие мотивации связано не столько со словообразованием, сколько с понятием “внутренняя форма слова”, то есть с теорией номинации: отношения мотивированности/немотивированности устанавливаются между словами, позволяя осознать связи значения и звуковой оболочки слова, поэтому надо признать принципиально

важным заявлении В.П. Цыганенко о том, что “сводить словообразовательные отношения слов к мотивации — значит обеднять словообразовательные отношения; мотивации не снимают, а лишь дополняют словопроизводные межсловесные отношения”¹¹.

В соответствии со сказанным нет необходимости отказываться в неологии от традиционного выделения четырех способов словообразования: морфологического, лексико-семантического, лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического (ср.: способы, имеющие одну мотивирующую основу; способы, имеющие более чем одну мотивирующую основу)¹². В современном русском языке наиболее продуктивным оказывается *морфологический способ словообразования*, представленный несколькими разновидностями.

Следует иметь в виду, что в периоды значительных общественных сдвигов, когда новые слова появляются в массовом количестве (а сейчас, как уже отмечалось, именно такой период в развитии русского языка), происходят изменения и в действующей системе словообразовательных типов, их роли в общем процессе образования наименований. Предлагаемое ниже описание словообразования рубежа XX и XXI века составляют новые тенденции в современном русском словопроизводстве, наиболее заметные, характерные модели и реализующие их компоненты, что иллюстрируют новые лексические единицы словарного состава языка.

В этом отношении представляется возможным параллельно проследить, как складывается новое значение, то есть как формируются ономаσιологические структуры новых лексических единиц.

4.2. Новые тенденции в образовании сложных слов

Сложные слова играют наиболее важную роль в разнообразии словообразовательных типов лексических инноваций нашего времени. К аналогичному выводу пришел и В.Н. Шапошников, утверждающий: “Особенно продуктивными в современном языке оказываются не суффиксальные дериваты, а исторически менее свойственные русскому языку различные словосложения и сложнокращения”¹³. Краткость, семантическая емкость, способность удовлетворить потребности общества в обозначении сложных понятий, которых возникает все больше в связи со специализацией в различных областях науки, протекающей параллельно процессу интеграции методов и средств познания, — все это обуславливает значительную интенсификацию сложных слов разного типа. Активизация данной структурной группы новой лексики есть одно из проявлений более общего процесса — лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке. Новые сложные слова образуются по исконно действующим словообразовательным моделям, а также по моделям, ранее не свойственным русской словообразовательной системе.

В современном русском языке лексическая конденсация наиболее активно реализуется композитами — объединением основ в одно сложное слово. В таких новообразованиях первый компонент носит уточнительный, конкретизирующий характер: *комплексно-оздоровительный* ‘относящийся к комплексу оздоровительно-спортивных мероприятий’, *компьютерно-электронный* ‘связанный с использованием компьютерной и другой электронной техники’, *маскотерапия* ‘лечение психических заболеваний в процессе создания

скульптурного облика больного’, *мясообеспечение* ‘обеспечение населения мясными продуктами’, *правозащитник* ‘тот, кто защищает чьи-либо гражданские права’ и др.

В рамках сложения как отдельного способа словообразования возникла новая его разновидность, представляющая собой соединение *основы с аффиксоидом*. В лингвистике вопрос об аффиксоидах остается дискуссионным, тем не менее рассматриваемое явление прямо или косвенно признается всеми исследователями.

Аффиксоид — морфема переходного типа, аффиксально-корневая. С точки зрения происхождения и семантики она представляет собою корень, а с точки зрения выполняемой функции — аффикс (префикс или суффикс). Данные специфические морфемы представляют собой бывшие высокочастотные части тех или иных сложных слов; вычленившись из состава серийных сложных образований, они начали функционировать как готовые структуры, свободно присоединяясь к основам или словам. Таким образом, при образовании новых сложных слов в рамках данного способа словообразования процесса сложения как такового не происходит. Новые слова возникают по уже готовой модели, например: *авиа-*, или *ветро-*, или *электро-* + *слово*. См. также словообразовательные справки в словарных статьях неологических словарей русского языка:

– *Кинотриптих*, -а, м. Три фильма, объединенные в одно целое идейной, тематической или сюжетной общностью: Вместе с режиссером Георгием Данелия в свое время задумали создать *килотриптих*. Два фильма “Не горюй” и “Мимино” вышли на экраны давно. А десять лет спустя мы сдержали слово: комедию “Кин-дза-дза” зрители увидели в прошлом году. Пр. 11.4.88.

– *Кино...* (относящийся к кинофильмам) + *триптих*.

– *Электропрялка*, -и, ж. Электрическая машина для прядения. Для завода “Теплоприбор” разрабатывается принципиально новый образец *электропрялки*, обладающей универсальными свойствами и гибкостью в управлении. Изв. 20.4.87.

– *Электро...* (работающий на электроэнергии) + *прялка* (НСЗ-80, 1997, с. 334, 898);

– *Белорусскоязычный*, ая, ое. Говорящий на белорусском языке... в общении с *белорусскоязычным* населением. Изв. 8. 10.

– *Белорусский* + *о* + *...язычный* (владеющий таким языком) (Новое в русской лексике, 1996, с. 42).

Во многих случаях имеются базовые эквивалентные словосочетания, способные стягиваться в одно слово. Однако связь с одноструктурными сложными словами оказывается сильнее, чем связь с конкретным словосочетанием,. Поэтому образование сложного слова по сути сводится к агглютинативной прицепке готового словообразовательного элемента к отдельному слову:

- *авто...* + *подсказчик* — автоматический подсказчик ‘устройство, отображающее на экране бегущий текст выступления актера, диктора и т. п;

- *био...* + *энергия* — биологическая энергия ‘энергия, излучаемая живым организмом’.

Такого рода сложные слова возникают целыми одноструктурными сериями; это не случайно: “словообразование имеет сейчас лавинообразный характер, новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в периоды “спокойного” языкового развития, а стремительно, одновременно, когда в соответствии с потребностями языкового

коллектива в обиход входит целое словообразовательное гнездо¹⁴:

- *авто*– (автоматический, автомобильный; сам, направленный на себя): *автоатрибутика, автобазар, автоБАМ, автобизнес, автодизайнер, автокерамика, автокомплекс, автокража, автомарка, автоналогоплательщик, автоплощадка, автопроизводитель, авторикша, автородео, авторынок, автосалон, автофирма, автоэлектроника, автоярмарка; автогол, автопредисловие, авторецензия, автоцитата, автоэпиграмма;*

- *авиа*– (авиационный, относящийся к авиационной промышленности, воздушному транспорту): *авиадиспетчерский, авиаинспекция, авиакомплекс, авиаконтрразведка, авиалесоохрана, авианаводчик, авианалет, авианесущий, авиаоблет, авиаофис, авиопарашиютный, авиопатруль, авиарынок, авиафирма;*

- *VELO*– (велосипедный): *велодорога, велоконструктор, велолюбитель, веломагистраль, веломарш, веломеханика, веломодель, велопоход, велопромышленность, велопутешествие, велоралли, велосервис, велотуризм, велотуфли, велофестиваль, велоцентр, велоэкипаж;*

- *ВИДЕО*– (видеозапись, видеофильм): *видеоаппарат, видеобар, видеобизнес, видеобизнесмен, видеобум, видеовариант, видеодело, видеодиск, видеодискотека, видеодокумент, видеожурнал, видеозритель, видеокабина, видеокафе, видеоклип, видеоколлекция, видеокомплекс, видеокооператив, видеокопия, видеокультура, видеолекторий, видеолекция, видеолюбитель, видеонОВОСТИ, видеообъединение, видеопиратство, видеописьмо, видеопортрет, видеопособие, видеоприложение, видеопрограмма, видеопроДУКЦИЯ, видеореклама, видеорынок, видеосериал, видеосистема, видеоспектакль, видеотеатр, видеотренинг,*

видеоурок, видеослужба, видеоформа, видеоэнциклопедия, видеоэффект;

- *кардио*– (относящийся к сердцу): *кардиобригада, кардиокомплекс, кардиолечение, кардиореанимационный, кардиостимуляция, кардиотахометр, кардиохирург;*

- *кино*– (кинематография, кинофильм): *кинобар, кинобизнесмен, киновоспитание, кинодефицит, кинокаскатер, кинокафедра, киноколлаж, киноконтакты, кинокооператив, киномарафон, киномаркетинг, киномероприятие, киномодель, киномышление, кинопедагогика, кинопесня, кинополитика, кинопопуляризация, кинопрочтение, кинореспектива, киносоюз, киносправочник, кинотрагедия, кинотрадиция, кинотриптих, киноцитата, киношлягер, киношоу, киноэтюды;*

- *микро*– (очень малый): *микроавиация, микровычислитель, микрогидроэлектростанция, микрогравитация, микродискусия, микрозавод, микрозаповедник, микроинтегральный, микрокафе, микрокондиционер, микромодель, микромузей, микронаблюдатель, микроопрос, микропедиастр, микропедиатрия, микропипетка, микроплантация, микросамолет, микросовет, микросоциум, микростадион, микроускорение, микрофабрика, микроферма, микрохирург, микроЭВМ;*

- *нео*– (новый): *неоавангард, необуддизм, неогуру, неомарксизм, неомистицизм, неомистический, неомонархический, неоортопедический, неопатриотизм, неорелигиозный, неосталинизм, неосталинский;*

- *обще*– (общий, единый для всех): *общеакадемический, общеафганский, общебалканский, общедуховный, общеконтинентальный, общеписательский, общеправовой, общепрофилактический, общефедеральный, общеправовой, общепрофилактический, общефедеральный, общеправовой, общепрофилактический;*

- пневмо– (сжатый воздух): *пневмометро, пневмомешалка, пневмомолот, пневмообмыв, пневмообдув, пневмопоезд, пневмосортировочный, пневмосостав, пневмоустройство*;

- теле– (телевещание, телевидение): *телеаукцион, телебалет, телебизнес, телевариант, телевикторина, телевстреча, телегазета, теледебаты, теледень, теледискотека, теледискуссия, теледиспут, теледокумент, телезал, телезапись, телезвезда, телеигра, телеинтервьюер, телекадр, телекартинка, телеклип, телеконференция, телекосмический, телемагнат, телематериалы, телемонитор, телемюзикл, теленеделя, телеобращение, телеобщение, телеопера, телеопрос, телеотделение, телепереключка, телеподсказчик, телепроповедь, телерынок, телесредство, телесуфлер, телеэкскурсия, телеэссе, телеэстрада*.

Приведенные примеры демонстрируют использование в процессах словопроизводства одной из разновидностей аффиксоидов — *префиксоидов*, выполняющих функцию приставки. Префиксоиды могут быть образованы от полной основы (*обще..., кино..., радио...*), усеченной (*авиа..., авто..., теле...*); в роли префиксоидов могут использоваться связанные основы межъязыкового употребления (*видео..., микро..., нео...*). Общественное развитие ведет к тому, что в роли префиксоидов употребляются новые корневые морфемы. Популярность такой формы организации молодежного досуга, как дискотека обеспечила регулярность словоэлемента *диско-*. Слово *дискотека* было заимствовано из английского языка. В русской языковой системе это наименование оказалось в ряду существительных с конечным *-тека*: *библиотека, фонотека, фототека* и т.п., в связи с чем стало восприниматься как сложное образова-

ние из двух частей: *диск*– ‘пластинка’ и –*тека* ‘хранилище, собрание’. Однако в современной речи слово *дискотека* более употребительно в вышеуказанном значении — ‘форма досуга’. Новое название оказалось нужным и удобным, а корневой элемент *диско* стал широко использоваться для образования сложных слов: *дисковечер, дискокарнавал, дискомелодия, дискомода, дискомузыка, дискономер, дискоодежда, дискоопера, дископрограмма, дискотанец, дискотеатр, дискоформа* и т.д.

Активизировались и вошли в состав целого ряда слов в качестве префиксоидов элементы:

- *евро*– : *евробутылка, евроистребитель, евроконтроль, еврокубок, евромикрофон, еврооборона, еврооружие, евроСОИ, евросоциолог, евросуд;*

- *нарко*– : *наркобанда, наркобизнес, наркоделец, наркодоллар, наркодoping, наркокабинет, наркомафия, наркомир, наркообъединение, наркоотделение, наркопромысел, наркополитика, наркосиндикат, наркосодержащий, наркоторговец, наркоторговля;*

- *порно*– : *порнобоевик, порнозвезда, порноиндустрия, порнокассета, порноклуб, порнореклама, порнорок;*

- *фито*– : *фитоароматизация, фитобар, фитодизайн, фитодом, фитозал, фитотерапевт, фитотерапия, фиточай.*

Новые сложные слова образуются также и путем соединения основы с *суффиксоидом*. Суффиксоид, как и префиксоид, морфема переходного типа, но в процессе производства сложных слов она функционирует не в роли приставки, а в роли суффикса. Суффиксоиды отличаются от префиксоидов и тем, что они приобрели не только функцию, но и обобщенное словообразовательное значение аффиксов (суффиксов), вследствие чего по отношению к

последним часто выступают в качестве синонима: *шукши-нист* — *шукшиновед*.

Особенно частотны инновации с суффиксоидами, имеющими:

а) значение лица (*-вар, -вед, -вод, -дел, -лог*):

- *ахматовед* ‘литературовед, изучающий жизнь и творчество А. Ахматовой’: *Ахматова* + о + ...*вед*; *лавиновед* ‘специалист в области изучения лавин’: *лави́на* + о + ...*вед*; *метеоритовед* ‘специалист в области изучения метеоритов’: *метеорит* + о + ...*вед*; *пустынновед* ‘специалист в области изучения пустыни’: *пустыня* (н[‘]→н) + о + ...*вед*; *успеховед* ‘специалист в области психологии, определяющий человеку задачи его социально-психологического поведения для достижения успеха в жизни’: *успех* + о + ...*вед*;

- *ирисовод* ‘специалист по выращиванию, разведению ирисов’: *ирис* + о + ...*вод*; *тыквовод* ‘специалист по выращиванию тыкв’: *тыква* + о + ...*вод*;

- *космонавтолог* ‘исследователь социальных и других последствий и перспектив развития космонавтики’: *космонавтика* (т[‘]→т) + о + ...*лог*;

б) значение действующего предмета (*-визор, -воз, -лет, -лов, -план, -провод*): *креветколов* ‘судно для лова креветок’: *креветка* + о + ...*лов*; *аргонопровод* ‘трубопровод для транспортировки аргона’: *аргон* + о + ...*провод*; *азотопровод* ‘трубопровод для транспортировки азота’: *азот* + о + ...*провод*; *углепровод* ‘трубопровод для транспортировки угля’: *уголь* (о→∅) + е + ...*провод*; *фруктопровод* ‘трубопровод для транспортировки фруктов’: *фрукты* + о + ...*провод*;

в) значение научных направлений, различных отраслей деятельности (*-ведение, -графия, -логия, -строение*):

- *граждановедение* ‘наука о взаимоотношениях че-

ловека с обществом': *гражданин* (н'→н) + о +...*ведение*; *религиоведение* 'наука о религиозных верованиях, культурах': *религия* + о +...*ведение*, *рынковедение* 'изучение рынка как сферы свободного товарооборота': *рынок* (о→∅) + о +...*ведение*; *украиноведение* 'изучение истории и культуры Украины': *Украина* + о +...*ведение*; *читателеведение* 'изучение психологических процессов, связанных с чтением': *читатель* + е +...*ведение*;

- *нумерология* 'изучение закономерностей сочетания определенных чисел, цифр и их влияния на судьбу отдельного человека и мироздания в целом': *номер* + о +...*логия*; *рекреалогия* 'отрасль знания, изучающая свободное время человека': *рекреация* +...*логия*.

При образовании нового сложного слова в его структуре возможно объединение префиксоида и суффиксоида:

- *видеофикация* 'широкое распространение, использование технических средств для воспроизведения, трансляции видеозаписей: *видео*... +...*фикация*;

- *космоград* 'город, мыслимый вне пределов Земли, в космосе': *космо*... +...*град*;

- *мотоскоп* 'оптический прибор для осмотра частей и деталей автомобиля, недоступных для прямого наблюдения': *мото*... +...*скоп*;

- *радиофобия* 'страх перед мнимой или возможной радиацией':

- *радио*... +...*фобия*.

Нетрудно заметить, что в создании новых сложных слов очень активно используются древнегреческие и латинские морфемы. Для широкого распространения этих единиц в языках Европы, Америки, а затем Азии и Африки есть определенные причины. Во-первых, появившись в различных языках в результате распространения классиче-

ского образования, включавшего изучение греческого и латинского языков, эти слова были понятными для представителей ряда стран и, следовательно, интернациональными. Такими они остались и до настоящего времени, составляя главную часть международного словарного фонда языков науки и техники. Во-вторых, модели сложных слов латинского и древнегреческого языков были очень компактными, прозрачными по своей структуре, поэтому они послужили основой для создания многочисленных новых слов, которых не было в латинском и греческом языках, но в которых использовалась их “схема”.

Словарное богатство названных языков позволяет и в настоящее время использовать все новые корневые морфемы греко-латинского происхождения для обозначения предметов и явлений, открываемых или создаваемых в нашу эпоху. Структура сложных слов в древнегреческом и латинском языках сходна, поэтому в современных языках образуются слова, состоящие либо из греческих, либо из латинских компонентов, либо из соединения тех и других. Для таких способов словообразования нет никаких препятствий — лишь бы значение компонентов было понятно создающим и использующим эти слова. Особенно много таких слов в терминологиях естественных наук, но есть они и в общественно-политической и технической областях, которые, взаимодействуя с общелитературным языком, становятся источником его пополнения специальной лексикой:

биофилия ‘любовь к жизни’, *валеология* ‘наука о сохранении и укреплении здоровья’, *видеофикация* ‘распространение и использование технических средств для воспроизведения, трансляции видеозаписей’, *кардиомиопатия* ‘поражение сердечной мышцы’, *кератомия* ‘операция по исправлению близорукости’, *магнитограмма* ‘запись

на магнитной ленте’, *метеопатия* ‘болезненное состояние организма как реакция на изменение погоды’, *неонатология* ‘изучение физиологических особенностей детей первого месяца жизни’, *термоплан* ‘летательный аппарат типа дирижабля, оболочка которого заполняется горячим воздухом’, *ювенология* ‘наука, занимающаяся проблемами сохранения, продления молодости’.

Использование латинских и греческих морфем обусловило возникновение новой тенденции. В тех случаях, когда появляется возможность назвать предмет исконным словом, а его признак — латинским или греческим, либо наоборот — предмет назвать латинским или греческим, а признак исконным словом, образуются сложные слова, включающие оба компонента. Так появились новообразования, которые, по мнению В.М. Лейчика, были удачно названы *гибридными словами*¹⁵. Инновации данного типа активны в современном русском языке:

гипносон ‘сон, вызываемый методом гипноза’, *метеочувствительный* ‘чувствительный к метеорологическим условиям’, *микрокапля* ‘капля малых размеров’, *неосталинизм* ‘сталинизм, приспособленный к современным условиям’, *порночтиво* ‘литература порнографического содержания’, *телесход* ‘телепередача с широким участием зрителей’ и т.п.

В последние несколько лет к рассматриваемым словам присоединилась группа сложных гибридных слов иного характера. Это новообразования русского языка, представляющие собой сочетания греческого или латинского элемента с элементом английского происхождения; см., например:

англ. *ink* (чернила) + *о* +...*граф* (прибор для письма)
> *инкограф* ‘авторучка типа шариковой с подачей чернил

вместо пасты’, *микро...* (очень малый) + англ. *chip* (полупроводниковый кристалл) > *микрочип* ‘чип миниатюрных размеров’; *психо...* (психологический) + англ. *training* (тренировка) > *психотренинг* ‘специальный тренировочный режим, направленный на установление и поддержание определенного психологического состояния’; *радио...* (радиовещание) + англ. *show* (пышное сценическое зрелище) > *радиошоу* ‘шоу, передаваемое по радио’; англ. *skate* (доска с роликами) + *о* + ...*дром* (место для бега, испытаний) > *скейт-дром* ‘специальная площадка для катания, стоя на короткой роликовой доске’, *теле* (телевещание) + англ. *musikal* (комедия) > *телемюзикл* ‘телевизионный фильм, спектакль в жанре мюзикла’.

Как характерное изменение в словообразовательной системе русского языка следует отметить активное развитие *субстантивно-субстантивных образований*. Данный тип сложных слов, как и основосложение, представляет собой реализацию лексической конденсации, но не по модели композиции (лат. *compositio* — составление), а по модели юкстапозиции (лат. *yuxtapositio* — положение рядом). Л.А. Кудрявцева выделяет две основные модели образования юкстапозитов: 1) юкстапозиция с синтаксически координирующимися компонентами, 2) юкстапозиция с подчинительной связью компонентов¹⁶.

Особенность первой модели состоит в том, что а) исходная синтаксическая структура — сочетание слов — объединяется сочинительным союзом “и-и”: *булочная-кафе, водитель-продавец, кабинет-спальня, клуб-магазин, книжка-игрушка, концерт-вернисаж, магазин-пекарня*;

б) второй из координирующихся компонентов указывает на функциональное назначение обозначаемого предмета или на его видовой признак: *бригадир-агроном,*

бригадир-механик, вагон-тренажер, вагон-домик, вагон-раздаточная, историк-архивист, книга-биография, комната-сейф, корабль-шпион, корзина-постелька, организация-спонсор, организация-учредитель, очерк-эссе, роман-репортаж, спутник-шпион, сумка-переноска, фильм-митинг, фильм-монолог, фильм-мюзикл, фильм-воспоминание, холл-десерт;

в) значение производного включает в себя семантический признак “в виде”: *дом-термос, дом-флейта, книжка-раскладушка, кресло-люлька, кресло-вертушка, концерт-репетиция.*

Вторая модель — юкстапозиция с подчинительной связью компонентов — может иметь структуру:

а) подчинительный атрибутивный компонент + опорный компонент: *горбачев-фонд, горбачев-центр, робот-бульдозер, робот-сварщик, робот-погрузчик;*

б) опорный компонент + подчинительный атрибутивный компонент: *боец-интернационалист, воин-интернационалист, пластинка-гигант, пластинка-миньон, предприятие-партнер, страна-организатор.*

Субстативно-субстативные новообразования часто включают в свой состав иноязычные элементы, однако в отличие от композит, где активную роль играют греко-латинские морфемы, в данных структурах используются, как правило, английские значимые элементы: *бизнес-виза, бизнес-курсы, бизнес-план, бизнес-агент, брейк-танцор, комикс-герой, слайд-театр, стресс-клиника, ток-шоу, шоп-тур* и т.п.

Значительную активность проявляют, в частности, такие английские слова, как *бизнес, кантри, рок*. Наличие большого числа сложных слов с составляющими частями *бизнес..., кантри-, рок-* обусловлено распространенностью

терминологии современной западной экономики и культуры. В качестве собственно языковых факторов функционирования рассматриваемых языковых единиц можно назвать следующие:

- многие слова с указанными компонентами обозначают понятия, существовавшие до появления инноваций, но передававшиеся ранее с помощью описательных оборотов;

- слова с иноязычными компонентами входят в своем большинстве в интернациональный фонд русского языка, легко адаптируются в русской лексической системе;

- немаловажную роль в распространении сложных слов подобного типа играет такой фактор, как отсутствие в русском языке прилагательных, образованных от аналогичных компонентам слов;

- наконец, указанные иноязычные элементы обладают свободной сочетаемостью, в результате чего соединяются с неограниченным рядом лексических единиц.

См., например:

- *бизнес-виза, бизнес-курсы, бизнес-мероприятия, бизнес-клуб, бизнес-план, бизнес-поездка, бизнес-счет, бизнес-центр;*

- *кантри-ансамбль, кантри-бал, кантри-баллада, кантри-блюз, кантри-гитарист, кантри-музыка, кантри-рок, кантри-шоу;*

- *рок-альбом, рок-ансамбль, рок-аристократия, рок-артист, рок-аудитория, рок-афиша, рок-балет, рок-бард, рок-гитара, рок-движение, рок-журнал, рок-журналист, рок-звезда, рок-идол, рок-искусство, рок-исполнитель, рок-клуб, рок-коллектив, рок-команда, рок-композиция, рок-концерт, рок-культура, рок-музыкант, рок-мюзикл, рок-обозрение, рок-опера, рок-певец, рок-песня, рок-поэзия, рок-поэт, рок-представление, рок-программа, рок-стиль, рок-текст, рок-фанат, рок-фестиваль, рок-фильм, рок-*

центр, рок-энциклопедия, рок-эстетика, рок-эстрада, рок-язык.

Таким образом, образование сложных слов на базе иноязычных значимых компонентов является одной из активных тенденций современного языкового развития; ср. также: *арт-терапия* ‘лечение психических расстройств в процессе приобщения пациента к изобразительному искусству’, *стресс-терапия* ‘лечение психических расстройств путем создания стрессовых ситуаций у больного’, *пет-терапия* ‘лечение с помощью домашних животных’ (англ. pet — животное), *цигун-терапия* ‘лечение с помощью энергии ци, излучаемой ладонями рук’.

Сливаясь в одно целое, компоненты субстантивно-субстантивных сложных слов обозначают понятие, являющееся своего рода синтезом, но в то же время отличное от каждой номинации в отдельности. В связи с тем, что в настоящее время тенденция к стиранию границ между различными областями жизни особенно интенсивна, в языке число слов субстантивно-субстантивного типа возрастает, однако лингвистическая природа таких новообразований до сих пор не получила однотипного толкования, что объясняется структурно-семантическим своеобразием анализируемых лексических единиц: отсутствие цельнооформленности при наличии семантического единства. Следует признать правомерной точку зрения, согласно которой структурные комплексы типа *бизнес-план, фильм-вернисаж* рассматриваются как *разновидность сложных слов*, так как в отличие от словосочетаний для них характерно отсутствие синтаксических отношений между компонентами, наличие одного основного ударения, воспроизводимость, подтверждаемая неоднократными регистрациями, закрепленный характер местоположения компонентов, целост-

ность значения, функция принятого наименования, сама по себе свидетельствующая о воспроизводимости, а также нехарактерность определительно-оценочных отношений между компонентами.

В связи с рассмотрением сложных слов типа *фильм-эссе*, *рок-балет*, *слайд-театр* представляется важным и замечание В.Н. Плотицына о *необходимости разграничивать самостоятельное слово и аналогичный ему иноязычный компонент сложных слов*; различие, по мнению В.Н. Плотицына, обусловлено не только спецификой их “работы” в языке, но и семантикой: если, скажем, слово *рок* обозначает определенный стиль создания и исполнения музыкальных произведений, то компонент *рок*– имеет значение ‘относящийся к данному стилю музыки’¹⁷. Однако вопреки мнению В.Н. Плотицына вряд ли целесообразно включать в словники толковых словарей составляющие части *диско*-, *рок*– и т.п. Конечно, при таком подходе активно действующая в языке словообразовательная модель найдет отражение в заголовочной части словарной статьи и будет учтена специфика образования данных слов, но при этом целостность лексикографируемого объекта, коим для толковых словарей является слово, а не части слов, будет нарушена.

Сложение приводит к возникновению новых производных с различными ономаσιологическими структурами.

Сочетанием двух полнозначных единиц достигается новое наименование, смысл которого устанавливается на основе отношений между сочетающимися знаками. При этом в отличие от соответствующего синтаксического оборота сложное слово отходит от обозначения конкретной связи между предметами. Слово *авторынок*, например, может быть интерпретировано и как совокупность

автосредств, предназначенных для торговой реализации, и как территория, отведенная для продажи автомобилей. Проигрывая в точности обозначения, сложное слово выигрывает в степени обобщенности. В общем можно утверждать, что такая формальная операция, как сложение *лишь постулирует наличие связи* между обозначенными сущностями, а о конкретном характере связи судят, опираясь на знание естественной логики вещей.

Семантические модели новых сложных слов, включающие разные компоненты, оказываются, естественно, не тождественными.

В сложениях со вторым глагольным компонентом характер связи более очевиден, и это обеспечивает более или менее легкое прочтение модели:

лавиновед — тот, кто изучает (ведает) лавины,

рынковедение — изучение (ведение) рынка,

фруктопровод — то, с помощью чего проводятся (транспортируются) фрукты.

Объект действия, попадающий в первую позицию, воспринимается как признак (модификатор) совершаемого действия. Достаточно высокая мотивированность подобных сложных слов объясняется наличием в их структуре *эксплицитно оформленных ономаσιологического признака и базиса* и близостью последнего к позиции главного слова мотивирующего суждения.

В сложных инновациях именного типа связь между первым и вторым компонентом, то есть *между признаком и базисом*, выражена менее четко:

- *еврооружие* — оружие для Европы или оружие Европы, европейского образца?,

- *гипносон* — гипноз и сон или сон в результате гипноза?,

однако, как и в сложениях глагольного типа, онома-сиологический *базис и признак эксплицитно выражены* и позиционно закреплены: базис — второй компонент структуры, признак — первый.

Двучленная структура сложного слова может реализоваться и как *сочетание однопорядковых, равнозначных единиц*:

булочная-кафе, водитель-продавец, книжка-игрушка, концерт-вернисаж, магазин-пекарня.

В этом случае новое наименование возникает как *сложение двух признаков*, что указывает на одновременность наличия некоторых свойств, процессов, предметов. Онома-сиологический базис подобных слов, по мнению Е.С. Кубряковой, фиксируется самой моделью — ее принадлежностью к определенному семантическому классу производных слов¹⁸: *булочная-кафе, магазин-пекарня* подводятся, например, под онома-сиологическую категорию субстанции, а именно предмета, *водитель-продавец* — категорию субстанции (лицо), *концерт-вернисаж* — категорию субстанции (деятельность) и т.п.

Итак, в процессе неологизации сложные слова возникают как онома-сиологические структуры, служащие расчлененному обозначению номинируемой реалии: они эксплицитно указывают на класс предметов и его признак, по отдельности называя то и другое. Несмотря на наличие семантической компрессии, значение таких инноваций прозрачно из-за номинативной весомости их компонентов: и онома-сиологический базис, и онома-сиологический признак передаются основами полных слов.

4.3. Новые тенденции в образовании аббревиатур

В языковом сознании современной эпохи очень значительна роль *аббревиатур*. Фактически все предметные участки, все секторы отображаемой в языке действительности стали доступны для аббревиатурных наименований:

- экономика: Руководство *РАО* ЕЭС России хочет возобновить процесс инвестиций в энергетику через привлечение стратегических партнеров в дочерние предприятия холдинга (Изв., 2.02.1999); Государство, с точки зрения экспортеров, слишком расширяет налогооблагаемую базу. Например, *НДС* берут даже с авансовых платежей, где еще не возникает никакой добавочной стоимости (Изв., 2.02.1999);

- общественно-политическая сфера: Мания власти стала оборотной стороной достоинств *демлидеров* — молодости, ума, образованности (АиФ, 1998, №49); *Наццентр* бесперебойно слал на Украину самые секретные документы, информировал о положении дел в движении (Изв., 15.09.1998);

- спорт: Недавно у нас в стране прошли первые Все-союзные спортивные игры инвалидов. Ответственный секретарь федерации *инваспорта* рассказывал, что только на инвалидных автомашинах приехало около 80 семей болельщиков (Собеседник, 1998, № 38); *Футволейбол* завоевывает все большую популярность (Сов. спорт, 8.04.1988);

- военная сфера: Длинные колонны *бэтэров*, *танков*, боевых машин пехоты, военных грузовиков движутся в эти дни к границе... (Изв., 14.08.1988); *Бандформирования*, дислоцировавшиеся в неприступных горных районах, ис-

пытают в настоящий момент трудности с пополнением боезапасов (Нез. газета, 15.08.1999);

- наука и техника: *Вилозен*, новое лекарство, созданное киевскими учеными, снимает аллергическое состояние (Неделя, 1987, № 9); История участия России в проекте *МКС* (международной космической станции — Е.С.) берет начало с декабря 1993 года (Моск. комсомолец, 1999, №1);

- обиходно-бытовая сфера: Мы не знаем элементарных начал атомного века... От неинформированности — беспомощность... Функционирование системы “ОБС” (одна баба сказала) (Лит. газета, 1986, №49); Среди нас были те, которых мы называем *ДК*... — Дом культуры, что ли? — Дойные коровы. Правда, это скорее их высокооплачиваемые и высокопоставленные родители (Лит. газета, 1986, №49).

Источником аббревиатур являются словосочетания. Для того, чтобы словосочетание могло породить аббревиатуру, оно должно отвечать некоторым требованиям: во-первых, иметь единое значение, во-вторых, обладать достаточной частотностью, в-третьих, быть социально значимым для тех лиц, коллективов, которые употребляют данное словосочетание. Эти условия вызвали к жизни такие, например, аббревиатуры, как *АиФ*, *инвалюта*, *инкомбанк*, *омон*, *СМИ*, *ЦБ*, *ЦТ* и др., которые настолько хорошо известны, что нет необходимости в их расшифровке; соответствующие им словосочетания утратили статус коммуникативно необходимых элементов сообщения, передав его синонимичным конденсатам. “Четкое соотнесение аббревиатуры и полного имени — словосочетания — делает открытым содержание, представленное в аббревиатуре символическим сочетанием букв. Буквы, а при произнесении звуки,... в этом случае становятся носителями сконденсированного в них значения целого словосочетания”¹⁹. Не слу-

чайно новые аббревиатуры часто сопровождаются в тексте исходными словосочетаниями, например: Как известно, Верховный Совет недавно исключил из состава Комитета по науке группу депутатов из Межрегиональной депутатской группы (МГД). Означает ли это начало политического преследования оппозиции? (АиФ, 1991, №16). Если аббревиатура непонятна, если нет связи с полным исходным наименованием, то такая аббревиатура коммуникативно нецелесообразна; ее скрытый смысл заключен в произвольные цепи букв — типа *ДТСХС* ‘детская техническая и сельскохозяйственная станция’. Таким образом, создание аббревиатурных имен связано с проблемами коммуникации, понимание аббревиатур находится в прямой связи с фоновыми знаниями общающихся.

Самые древние аббревиатуры — инициального типа, представляющие собой сочетание начальных звуков (букв), или акронимы. Буквенно-звуковые слова не всегда удобны, часто неблагозвучны и неудобопроизносимы. Однако несмотря на то, что создание акронимов вызывает ряд коммуникативных помех, возможности этого способа номинации не исчерпаны.

Во-первых, современные акронимы — это образования, состоящие, как правило, *не более чем из трех звуков* (букв) и включающие в свой состав *гласный* или *сонорный*:

АКО [ако] — акционерное колхозное общество,

ВИЧ [в’ич] — вирус иммунодефицита человека,

ВОИ [вои] — воздушная оборонная инициатива,

ГИП [г’ип] — главный инженер проекта,

ЕЭС [jээс] — европейское экономическое сотрудничество,

РАО [рао] — Российское акционерное общество,

СМИ [см'и] — средства массовой информации,
СЭЗ [сэс] — свободная экономическая зона;
АТР [а-тэ-эр] — азиатско-тихоокеанский регион,
БМД [бэ-эм-дэ] — боевая машина десанта,
ГКО [гэ-ка-о] — государственные краткосрочные облигации,

ГНС [гэ-эн-эс] — государственная налоговая служба,

ДВК [дэ-вэ-ка] — денежный валютный курс,
НДС [эн-дэ-эс] — налог на добавочную стоимость,
ОСВ [о-эс-вэ] — ограничение стратегических вооружений,

РНЕ [эр-эн-јэ] — Русское Национальное Единство.

Аббревиатуры могут состоять из двух звуков (букв):
АО — акционерное общество, *ГЗ* — гетерохромное зачатие,
РИ — Республика Ингушетия, *СП* — совместное предприятие, *ЦБ* — центральный банк, *у.е.* — условная единица.

Наличие вокальных звуков в составе аббревиатур свидетельствует о том, что современные акронимы *стремятся быть похожими на обычные слова*. Как следствие этого — способность ряда аббревиатур иметь формы словоизменения, то есть образовывать морфологические парадигмы, а следовательно, иметь грамматические категории. См., например, употребление в современной речи аббревиатур *бомж*, *бэтээр*, *омон*: Такие поезда, ждущие своего рейса, давно облюбованы *бомжами* (Смена, 16.01.1989); Длинные колонны *бэтээров* движутся в эти дни к границе (Изв., 14.01.1989); Большинство митингов обходится без всяких чрезвычайных происшествий, так что присутствие *ОМОНа* там вовсе необязательно (Веч. Ленинград, 10.07.1989).

Активизировалось и употребление производных от слов-акронимов: *бомж*, *бомжиха*, *бомжатина*, *бомжатник*,

бомжевать; бэтээр, бэтээровец, бэтээровский; омон, омоновец, омоновский; СНГ, СНГове, снгшник, снгшный и т.п.

Говоря о сближении аббревиатур с обычными словами языка, можно добавить следующее: акронимы начинают вовлекаться в сферу выражения эмоционального содержания и, таким образом, приобретают стилистическую окрашенность: *ДК* — дойная корова (об источнике дохода), *НЭП* — наведение элементарного порядка, *ОБС* — одна баба сказала. Интересно заметить также, что аббревиатуры могут развивать способность к полисемии. Так, от *и. о.* в значении ‘исполняющий обязанности кого-либо’ возник новый лексико-семантический вариант ‘что-то употребляемое вместо другого, заменитель чего-нибудь’: В репертуаре “Бони М” есть песня, текст которой состоит из названий месяцев: январь, февраль — и так до конца года. *И. о.* текста — но хоть откровенный, ни на что не претендующий. Наслаждайтесь ритмом, словно говорят нам, текст неважен (Лит. газета, 1981, № 41).

Тенденция сближения акронимов с обычными лексическими единицами языка находит наиболее полное воплощение в явлении *звукового совпадения аббревиатуры с отдельным словом*. Сначала это были случайные совпадения, а потом подобные акронимы стали создаваться специально. Из исходных словосочетаний в аббревиатуру выбираются только те звуки или буквы, которые обеспечат *омофоничность* акронима какому-либо слову языка, в результате чего создается впечатление, что *аббревиатура как бы мотивирована словом*. Именно эта мотивированность акронима одновременно и исходным словосочетаниям, и близким по звучанию словом позволяет назвать такие единицы *словами с двойной мотивацией*²⁰. При этом, выбирая слово, которое должно быть сходно с создаваемой аббревиатурой, обыч-

но стремятся к тому, чтобы это слово было по значению как можно дальше от исходного словосочетания. Найденный способ создания аббревиатур применяется все шире, и словари неологизмов уже содержат немало слов подобного рода: *АИР* >аппарат для исправления дефектов речи, *БАРС* >блок автоматического регулирования среды (температуры воздуха в помещении), *КИТ* >коллектив интенсивного труда, *НОЖ* >национальная организация женщин, *СТО* >спортивный трудовой отряд, *ТУР* >технологический универсальный робот: *ТУР-10*... собирал из кубиков выставочную эмблему — пощупает кубик, покрутит его, найдет нужную сторону и положит в коробку. Другой *тур* взял заготовку, приладил ее, а когда работа была сделана, передал соседнему станку (Неделя, 1983, №3).

Большая смысловая насыщенность слов с двойной мотивацией, тот факт, что они понимаются по своему основному значению, и по значению слова, с которым они фонетически сходны, обеспечивают выразительность аббревиатур данного типа.

Однако не всегда удается сохранить словосочетание так, чтобы получилось созвучие с обычным словом. В таком случае аббревиатуре стараются придать словоподобный вид:

боз >без определенных занятий,
бомж >без определенного места жительства,
ном >неформальное объединение молодежи,
овилан >объемная вязкозная искусственная ткань +
-лан >лаборатория Академии наук),
спид >синдром приобретенного иммунодефицита,
фианит >Физический институт Академии наук +
-ит: Ну, вы же ему уже и складчину собрали? — усмехнулся Кузьмич. — Да это же профессионал. Б.О.М.Ж. — как пишет милиция... — Ах, какое французское, какое изыскан-

ное слово — “*бомж*”! И это же надо — такая русская его расшифровка (Лит. газета, 1989, №45).

Таким образом, описанные аббревиатуры — *это и слова, и в тоже время не слова, а нечто похожее на них*. В работах В.П.Даниленко такие сложносокращенные слова удачно названы *словоидами*²¹. Следует отметить, что распространение благозвучных аббревиатур, в том числе словоидов и слов с двойной мотивацией, обусловлено тем, что аббревиатуры перешли в устную форму речи; именно в связи с этим в аббревиатуре главное — не количество букв или слогов, а удобство произношения.

Как известно, процесс сокращения слов, входящих в словосочетание, может быть различным. В современном русском языке очень продуктивны и так называемые *слоговые аббревиатуры*:

- *госкомстат* >государственный комитет по статистике,
- *госпецхоз* >государственное специализированное хозяйство,
- *катрэкс* >катран ‘разновидность акулы’ + экстракт ‘экстракт печени черноморской акулы как лечебное средство’,
- *нардеп* >народный депутат,
- *облекол* >облепиха + коллаген ‘противоожоговое средство’,
- *рездор* >резиновая дорожка.

Современные слоговые аббревиатуры несколько отличаются от традиционных. *Причина изменения* сложносокращенных слов данного типа — *в самом принципе построения* рассматриваемых образований: одного слога не всегда достаточно для того, чтобы опознать в сокращенных элементах те слова, которые входили в полные названия; к

тому же несколько разных слов могут иметь одинаковый первый слог, в частности: *ком...* > командир, комитет; *эко...* > экономический, экологический; *пром...* > промежуточный, промышленный. В связи со сказанным для создания слоговых аббревиатур стали использовать не начальные слоги, и даже вообще необязательно слоги, а просто “осколки” слов длиной в один, два и более слогов. Главное в этих “осколках” — их опознаваемость; что касается того, как они созданы, то это вопрос второстепенный:

- *зелен...* (зеленый): *зеленхоз* > зеленое хозяйство,
- *испол...* (исполнительный): *исполсек* > исполнительный секретарь,
 - *коммуни...* (коммуникативный): *коммунилаб* ‘практическая система автоматизированного перевода’ (коммуникативный + лаборатория),
 - *нахал...* (нахальный): *нахалстрой* ‘строения, возникшие в результате самовольной застройки’ > нахальное строительство.

В настоящее время в образовании слоговых аббревиатур получает развитие тенденция, распространившаяся во многих современных языках. Она отвечает двум требованиям, предъявляемым к средствам номинации: компактности и цельнооформленности лексических единиц. Эта тенденция, хотя и проявляется в языке несколько лет, не имеет пока установившегося названия. Одни называют ее телескопией²², другие — словослиянием²³, третьи употребляют термин “междусловное наложение”²⁴. Наиболее распространен термин “*телескопия*”: он соответствует складывающейся лингвистической традиции. Кроме того, данное терминологическое наименование в отличие от других подчеркивает сущность рассматриваемого лингвистического явления, которое заключается в том, что создатель сло-

ва берет начало одной лексической единицы и конец (а не начало, как обычно) другой и соединяет их в одно новое слово. По образному сходству с телескопическими трубами этот прием называют телескопией, а полученные слова — *телескопическими*, или телескопными.

Обозначив начальную часть первого компонента А, а конечную часть — В и соответственно начальную часть второго элемента С, а конечную — D, можно получить формулу модели телескопического словообразования: $[(A+B)+(C+D)]=[A+D]$. Дополнительно заметим, что именно указанную формулу следует иметь в виду, говоря о телескопии, ибо все остальные вариации: $[A+(C+D)]$, $[(A+B)+D]$ — демонстрируют те или иные модели сложносокращенных слов. “С подобным мнением, — пишет К.Л. Егорова, — трудно согласиться: при таком способе словообразования не происходит междусловного наложения, и в связи с этим у новообразования отсутствуют части, общие для обоих источников²⁵. Указанное К.Л. Егоровой междусловное наложение не может служить основанием для выделения слов, характеризующихся данным явлением, в особую словообразовательную модель, так как в этом случае мы имеем дело *не со словообразовательным фактором, а с морфонологическим явлением* — интерференцией морфов.

Изучение истории языка позволяет выделить телескопические слова, созданные несколько веков назад, например: *сабо* — от франц. *sabot* > *savate* ‘стоптанный башмак’ + *бот* ‘ботинок’.

Приведем современные примеры.

Слово *биотектура* создано на базе соединения слов *биология* и *архитектура* (био... +...тектура); по этому же образцу создан и термин *биотика* > *биология* + *кибернети-*

ка (био... +...тика): Уже вошел в употребление новый термин — *биотика*. Биотикой называют направление электроники, которая предлагает использовать “патенты” природы для создания новых полупроводниковых материалов биологического происхождения и для изготовления микросхем методами, подобными процессам сборки структур живой клетки (Наука и жизнь, 1983, №11). Телескопическим является и новое слово *кармат* > *картофель* + *томат* (кар... +...мат): *Кармат*... является гибридом картофеля и томата (Лен. правда, 4.06.1983).

Ср. аналогично: *библиобус* > *библиотека* + *автобус*, *бионика* > *биология* + *электроника*, *бумвинил* > *бумага* + *поливинил*, *паралангист* > *парашютист* + *аквалангист*, *реанимобиль* > *реанимационный автомобиль*, *синзим* ‘ускоритель химической реакции’ > *синтетический* + *энзим* ‘фермент’.

Своеобразным телескопическим образованием является слово *фластер* ‘гибрид фломастера и шариковой ручки’: налажен выпуск так называемых *фластеров*; это своего рода гибрид между фломастером и шариковой ручкой: жидкие чернила подаются к пишущему шартику капиллярным стержнем из волокнистого материала, как во фломастерах (Наука и жизнь, 1983, №6). Новобразование возникло в результате стяжения слова *фломастер*: начало и конец слова остаются, а середина выпадает.

Процесс создания телескопических слов активизируется; если раньше они были характерны в основном для разговорно-жаргонной речи, то сейчас телескопические сложные слова характеризуют специальную лексику, являющуюся одним из источников пополнения общелитературного языка.

Очень часто аббревиатуры представляют собой *усеченную основу, соединенную с целым словом*. Исходный ма-

териал, на базе которого образуются слова данного типа, ограничен пределами словосочетаний “прилагательное (редко причастие) + существительное”: прилагательное входит в производное слово в сокращенном виде, а существительное — в полном. Е.А. Земская, Н.М. Шанский не относят к аббревиатурам слова данного типа. Н.М. Шанский считает, что эти слова занимают промежуточное положение между собственно сложными образованиями и сложносокращенными²⁶; Е.А. Земская рассматривает их в качестве отдельной группы сложносокращенных слов²⁷; по мнению Л.Ф. Омельченко, слова, состоящие из части слова и полного слова, представляют собой самостоятельный словообразовательный тип и не сводятся к смежным структурным образцам (сложным словам, аббревиатурам)²⁸. Следует, однако, заметить, что анализируемые слова целесообразно считать, во-первых, сложными лексическими единицами, так как они состоят более чем из одной корневой морфемы, а во-вторых, — сложносокращенными, поскольку аббревиатуры — “это существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом”²⁹.

См., например: *байкдвижение* > *байкерское движение*, *байкшоу* > *байкерское шоу*, *Гордума* > *Городская Дума*, *госдоход* > *государственный доход*, *госдача* > *государственная дача*, *госпривилегия* > *государственная привилегия*, *госчиновник* > *государственный чиновник*, *демдвижение* > *демократическое движение*, *демлидер* > *демократический лидер*, *дорресторан* > *дорожный ресторан*, *инваспорт* > *инвалидный спорт*, *наццентр* > *национальный центр*, *центробанк* > *центральный банк*, *трикоткань* > *трикотажная ткань*.

Новообразования подобного рода представляют собой живую модель современных языков, позволяющую создавать компактные номинативные единицы, выполняющие компрессивную функцию.

В ряде случаев происходит *материальное обновление бытующих моделей*, что связано с изменениями в объективной действительности; при этом может изменяться только один компонент сложносокращенного слова: *бандгруппа, бандгруппировка, бандлидер, бандобъединение, бандформирование; инокомиссия, иномарка, инопорт, иносоциальный, инофирма, инофирмач, иноязык; оргмероприятие, оргплenum, оргпреступность, оргстроение.*

К аббревиации примыкает образование слов путем усечения производящего слова — существительного или прилагательного. В западных языках слов, образованных таким способом, достаточно много: *ген* — от генетика, *крими* — от криминальный, *ретро* — от ретроспектива; *лекса* — от лексема, *морф* — от морфема, *терм* — от термин. Усеченные слова вполне коммуникативно пригодны, в них оптимальное количество слогов, они понятны по значению, поэтому, проникая в русский язык, они *приобретают все более широкие границы распространения.*

Определенное количество таких слов образуется и на русской почве, используя в основном в разговорно-профессиональной речи:

- *афган* > *Афганистан* ‘война в Афганистане с участием войск Советского Союза’: *Афган* во мне, понимаете? И, наверное, навсегда (Сов. спорт, 7.11.1989);

- *беспредел* > *беспредельный* (л’→л) ‘о невыносимых, попирающих человеческое достоинство условиях жизни’: Разобщенные в обычных условиях, ...мужики [заключенные], доведенные до отчаяния *беспределом*, начали

консолидироваться, создавать собственное ядро (Огонек, 1988, № 32);

- *духи* > *душиманы* (ш→х): Никого не найти. А тут — окопы. За пятьдесят метров до первого увидели *духа*. Он был грязный и лохматый (Лит. газета, 1989, № 7);

- *импровиз* > *импровизация*: Однажды поставили рекорд — 46 дней подряд каждый вечер был новый *импровиз*. Театр импровизации на самую что ни на есть злобу дня... (Комс. правда, 3.07.1986);

- *стагнат* > *стагнация* (ц→т) ‘тот, кто придерживается действий и взглядов, свойственных эпохе застоя’: Кажется, чего там тянуть — надо немедленно перестраивать экономику “по Шмелеву”. А кто этого не понимает — *стагнат* (Лит. газета, 1089, № 9),

а также: *лаг* > *лагерь*, *промиск* > *промискуитет* ‘тот, кто имеет беспорядочные половые связи’, *дикт* > *диктат*, *диссер* > *диссертация*, *мол* > *молодежный* и т.п.

В целом процесс развития усечения как способ образования новых слов в современном русском языке активно поддерживается западноевропейскими параллелями.

Положительно характеризуя различные типы сложносокращенных слов, следует тем не менее заметить, что аббревиатуры создают определенные помехи в процессе коммуникации. “Аббревиатура подобна айсбергу. Видимая часть айсберга — буквы, слоги или части слов, по которым, используя свой речевой опыт и специальную осведомленность, можно разгадать все содержание знака”³⁰.

Семантические особенности аббревиатурных инноваций обусловлены их ономаσιологической природой.

Формальная операция, результатом которой являются сложносокращенные слова, диктует появление наименований особого характера. Если в сложных словах, несмотря

на семантическую компрессию и редукцию элементов исходной конструкции, значение обычно мотивировано, а базис и признак полнзначны, то в неологизмах — аббревиатурах все указанные признаки сводятся до минимума. Не только от служебных показателей не остается никаких следов, но и полнзначные исходные элементы редуцируются до неузнаваемости: их представленность в аббревиатурных новообразованиях варьируется от осколков морфем производящих слов до их обозначения одной буквой: *исполсек* < исполнительный секретарь, *нардеп* < народный депутат, *уе* < условная единица и т.п.

Таким образом, при всем разнообразии типов аббревиатур им всем присуще одно и то же свойство — *переход от мотивированного наименования к демотивированному*. Следовательно, аббревиатурные инновации возникают как своего рода условные знаки — заместители, символы несколькословного наименования, что позволяет рассматривать аббревиатуры как номинации, находящиеся *вне системы ономаσιологических структур*. В этом отношении в ряду аббревиатурных знаков выделяются новые сложносокращенные слова типа *байкдвижение*, *бандгруппа*, *теракт* и т.п. При их формировании в роли ономаσιологического *базиса* выступает *основа полнозначного слова*; ономаσιологический же *признак носит дефектный характер*; он, скорее, *подразумевается* в номинативной структуре неологизма, чем реально существует. В этом плане обращает на себя внимание следующее суждение Е.С. Кубряковой: “По-видимому, особую значимость имеет... в сложносокращенных названиях способ представления ономаσιологического базиса... Признаки легче угадываются по отношению к точно обозначенному предмету”²³¹.

Итак, аббревиатурные инновации демонстрируют не обычный семантический сдвиг между производящей и производной единицами, выражающийся в передаче нового значения в буквальном смысле слова, а сводящийся к изменению в соотношении эксплицитных и имплицитных компонентов значения, к преобразованиям в степени расчлененности номинативного представления одного и того же.

4.4. Новые явления в аффиксальном словопроизводстве

Современное аффиксальное словообразование имеет ярко выраженный социально-обусловленный характер. Усиление роли отдельной личности в общественной жизни явилось причиной того, что в центре современной аффиксации оказалось производство имен лиц (ср.: в польском языке на первом месте производство абстрактных имен)³².

Наиболее продуктивны новые слова, образованные суффиксальным путем; активную роль в указанном процессе играют суффиксы *-ец-, -ик-, -ник-, -щик-*.

С тематической точки зрения новые наименования лиц это:

- названия по принадлежности к определенному коллективу: аппаратчик 'работник аппарата', бюджетник 'работник бюджетной сферы', бесплатник 'тот, кто получает что-либо бесплатно', капээсэсник 'член КПСС', ЛДПРовец 'член ЛДПР', льготник 'тот, кто пользуется теми или иными льготами', отказник 'тот, кто по своим убеждениям отказывается служить в армии', повторник 'лицо, осужденное повторно в период массовых репрессий', снгшник 'житель СНГ', яблочник 'член политического объединения "Явлинский — Болдырев";

- *наименования по профессии* (в том числе неофициальной): *бутылочник* ‘о том, кто собирает пустые бутылки’, *дуканик* ‘владелец дукана, торговец в дукане’, *компьютерщик* ‘специалист по компьютерной технике’, *переговорник* ‘тот, кто ведет дипломатические переговоры’, *эвмщик* ‘специалист по электронно-вычислительной технике’;

- *наименования лиц как последователей каких-либо взглядов на что-либо*: *бесплатник* ‘сторонник бесплатной приватизации’, *государственник* ‘сторонник государственной формы организации экономики’, *державник* ‘сторонник монархической формы правления’, *перестроечник* ‘активный деятель, сторонник перестройки’, *рыночник* ‘сторонник рыночной формы организации экономики’.

Имена лиц демонстрируют “усиление личностного начала” в словообразовании, что выражается в широком использовании собственных имен существительных в качестве базовых основ словопроизводства. Для этой цели чаще всего служат фамилии (имена) политических и общественных деятелей: Анпилов > *анпиловец*, Баркашов > *баркашовец*, Дудаев > *дудаевец*, Жириновский > *жириновец*, Зюганов > *зюгановец*, Звиад (Гамсахурдия) > *звиадист*, Ельцин > *ельцинист*, Сталин > *сталинист* и т.п.

Имена лиц порождают целые серии производных слов: *ельцинец*, *ельцинизм*, *ельциниана*, *ельцинский*, *проельцинский*, *антиельцинский*, *антиельцинист*; *гайдаризм*, *гайдаровский*, *гайдарономика*; *горбачевизм*, *горбачевец*, *антигорбачевец*, *горбачевский*, *антигорбачевский*, *горбачевиана*.

В производстве имен лиц, а также имен предметов очень активно явление, называемое *универбацией*. Данный процесс, сближающий лексику и словообразование, представляет собой такое расширение значения слова, ко-

торое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в новообразовании отдельного морфемного выражения. Универбаты заменяют описательные наименования, раздельнооформленные номинативные единицы, цельнооформленными, однолексемными наименованиями. По мнению Л.А. Кудрявцевой, процесс универбации — это семантическая конденсация “в наиболее чистом виде, которая характеризуется и редукцией плана выражения исходной величины, и включением в лексическое значение результативной единицы смысловых компонентов других, редуцированных элементов синтагмы”³³. Таким образом, Л.А. Кудрявцева рассматривает универбацию как частный случай лексико-семантической конденсации, обязательным интегральным признаком которой является редукция плана выражения, различающаяся степенью проявления — от максимальной (семантическое включение без суффиксации, например: кормовые культуры > *кормовые*) до минимальной (юкстапозиция, например: *бизнес-план*).

Н.А. Янко-Триницкая, употребляя термин “включение”, объединяет в рассматриваемом понятии совершенно разнородные явления: *воздух* < *свежий, чистый воздух*; *шоссейка* < *шоссейная дорога*; *обниматься* < обнимать друга³⁴. Конечно, большинство производных слов представляет собой продукт некоторого сжатия, концентрации смысла, который может быть выражен более развернутыми средствами — с помощью сочетания ряда слов. Однако едва ли к подобным словам применимо понятие универбации. В связи со сказанным представляется оправданным такой подход, согласно которому об универбации можно говорить лишь в тех случаях, когда новое слово возникает на базе словосочетания, имеющего характер устойчивой языковой номинации. Только такое понимание универ-

бации оправдывает смысл выделения ее из совокупности словообразовательных процессов, приводящих в конечном счете к превращению в слово того или иного синтаксического комплекса.

Суффиксальная универбация атрибутивных словосочетаний осуществляется посредством разнообразных суффиксов; наиболее продуктивный из них суффикс $-к(a)$:

вареная ткань > *варенка*, двухполосная газета > *двухполоска*, заезжий дом > *заезжка*, кремлевская больница > *кремлевка*, локальная зона > *локалка*, минимальная зарплата > *минималка*, многомандатная система > *многомандатка*, наглядная агитация > *наглядка*, неучтенная продукция > *неучтенка*, обезличенная продажа > *обезличка*, парадная форма > *парадка*, платежное поручение > *платежка*.

Кроме суффикса $-к(a)$, в современной речи в функции универбата употребляются:

- суффикс — *ик-*: телефонный справочник > *телефонник*: В общем-то многие чувствовали себя на большом перегоне временщиками. Посмотрите, что осталось в служебном *телефоннике* десятилетней давности (Правда, 12.09.1987);

- суффикс — *ец-*: торопливый человек > *торопливец*: Судейская коллегия сразу же задрала нос кверху от гордости. Да нет, не за себя, конечно, как мог подумать какой-нибудь *торопливец*, — за тысячи и тысячи участников нашего творческого состязания (Огонек, 1987, №31);

- суффикс — *ок-*: коммерческий магазин > *комок*: О гараже, где после регулярных поездок по *комкам* будет отдыхать его сверкающий автомобиль, и говорить нечего (Неделя, 1988, №11); советский человек > *совок*: Великая миграция *совков* началась еще с целины (Нез. газета, 3.06.1993);

- суффикс — *ух(a)*: черный рынок > *чернуха*: Но прикрыть *чернуху* — не такое уж простое дело. Цены подскочат (Комс. правда, 2.11.1996).

Нулевая суффиксация также играет определенную роль в процессе универбации: безналичные денежные средства > *безнал*, инфантильный человек > *инфантил*, маргинальная личность > *маргинал*, наличные денежные средства > *нал*, неформальное объединение > *неформал*, протокольная служба > *протокол*, укромное место > *укром*, фантазийный напиток > *фанта*: Я уже семь лет руковожу *протоколом* президента и никогда не ощущал предвзятости в свой адрес (АиФ, 1999, №6); Сам он [Говорухин] впрочем отнюдь не футурист, его модернизм... напоминает не передний край битвы против старых догм, а скорее — живописный *укром*, свой замкнутый мир искусства (Культура, 1999, №9).

Возникновение новых слов-универбатов интенсифицируется и развивается: если прежде в основном включались значения конкретных существительных, то теперь — и отвлеченных: аморальное поведение > *аморалка*, напряженное состояние > *напряженка*, негативное явление > *негативка*, уголовное дело > *уголовка*, экстремальная ситуация > *экстрема*; см. вышеприведенные: *неформал*, *обезличка*, *укром*.

Следует иметь в виду, что суффиксальная универбация является разновидностью более общего словообразовательного процесса, обнаруживающего высокую активность в современном русском языке, — это образование слов, семантически мотивированных атрибутивными словосочетаниями “прилагательное + существительное”, структурно же — входящими в состав этих словосочетаний именами прилагательными. Образованные таким путем слова все

не обязательно являются синонимами соответствующих атрибутивных сочетаний. “Не будучи такими синонимами, они не представляют собой с семантической точки зрения чистой универбации, поскольку содержат, кроме “включенной” в них семантики всего атрибутивного словосочетания, еще определенный компонент отношения к понятию, названному этим сочетанием”³⁵. К таким новообразованиям относится целый ряд суффиксальных существительных, в том числе и с суффиксами, выступающими при чистой универбации:

- *безналичник* ‘тот, кто приобретает что-либо по безналичному расчету’: *безналичный* (н→н’) расчет + *-ик*;

- *волновик* ‘поклонник волнового стиля в музыке’: *волновой* (в→в’) стиль + *-ик*;

- *индивидуальщик* ‘тот, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью’: *индивидуальная* трудовая деятельность + *-щик*;

- *разговорник* ‘артист разговорного жанра’: *разговорный* (н→н’) жанр + *-ик*;

- *силовик* ‘работник силовых структур’: *силовые* (в→в’) структуры + *-ик*;

- *сюжетник* ‘писатель, строящий свои произведения на сюжетной основе’: *сюжетное* (н→н’) произведение + *-ик*;

- *федерал* ‘представитель федеральной власти’: *федеральная* (л’→л) власть + \emptyset ;

- *челночник* ‘тот, кто совершает челночные рейсы куда-либо с целью покупки товаров или продуктов и их последующей перепродажи’: *челночный* (н→н’) рейс + *-ик*;

- *элитарщик* ‘представитель элитарного кино’: *элитарное* кино + *-щик*.

Динамизм современной эпохи активно протежирует появлению новообразований с процессуальным значени-

ем, однако социально-значимые процессы именуются не глаголами, а именными лексическими единицами — существительными с суффиксом *-ация/-изация*. Подобного рода инновации имеют следующее значение:

1) *внедрение, использование чего-либо: азербайджанизация* ‘навязывание кому-либо где-либо языка, образа жизни азербайджанцев’ (ср. также: *башкиризация, тата-ризация, украинизация, эстонизация*), *бартеризация* ‘распространение системы бартерных сделок’, *валютизация* ‘распространение иностранных денежных единиц’, *долларизация* ‘распространение американских денежных единиц’, *технизация* ‘распространение технических средств’, *фермеризация* ‘процесс образования фермерских хозяйств’, *хуторизация* ‘процесс образования хуторских хозяйств’;

2) *приобретение признаков того, что названо производящим словом: витринизация* ‘превращение в рекламу американского образа жизни’, *зарплатизация* ‘превращение доходов в зарплату’, *инвалидизация* ‘переход на положение инвалида’, *криминализация* ‘распространение в обществе уголовно наказуемых деяний’, *прозаизация* ‘сближение поэтических средств выражения с прозаическими’, *тропикализация* ‘приспособление к жизни в тропических условиях’.

Отмечая практически неограниченную возможность образования слов на *-ация* от основ имен существительных, можно констатировать существование устойчивой *тенденции к созданию процессуальных наименований на базе отсубстантивных словообразовательных моделей*. Причина появления инноваций данного типа заключается в смене производности в ряду “имя > глагол > имя”. Возможность именной производности явилась источником формирования новых отношений — “имя > имя”. Отдельные факты

отыменного образования имен существительных с процессуальным значением отмечались и ранее, так называемое чересступенчатое словообразование, но, видимо, в последнее время следует говорить не о словообразовании с пропуском глагольной ступени, а о формировании новой деривационной модели.

В производстве *имен признаков* связь “язык — современность” обнаруживается не столь непосредственно. Прилагательные образуются не так активно, как существительные, тем не менее и в сфере признаковых имен наблюдаются новые словообразовательные явления.

Яркая черта современного русского языка — *интенсивность производства и употребления относительных прилагательных*. Возникающие новые имена существительные, как правило, порождают производные относительные прилагательные: ваучер — *ваучерный*, имидж — *имиджевый*, китч — *китчевый*, нувориш — *нуворишский*, рейтинг — *рейтинговый*, СНГ — *снговый*.

В результате действия закона аналогии относительные прилагательные порождаются и уже известными языку словами: малыш — *малышовый*, мальчик — *мальчиковый*, новость — *новостной*, протест — *протестный*, цум — *цумовский*, ящик — *ящиковый*.

В тех случаях, когда имеется качественное прилагательное, производное от той же субстантивной основы, в словообразовательной системе языка возникает определенное напряжение, препятствующее производству однокоренного относительного прилагательного. Указанное противоречие разрешается путем использования в производстве относительного прилагательного суффикса *-ов*. Так, в русском языке известно качественное прилагательное *ценный*, образованное от существительного *цена*; актуализация

слова *цена*, важного для сферы современной экономики, вызвала необходимость выражения новых отношений. Как следствие этого — появление нового, относительного прилагательного *ценовой*: *ценовая политика*, *ценовая реформа*, *ценовой шок*: До конца года не ожидается больших *ценовых* всплесков (АиФ, 1993, № 23); либерализация цен... обернулась *ценовым* шоком (Изв., 8.12.2006).

Использование суффикса –ов объясняется тем, что в формальном отношении данное словообразовательное средство не знает ограничений: он не вызывает чередований на морфемном шве, легко соединяется с основами на согласный, что не свойственно суффиксу –н– (ср. также: *сильный* и *силовой*: *силовые механизмы*, *силовые структуры*).

Однако суффикс –н– также участвует в образовании новых относительных прилагательных, порождая инновации, семантически агрегирующие с качественными прилагательными. Сказанное можно подтвердить следующим примером. Отношение к слову *власть* ‘право и возможность распоряжаться кем-чем-либо, подчинять своей воле’ выражается качественным прилагательным *властный* (властный человек); отношение же к слову *власть* в значении ‘государственное управление и его органы’ выражается относительным прилагательным *властный*. Эта инновация широко используется в словосочетаниях *властные структуры*, *властные возможности*, *властные механизмы*, *властные полномочия*. Таким образом, в современной словообразовательной системе создается разряд *новых (позднейших) образований*: относительные прилагательные с суффиксом — ов-, наряду с которыми функционируют однокоренные прилагательные с суффиксом — н-; семантически агрегированные с качественным прилагательным относитель-

ные прилагательные, выражающие новые отношения в системе языка. Причину появления подобных новообразований надо искать в активном влиянии профессионально-терминологической речи на общелитературную сферу языка; именно профессионально-терминологические номинации служат образцом для создания новых относительных имен прилагательных.

Активность относительных прилагательных проявляется еще в одном новом словообразовательном явлении; оно выражается в том, что в современном русском языке имена признака субстантивного характера (имеются в виду отгадъективные существительные со значением отвлеченного признака) образуются *не только от качественных, но и относительных прилагательных*. Наибольшее количество производных поставляет суффикс *-ость*, устраняя ограничения, присущие его сочетаемости: *исповедальность*: исповедальный + *-ость*; *кризисность*: кризисный + *-ость*; *мифологичность*: мифологичный + *-ость*; *портретность*: портретный + *-ость*; *пустынный*: пустынный + *-ость*; *реберность*: реберный + *-ость*; *репертуарность*: репертуарный + *-ость*; *телевизионность*: телевизионный + *-ость*; *эстрадность*: эстрадный + *-ость*: Артист вышел на сцену без грима... Играет Ленина вне какой бы то ни было *портретности*, с которой так или иначе связана традиция Ленинианы (Лит. газета, 2003, №23).

Имена существительные с суффиксом *-ость* создаются и от прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-ов-*, которые всегда противостояли сочетаемости с указанным формантом: *дневниковость*: дневниковый + *-ость*, *русскость*: русский (к'→к) + *-ость*, *свойскость*: свойский (к'→к) + *-ость*: Нет ничего более противоположного, более вредного нор-

мальному стилю деловых обязательств, чем пресловутая эта повязанность, панибратская *свойскость* (Неделя, 1997, №48).

Характерная особенность современного словообразования — *рост именной префиксации*. Прежде всего показательна значительная активизация ранее малопродуктивных приставок.

Во-первых, это приставки, выражающие определенные временные отношения:

- *до-* : *добамовский, добуддистский, доземлетрясенческий, докомпьютерный, доперестроечный, допрофессиональный, досемейный, дотелевизионный, доядерный;*

- *после-* : *послеафганский, послезастойный, послекультовый, послемарксистский, послемятежный, послеперестроечный, послесталинский, послетрудовой, послефестивальный, послеядерный;*

- *пост-* : *посткоммунистический, постперестроечный, постреферендумный, постсоветский, постсоциалистический, постсталинский, посттоталитарный.*

Во-вторых, это приставки *анти-, де-, контр-, не-, раз-*, активизация которых обусловлена ликвидацией старого общественного строя и всех связанных с ним атрибутов:

- *анти-* : *антиармейский, антиафганский, антиваучерный, антидуховность, антизакон, антизападный, антиизраильский, антииранский, антимораль, антинаркотический, антипарламент, антиперестройка, антипропаганда, антисталинизм, антитерроризм, антитоталитарный, антифермерский, антиядерный;*

- *контр-* : *контрдемонстрация, контрдемонстрант, контркультурный, контрперестроечный, контрпропагандист, контртенденция, контршаг;*

- не- : *неамериканский, невозобновляемый, невступление, негерой, неграждане, неколхозный, некоммерческий, неконструктивный, неконфликтный, нелатыши, немилитаризация, непарламентский, неэстонский.*

Особенна характерна для современных процессов словообразования приставка *де-*: *деидеологизация, дедолларизация, деиндустриализация, деколлективизация, деколонизация, демонополизация, деполитизация, депозитизация, депрофессионализация, десоветизация, деформализация.*

Слова данного словообразовательного типа образуются от имен существительных на *-изация*:

де- + *идеологизация, де-* + *политизация, де-* + *формализация, де-* + *советизация, де-* + *монополизация* и т.п.

Инновации рубежа веков демонстрируют изменение рассматриваемого словопроизводственного процесса: префикс *де-* функционирует не самостоятельно, а в соединении с суффиксом *-изаци(я)*, то есть инновации образуются непосредственно от предметных существительных префиксально-суффиксальным способом:

- *деконфликтизация* > *де-* + *конфликт* (т→т') + *-изациј(а)*;

- *деленинизация* > *де-* + *Ленин* (н→н') + *-изациј(а)*;

- *десионизация* > *де-* + *сионизм* + *-изациј(а)*;

- *десталинизация* > *де-* + *Сталин* (н→н') + *-изациј(а)*;

- *деутопизация* > *де-* + *утопия* + *-изациј(а)*;

- *детабуизация* > *де-* + *табу* + *-изациј(а)*;

- *деэтнизация* > *де-* + *этнос* (н→н') + *-изациј(а)*;

Считаете ли вы, что появление молодежной организации, ставившей своей целью улучшение жизни народа, связано и с тем, что в годы войны произошла как бы стихийная *десталинизация* сознания (Собеседник, 1998, №35).

Социальные факторы обуславливают активизацию формантов со значением “неистинности”: *квази-, псевдо-*.

Префикс *псевдо-* содержит компонент “обман” и как следствие этого негативную эмоционально-экспрессивную оценку лица, предмета, явления: *псевдогосударство, псевдогражданственность, псевдодемократия, псевдодейтельность, псевдоединство, псевдоинформационность, псевдоистория, псевдокультура, псевдонезависимый, псевдореформы, псевдорынок;*

Префикс *квази-* содержит компонент “недоведение до определенного предела” и тем самым характеризует состояние объекта: *квазиавторитет, квазиденьги, квазиреформы, квазирешение, квазирынок, квазисторонник, квазифилософия, квазицивилизация*. Ср.: Большую опасность представляют работающие в аппарате управления *квазисторонники* перестройки (Изв., 4.06.1999); Убог будет наш выбор, если нам придется... выбирать между бюрократом и *псевдодемократом* (Собеседник, 1999, №8).

Половинчатые, не решающие дело действия, решения способствуют активизации приставки *недо-* : *недовложить, недовыделить, недооспорить, недопроизвести, недоразведать, недоразрушить, недособрать, недоузнать* и т.п.

Префикс *недо-* обычно сочетается с глаголами, которые имеют значение ‘неполностью совершить действие, названное производящим глаголом, не довести его до необходимой нормы’. Новообразования современного русского языка свидетельствуют о том, что сфера действия префикса *недо-* начинает расширяться: в качестве производящих слов выступают не только глаголы, но и существительные:

- *недоисследованность*: Прокуратура, представив все так, будто в очевиднейшем деле есть какие-то *недоисследо-*

ванности, передала его в прокуратуру незаинтересованного Унцукульского района (Огонек, 1986, №34);

- *недолитература*: Давно закончились споры, чем считать фантастику — прозой первого или второго сорта. Золушкой или принцессой. Литературой с большой буквы или *недолитературой* (Лит. газета, 1985, №41);

- *недонаселение*: Как правило, запев нам дают демографы и социологи. Они говорят: низкая рождаемость — это плохо, потому что нам грозит *недонаселение* (Огонек, 1989, №52);

- *недообогрев*: Работники горжилуправления, глубоко обеспокоенные *недообогревом* врача, создали специальную комиссию (Изв., 2.09.1986);

- *недопоступление*: Несбаансированность привела к тому, что до конца года общая сумма *недопоступлений* в бюджет составит 345 млн. рублей (Изв., 21.11.1986).

Тенденция к выражению повышенной экспрессии, обусловленная накалом общественного мнения, мотивировала активность приставки *супер-* :

супербогатый, супервооружение, супердоходы, суперзарботок, суперзащитный, суперклуб, супермонополия, суперлоббист, супернагрузка, суперпопулярный, суперпретендент, суперпрестижный, суперприбыльный, суперпрограмма, суперпроект, суперпроцесс, суперсенсация, суперсцена, супертеррорист, суперцентрализация, супершикарный, супершоу: Жириновский — суперпровокатор и суперискуситель (Сегодня, 1.12.1994).

Современные словообразовательные процессы демонстрируют не только те или иные изменения в словообразовательных типах русского языка, но и трансформации в морфемном корпусе русского языка.

Возникая непосредственно по модели какого-либо конкретного слова, инновации способствуют тем самым появлению *новых формантов*.

Элемент *-тан* до недавнего времени входил лишь в одно слово *тартан* ‘синтетическое покрытие для спортивных дорожек’. В связи с появлением новообразований *новотан, спортан* он теряет признак уникальности и переходит в суффикс.

Название вашингтонского отеля “Уотергейт”, которым стали именовать крупнейший в истории США политический скандал — так называемое уотергейтское дело, получило активное развитие в словообразовательном направлении. Его конечная часть *-гейт* превратилась в своеобразную морфему с признаками суффикса, который, сочетаясь с основами новых собственных и нарицательных существительных, участвует в образовании слов, обозначающих разновидности политических скандалов, получающих огласку махинаций, афер и т.п. Этот процесс начался в американском варианте английского языка, а затем захватил другие европейские языки, в том числе и русский”. См., например:

- *картергейт*: *Картер* + ...*гейт*: Да и последняя смена караула в Белом доме сопровождалась весьма сомнительными обстоятельствами — кражей секретных бумаг, в коих излагалась стратегия борьбы предшественника Рейгана — Картера — за свое переизбрание. Три года назад этот факт вызвал скандал, окрещенный *картергейтом* (Огонек, 1986, №51);

- *нортгейт*: *Норт* + ...*гейт* ‘политический скандал в США, связанный с незаконной продажей оружия Ирану, виновником которого некоторые круги в США пытались представить О. Норта’: Пытаясь отвлечь внимание от сути

кризиса, определенные круги США вводят в оборот термин “*нортгейт*” (Правда, 2.12.1986);

- *рейгангейт*: *Рейган* +...*гейт* ‘политический скандал во время избирательной кампании в США, в результате которого потерпели поражение противники Р. Рейгана’: Участники *рейгангейта* радостно обнимались (Огонек, 1984, №27).

Суффикс –*гейт* сочетается и с основами географических имен, названий государств. В этом плане особо следует отметить получившее широкое распространение слово *ирангейт*, которым стали называть секретные поставки американского оружия в Иран и перевод полученных денег в Никарагуа на военную помощь. Ср. также: *юаргейт* ‘скандал, связанный с тайными поставками американского оружия в ЮАР’.

Нередко бывает трудно определить, рождены ли подобные новообразования с суффиксом –*гейт* в самом русском языке или же они в транслитерированном виде проникли в него из иноязычных текстов, однако вхождение элемента –гейт в систему словообразования русского языка несомненно, о чем свидетельствуют и окказиональные инновации подобного типа: *кагэбэгейт*, *митинггейт*, *нефтегейт*, *чеченгейт*; *Морозгейт* (Мороз — бывший спикер Верховного Совета Украины), *Кравчукгейт*, *Кучмагейт*, *Ельцингейт*.

По аналогичному пути идет, видимо, и развитие словообразовательного элемента –*мейкер*: *имиджмейкер* ‘тот, кто формирует имидж какой-либо известной личности’, *клипмейкер* ‘создатель клипов’, *ньюмейкер* ‘тот, кто формирует блок новостей в средствах массовой информации’.

Формально-семантическая корреляция между предлогом и префиксом ведет к тому, что при отсутствии в се-

мантической структуре приставки того или иного лексико-семантического варианта последний может появиться, если соотносительный лексико-семантический вариант наличествует в семантической структуре предлога, коррелирующего с данным префиксом. Таким путем возникли новые в семантическом плане приставки *вне-*, *около-*, *под-*.

Рассмотрим конкретные примеры.

Продуктивность словообразовательной модели прилагательных с приставкой *вне-* активно возрастает в современном русском языке. Новообразования по данной модели составляют обширный ряд: *внебытовой*, *внекатегориальный*, *внеконтинентный*, *внекультурный*, *внерегиональный*, *внередакционный*, *внетекстовой*, *внетрассовой*, *внеуставной*, *внефондовый* и т.п.

Приставка *вне-* восходит к предлогу *вне* наречного происхождения. По мере развития в этом предлоге новых значений, производных от основного — пространственного, а также по мере все более свободного соединения приставки *вне-* с основами разной структуры и семантики прилагательные с указанным префиксом стали выражать разнообразные значения, часто далекие от чисто пространственных³⁶. Инновации современного русского языка позволяют выделить несколько семантических групп прилагательных с приставкой *вне-*:

1) находящийся за пределами чего-либо; такие прилагательные с чисто пространственным значением семантически и словопроизводственно соотносятся с сочетанием предлога *вне* с конкретно-предметным существительным, обозначающим место, пространство:

- *внегарнизонный* ‘происходящий за пределами гарнизона’;

- *внезападный* ‘находящийся за пределами Запада’;

- *внеконтинентальный* 'находящийся за пределами (Европейского) континента',

- *внерегиональный* 'относящийся к территории за пределами региона',

- *внетрассовый* 'проходящий вне обычной трассы, за ее пределами': Для достижения этих целей необходимо, чтобы и *внерегиональные* государства также содействовали процессу урегулирования (Изв., 11.12.1989);

2) не связанный с чем-либо, не относящийся к чему-либо; данное значение имеют прилагательные с приставкой *вне-*, возникающие на базе абстрактных существительных и прилагательных:

- *внебытовой* 'не связанный с бытом, возвышающийся над ним',

- *внекультурный* 'не связанный с культурой, лежащий за ее пределами',

- *внемодный* 'не связанный с модой',

- *внетекстовой* 'непосредственно не связанный с текстом',

- *внеуставной* 'не связанный с положениями воинского устава': Такие часы из золота, такие плоские, убийственно скромные, *внемодные* и обморочно дорогие носят на запястьях исключительно миллионеры (Огонек, 1987, №45);

3) лишенный чего-либо, не содержащий чего-либо:

- *внеидеологический* 'такой, который исключает идеологию, ее воздействие',

- *внеисторический* 'не учитывающий исторический аспект',

- *внеконъюнктурный* 'исключающий конъюнктурные соображения': Однако сотрудничество носило, если так можно выразиться, *внеидеологический* характер (Огонек, 1988, №2);

4) выходящий за пределы, установленную производящим существительным норму, меру:

- *внекатегорийный* ‘не отнесенный к какой-либо тарифной категории’,

- *внефирменный* ‘выходящий за пределы функций данной фирмы’,

- *внефондовый* ‘не предусмотренный фондами, распределяемый, получаемый сверх фондов’,

- *внеюридический* ‘лежащий за пределами юридической нормы’: Взятки давались под угрозой отстранения от занимаемой должности, за отпуск *внефондовых* материалов (Комс. правда, 10.09.1988).

База образования новых слов с приставкой вне– также расширяется за счет вовлечения в производство новых слов — с суффиксами — *альн-, -ическ-, -овск-, -онн-* :

- *вне– + кинематограф + -ическ(ий) > внекинематографический,*

- *вне– + континент + -альн(ый) > внеконтинентальный,*

- *вне– + банк + -овск(ий) > внебанковский,*

- *вне– + редакция + -онн(ый) > внередакционный.*

Таким образом, инновации современного русского языка показывают, что приставка *вне-*, выражая разнообразные значения, приобретает все более абстрактный характер.

Аналогично происходит семантическое развитие приставок *около–* и *под-*.

Прилагательные с префиксом *около–* имеют значение ‘находящийся вокруг или возле того, что названо производящим словом’: *окологородской, окололедниковый, околоспутниковый, околядерный*; дополнительный семантический оттенок — ‘примыкающий к...’: *окологеллетри-*

стический, околomedicalский, околорелигиозный, околороманский, околоторческий, околочилармонический и т.п.

Корреляция предлога *около* и рассматриваемой приставки *около-* ведет к тому, что в данном префиксе развивается новое значение — ‘приблизительно’: *околозаконный* ‘находящийся на грани закона’, *околозвуковой* ‘близкий к звуковым характеристикам’, *околопороговый* ‘близкий к пороговой величине чего-либо’: Полученные детьми... *околопороговые* дозы таллия (Лит. газета, 1988, №46).

Прилагательные с префиксом *под-* наряду с пространственным значением развивают значение предназначенности кого-чего-либо для чего-нибудь:

- *подлюстровый* ‘предназначенный для подвески люстры’,

- *подсилосный* ‘предназначенный для производства силоса’,

- *подусадебный* ‘предназначенный для усадьбы’.

Изменения происходят не только в префиксальном фонде, но и фонде суффиксов. Так, распространение существительных с суффиксом — *арий-* : *клюкварий, пингвонарий, серпентарий, фазанарий* и т.п. — привело к активизации данного суффикса и к изменению его семантики. Слова с суффиксом —*арий-* обозначают помещение, где разводят тех или иных животных, птиц, а также участок, на котором выращивают какие-либо растения; в этом значении суффикс — *арий-* синонимичен суффиксу —*ник-*. В связи с отмеченным не совсем обычным предстает неологизм *сонетарий* — ‘сборник, собрание сонетов’, демонстрирующий новое словообразовательное значение форманта — *арий-* : Молодой гуцул просил прославленного поэта высказать о них [стихах] свое мнение. Минует какая-то дюжина лет, и Дмитро Павличко вспомнит все это в своем безукоризненно

написанном предисловии к *сонетарию* Максима Рыльского (Лит. газета, 1993, №34).

Существительные с суффиксом — *ит*— в русском языке составляют три группы: слова, называющие вещества, минералы, сплавы; слова, называющие воспалительные процессы; наименования лиц по принадлежности к городу, общественной, политической или религиозной группировке. Новое имя существительное — *гиннесит* — демонстрирует изменение значения суффикса —*ит*—, который в данном случае используется для обозначения абстрактного понятия: *гиннесит* — это стремление во что бы то ни стало поставить какой-нибудь рекорд: *Гиннес* (с→с') + *-ит*: Возник даже термин “гиннесит”, или, иначе говоря, рекордомания (Изв., 3.11.2000).

Главная причина изменений в морфемном корпусе языка кроется во внутренних тенденциях развития и обогащения русского языка, однако достаточно значительную роль играют и внешние факторы. Яркий пример этого — деидеологизация приставки *про*— и как следствие этого утрата негативной эмоционально-экспрессивной оценки; ср., например: *прозападный*, *пронатовский*, *просионистский*, *просоветский*, *просталинский* (‘отношение к той или иной стране, тому или иному режиму, совпадающее с официальной оценкой, господствующей в обществе’) и *проинфляционный*, *проправительственный*, *пропрезидентский*.

Таким образом, формирование новых аффиксальных слов также подчинено выполнению определенного номинативного задания и поэтому происходит по правилам образования ономаσιологических структур.

Прежде всего следует отметить, что в аффиксальных новообразованиях более резко отмечена разница между ин-

теграцией значения в производном слове и передачей того же значения описательным способом; это исключает в большинстве случаев параллельное использование новообразования и производящей единицы в качестве средств номинации (ср. *ельцинист* и *последователь взглядов Б.Н.Ельцина и проводимой им политики*). Сказанное объясняется тем, что в инновациях рассматриваемой структуры один или несколько самостоятельных элементов исходного суждения заменяются таким абстрактным связанным элементом, как аффикс.

См.: *бартеризация* < *распространение системы бартерных сделок*, (-изаци=распространение); *варенка* < *вареная ткань*, (-к=ткань), *челночник* < *тот, кто совершает челночные рейсы*, (-ик=рейсы, совершать).

Следовательно, в процессе словообразовательной неологизации аффикс выступает как выразитель конструктивных элементов формирования семантики производного слова, в частности, его роль “заключается в указании отношений между ассоциативными и классифицирующими актами речемыслительного процесса”³⁷. Таким образом, при возникновении нового слова аффикс служит средством выражения одного из компонентов его номинативной структуры — ономазиологического базиса или ономазиологического признака.

1. Средством категоризации новых слов аффикс выступает в том случае, если он, конструируя номинативный базис производного слова, подводит последнее под определенный лексико-грамматический разряд и при этом выражает одно из обще- или частнокатегориальных значений; см., например:

предметно-субстанциональное значение, абстракция, состоящие:	кризисный > <i>кризисность</i> , свойский > <i>свойскость</i> , телевизионный > <i>телевизионность</i> ;
предметно-субстанциональное значение, субстанция, лицо:	Анпилов > <i>анпиловец</i> , застой > <i>застойщик</i> , перестройка > <i>перестроечник</i> ;
предметно-субстанциональное значение, событие, деятельность:	валюта > <i>валютизация</i> , доллар > <i>долларизация</i> , рубль > <i>рублевизация</i> .

В ономазиологических структурах подобного рода суффикс подводит инновацию под общее категориальное понятие, а основа, выступая в качестве ономазиологического признака (переменной величины), отвечает на вопрос о том, каково оно конкретно (с каким признаком связано состояние, что является объектом деятельности и т.п.).

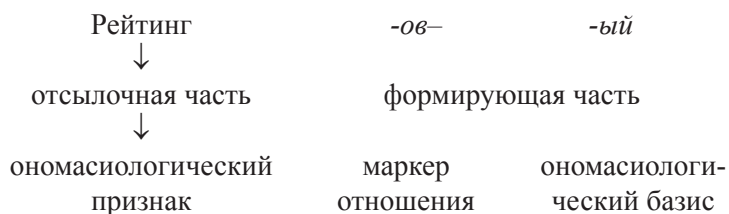
2. Аффикс, выступающий в роли модификатора, оформляет ономазиологический признак вновь образованного слова.

В этом случае аффикс не столько классифицирует, сколько уточняет исходный знак, ограничивая его в локальном, временном отношении или способствуя его оценке. Так, префиксы *до-*, *пост-* указывают, что данный предмет, признак, явление характеризуются по времени своего совершения как существующие перед (после) событием (события) или периодом (периода), обозначенным (-го) базисом: *до-компьютерный*, *до-перестроечный*, *посткоммунистический*, *пост-тоталитарный*.

Точно также префиксы *анти-*, *не-* свидетельствуют не о том, что новые производные, построенные с их участием, входят в какой-либо особый класс “отрицательных

явлений”); функция данных префиксов — модифицировать исходную основу, придав ей значение противоположности, обратной направленности, направленности против кого-чего-либо и т.д.: *анти-пропаганда, анти-террор, анти-тоталитарный; не-граждане, не-парламентский, не-эстонцы.*

3. В процессе неологизации аффикс, оформляя номинативную структуру нового слова, может играть и роль релеятора, то есть указывать на связь между ономаσιологическим базисом и признаком. Именно такова роль суффикса *-н-* в новых относительных прилагательных, так что словообразовательное значение, построенное с его участием, определяется следующим образом: “признак, обозначающий любой тип отношения к номинируемой реалии.”

См., например: *ваучерный, новостной, протестный, снговый, ценовой* и др.

Таким образом, в ходе аффиксации как механизма словарного обновления создаются такие номинативные структуры, которые связаны либо с отождествлением какого-либо предмета, явления и т.п. по его классной принадлежности, либо с установлением определенного типа отношений между базисом и признаком. В отличие от сложения при аффиксальной номинации то, что называется новым словом, не выделяется из класса предметов, а, наоборот, включается в него, следовательно, способ мотивации непосредственно связан со способом словообразования.

4.5. Выводы

1. Итак, истоки взаимодействия лексической и словообразовательной подсистем языка — *в их функционально-номинативной сущности*. Номинативную функцию, основную функцию лексики, выполняет также и словообразование, однако последнее может быть определено как область моделирования особых номинативных единиц — производных по своей структуре.

Следовательно, словообразование — это *основной механизм, создающий слова*. Как и любые другие механизмы, он не только функционирует, но и развивается. Динамика словообразовательной системы реализуется через ее потенциал — определенные словообразовательные возможности, предопределяющие те или иные тенденции языковой эволюции. В связи с этим в словообразовательной системе языка всегда есть то, что утрачивается, и то, что нарождается, то есть диахрония присутствует в синхронии, хотя это присутствие не всегда ощутимо.

2. Современное словообразование характеризуется *повышенной интенсивностью словопроизводственных процессов*. Новые производные слова входят в речевое употребление стремительно, одномоментно; в соответствии с потребностями языкового коллектива в обиход входят целые словообразовательные гнезда. Можно сказать, что словообразовательные гнезда — это характерное состояние динамической словообразовательной системы современного русского языка (*лобби, лоббировать, пролоббировать, лоббирование, лоббист, лоббистка, лоббистский; крутой, крутизна, круто, крутяк, подкрученный и т.п.*).

3. В связи с тем, что русский язык рубежа XX — XXI веков при необходимости номинации новых предметов и явлений идет по пути уточнения и конкретизации имею-

щихся в языке наименований, в нем наиболее активно действуют разные виды сложных слов.

В рамках сложения как отдельного способа словообразования возникла *новая его разновидность*, представляющая собой соединение основы с аффиксоидами — префиксоидами или суффиксоидами.

Таким образом, в современном русском языке при образовании новых сложных слов процесса сложения как такового не происходит; новое слово возникает по уже готовой модели (*нарко + бизнес, нарко + синдикат, нарко + торговля; рынок (о→Ø) + о +...ведение, Украина + о +...ведение, читатель + е +...ведение*). Активно протежируя новообразованиям указанного типа, язык тем самым отдает предпочтение таким тенденциям, как лингвистическая экономия и регулярность; эти тенденции обеспечивают стандартность языковых единиц, в чем чувствуется давление на общелитературный язык терминологических подсистем. Несомненно, что новые сложные слова отвечают и другим языковым тенденциям: росту агглютинативности и стремлению к международной. Сложные гибридные слова, сочетающие в себе элементы разных языков, демонстрируют влияние указанных тенденций наиболее ярко (*скейтодром, телемюзикл, фитодом*).

Как характерное изменение в словообразовательной системе русского языка следует отметить активное развитие субстантивно-субстантивных образований (*бизнес-план, брейк-танцор, шоп-тур*).

4. В языковом сознании современной эпохи *очень значительна роль аббревиации*. Фактически все секторы отображенной в языке действительности стали доступными для аббревиатурных наименований. Современные аббревиатуры стремятся быть похожими на обычные слова.

Указанная тенденция находит выражение в следующих характерных признаках современных аббревиатур: 1) благозвучие, что достигается наличием в составе сложносокращенных слов сонорных звуков (*бомж, овилан, омон*), 2) способность иметь формы словоизменения (*омона, в омонe и т.п.*), 3) наличие стилистической окрашенности (*нардeп, обс*), 4) способность к развитию полисемии (и.о. чего), 5) опознаваемость, мотивируемость аббревиатур, что достигается за счет использования в словах подобного рода “осколков” слов (*загранфирма, инваспорт, исполсек*).

Тенденция сближения аббревиатур с обычными лексическими единицами находит наиболее полное выражение в явлении звукового совпадения аббревиатуры с отдельным словом (*барс, нож, тур* — слова с двойной мотивацией: мотивация исходным словосочетанием и омонимичным словом; *вилозен, спид* — словоиды, то есть образования словоподобного вида).

Распространение благозвучных типов аббревиатур обусловлено тем, что сложносокращенные слова перешли в устную форму речи, поэтому главное в них — удобство произношения.

Использование единиц периферии литературного языка демонстрирует функциональный динамизм современного русского словообразования (*афган, лаг, нал*).

5. Современное аффиксальное словообразование отличается ярко выраженным социально обусловленным характером. В центре современного словообразования — производство имен лиц, при этом в словообразовательном процессе очень активно явление универбации (*индивидуальщик, неформал, силовик, совок, федерал*).

Динамизм современной эпохи отражается в многочисленных производных словах *процессуального харак-*

тера, однако новые социально значимые процессы имену-
ются не глаголами, а именными лексическими единицами
— существительными на -ация, -изация (*долларизация*,
суверенизация, *фермеризация*). Возможность именной про-
изводности явилась источником формирования новых сло-
вообразовательных отношений “имя→имя” в сфере наиме-
нований со значением действия.

Усиление субстантивной основы русского языка
демонстрирует и *интенсивность производства отсуб-
стантивных относительных прилагательных* (*ваучерный*,
новостной, *протестный*). В тех случаях, когда уже име-
ются качественные или относительные прилагательные,
производные от этой же субстантивной основы, в слово-
образовательной системе языка возникает определенное
напряжение, которое разрешается путем использования в
производстве относительного прилагательного не традици-
онного суффикса -н-, а суффикса -ов- (*сила→сильный*, *сило-
вой*; *цена→ценный*, *ценовой*; *ящик → ящичный*, *ящичковый*).
Таким образом, в современной словообразовательной си-
стеме создается разряд новых (позднейших) образований:
относительные прилагательные с суффиксом -ов-, наряду с
которыми функционируют однокоренные прилагательные
с суффиксом -н-.

Суффикс *-ость*, активно образующий имена суще-
ствительные от прилагательных относительного характе-
ра (*дневниковость*, *кризисность*, *портретность*), также
демонстрирует расширение сферы субстантивного начала
языка.

В области именного словообразования значительно
активизируется префиксальное словопроизводство.

6. Социальные процессы обусловили активное функ-
ционирование ранее непродуктивных приставок: *до-*, *де-*,

квази-, контр-, не-, недо-, псевдо-, супер- (десталинизация, постперестроечный, псевдорынок). Изменения наблюдаются и в составе морфемного корпуса русского языка: появляются новые морфемы (*-гейт-, -мейкер-, -тан-*) и новые лексико-семантические варианты уже известных морфем (*около* — ‘приблизительно’, *под* — ‘предназначенный для чего-либо’ и др.).

7. Таким образом, инновации современного русского языка, демонстрируя собственно номинативную и конструктивную функции словообразования, в то же время способствуют значительному усилению роли компрессивного словообразования, о чем свидетельствует типичный характер современных новообразований — сложные слова, аббревиатуры, универбаты. При всем материальном разнообразии лексико-семантическая конденсация выступает как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке. Из многих стратегий, приводящих к цели, человек стремится выбрать либо дающую искомый результат при наименьших затратах, либо приводящую хотя и не к оптимальному, но тем не менее предпочтительному результату, благодаря своей экономичности. Избыточные синонимические наименования, возникающие при этом, в конечном счете также служат целям экономии; наличие синонимических средств чрезвычайно упрощает существенный момент в языковой деятельности, связанный с поиском языковой формы для мыслительного содержания.

8. Словообразовательная неологизация протекает не только как формальные операции, но и как специфические номинативные акты. В связи с тем, что возникновение нового слова подчинено выполнению определенного номинативного задания, формирование неологизма происходит

по правилам образования ономазиологических структур, появление которых продиктовано прежде всего использованием операции по сложению основ или по их сочетанию с префиксом или суффиксом.

Примечания

1. *Языковая* номинация: Общие вопросы. М, 1977. С.223.
2. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992. С.8.
3. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С.37, 42.
4. *Кубрякова Е.С.* Что такое словообразование? М., 1965. С.14.
5. *Каде Т.Х.* Основные факторы динамики словообразовательной системы // Филология = Philoljgia. Краснодар, 1994. №3. С.12.
6. *Моисеев А.И.* Основные вопросы словообразования в современном русском языке. Л., 1977. С.29; *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992. С.39.
7. *Русская* грамматика. Т.1. / Гл. ред. *Шведова Н.Ю.* АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1980. С.135.
8. *Кильдибекова Т.А., Миниярова И.М., Газизова Р.Ф.* и др. Функциональное словообразование русского языка. Уфа, 1997. С.59.
9. *Земская Е.А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С.169-172.
10. *Моисеев А.И.* Указ. работа. С.100.
11. *Цыганенко В.П.* Состав слова и словообразование в русском языке. Киев, 1978. С.84.
12. *Русская* грамматика. Т.1. / Гл. ред. *Шведова Н.Ю.* АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1980. С.139.
13. *Шапошников В.Н.* Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998. С.94; *Мурадов В.* Съвременни словообразователни процеси: Очерк върху българско словообразуване. София, 1983.

14. **Скляревская Г.Н.** Введение // Толковый словарь русского языка конца XX в: Языковые изменения. СПб., 1998. С.8.
15. **Лейчик В.М.** Люди и слова. М., 1982. С.74.
16. **Кудряцева Л.А.** Моделирование динамики словарного состава (на материале лексических новаций русского языка): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Киев. гос. ун-т. Киев, 1992. С.38.
17. **Плотицын В.Н.** Словообразование на базе иноязычных по происхождению компонентов сложных слов в современном русском языке // Новые слова и словари новых слов. Л., 1990. С.87.
18. **Кубрякова Е.С.** Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981. С.65.
19. **Брагина А.А.** Синонимический ряд: словосочетание — слово // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С.83-84.
20. **Лейчик В.М.** Указ. работа. С.52.
21. **Даниленко В.П.** Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977. С.131.
22. **Шанский Н.М.** Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. С.86; **Способы** номинации в современном русском языке. М., 1982. С.86.
23. **Егорова К.Л.** О так называемом телескопическом словообразовании // Филол. науки. М., 1985. №5. С.56.
24. **Кулинич М.А.** Телескопное словообразование как источник неологизмов // Системные связи в лексике и грамматике германских языков. Самара, 1991. С.14.
25. **Егорова К.Л.** Указ. работа. С.58.
26. **Шанский Н.М.** Указ. работа. С.279.
27. **Земская Е.А.** Словообразование как деятельность. М., 1992. С.54.
28. **Омельченко Л.Ф.** Телескопия — один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка // Филол. науки. М., 1980. №5. С.66.
29. **Русская** грамматика. Т.1. / Гл. ред. **Шведова Н.Ю.** АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1980. С.69.
30. **Брагина А.А.** Указ. работа. С.86.

31. **Кубрякова Е.С.** Указ. работа. С.71.
32. **Zagrodnikowa A.** Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie: O'srodek badań prasoznawczych. Krakow, 1982. С.26.
33. **Кудряцева Л.А.** Указ. работа. С.26.
34. **Янко-Триницкая Н.А.** Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 24-26.
35. **Лопатин В.В.** Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С.78.
36. **Петрова З.М.** Новообразования с приставкой *вне-* в современном русском литературном языке // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С.99.
37. **Алефиренко Н.Ф.** Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999. С.177.

ГЛАВА 5. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

5.1. Взаимосвязь лексического и грамматического уровней в процессе неологизации

В неологических процессах обнаруживается тесная взаимосвязь лексического и грамматического уровней языка, истоки которой — в онтологической сущности слова как единства лексического и грамматического.

Лексическое в неологизме есть то, что свойственно ему как единице словарного состава, то есть как единице номинации, служащей для называния новых или переименования ранее известных предметов и явлений действительности, формирования соответствующих понятий. Предметно-указательная и понятийно-обобщающая функции нового слова являются его важнейшими свойствами, двумя признаками лексического значения инновации.

Однако всякое новое слово оформляется еще и грамматически, так как лексическое значение непременно подводится под ту или иную грамматическую категорию; таким образом, грамматическое значение органически входит в семантическую структуру каждой лексической единицы.

Мысль о тесной связи грамматики и лексики не является новой, однако указанное единство важно не только само по себе — как системообразующий фактор языка, но и как фактор, обуславливающий языковую динамику, а следовательно, — процесс неологизации; лексико-грамматическое единство не исключает, а, напротив, предполагает возник-

новение при определенных условиях тех или иных противоречий между лексическим и грамматическим значением, являющихся источником изменений и развития грамматической системы в целом. В этом плане представляется важным замечание Л.И. Скворцова о том, что взаимодействие (и противодействие) формального, типового и содержательного является одной из главных языковых антиномий¹.

Данная антиномия, обуславливающая появление грамматических инноваций, определяется различиями между лексическим и грамматическим значением; следовательно, для осмысления *основы неологических процессов в грамматической системе языка* необходимо конкретизировать характер лексико-грамматических оппозиций:

1) в грамматическом значении фиксируется отражение обобщенных, групповых явлений, в лексическом — индивидуальных, единичных;

2) грамматическое значение выражается аффиксальными морфемами, репрезентантом самостоятельного лексического значения является корень;

3) закрытый характер грамматического значения противопоставляется неисчисляемости лексического значения;

4) в отличие от лексического значения грамматическое не номинативно, существует только наряду с лексическим.

Последняя из указанных оппозиций не означает, что грамматические значения не соотнесены с внеязыковой действительностью. Уточняя положение М.В. Никитина о неноминативности грамматического значения², Н.Ф. Алефиренко справедливо замечает, что названное свойство грамматических категорий надо понимать как невозможность их самостоятельного существования³.

Специфическим свойством грамматического значения является его способность выражать внутренние отношения между языковыми единицами, выполняя структурно-организационную и формально-классифицирующую функции. Следовательно, если лексика служит в языке для обозначения отраженных в сознании предметов и явлений действительности, то грамматика играет преимущественно организационную роль.

Противопоставляя лексическое и грамматическое значения, следует вместе с тем согласиться с Т.В. Булыгиной в том, что указанные противоречия носят “градуальный” характер и что четкие границы между лексическим и грамматическим значениями отсутствуют⁴. Именно это обстоятельство обеспечивает (в числе прочих) органическое взаимодействие грамматической системы с системой лексики, которое определенным образом модифицирует грамматический механизм языка и, таким образом, служит причиной появления грамматических инноваций.

Для того, чтобы представить характер *грамматической неологизации*, необходимо определить структуру грамматического механизма и связанные с ее элементами те или иные типы грамматических преобразований.

Общепризнано, что грамматический строй языка формируется из определенных грамматических разрядов. Однако вопрос о том, какова иерархия этих разрядов и что является составной единицей грамматической системы языка, не имеет однозначного ответа. Рассмотрение основных подходов к пониманию сущности грамматических единиц дает возможность определить онтологические свойства последних и, как следствие этого, — связанные с ними те или иные типы грамматических инноваций.

Если при исследовании грамматической неологизации принять за основу широкое истолкование грамматической категории, представленное, в частности, в следующем высказывании Л.В. Щербы: “Под грамматической категорией я разумею те группы однообразия в языке, под которые подводятся единичные явления”⁵, то в этом случае термином “грамматическая категория” будут названы любые классы, разряды однородных явлений, имеющие отношение к грамматике. Конечно, если подходить к словосочетанию “грамматическая категория” как к общему выражению, употребляемому применительно к любым классам и группировкам в грамматике, то возражать против указанного понимания не приходится.

Другое дело, если подходить к указанному словосочетанию как к специальному, лингвистическому наименованию. В этом случае к определению рассматриваемого понятия должны быть предъявлены более строгие требования. В связи с отмеченным убедительными представляются следующие положения:

- понятие грамматической категории должно быть однородным;

- под понятием грамматической категории следует понимать классы всех средств грамматического выражения вместе с выражаемыми в них значениями;

- понятие ‘грамматическая категория’ — двусторонняя сущность; из этого вытекает, что компонентами грамматической категории являются грамматические значения и средства их формального выражения, то есть совокупность противопоставленных грамматических форм⁶.

В соответствии с данными требованиями приведенное выше понимание грамматической категории представляется неправомерным: оно охватывает настолько широкий

круг разнородных явлений, что невозможно определить совокупность тех черт, которые объединяли бы их и отличали от иных объектов в грамматической системе языка, что в свою очередь исключает возможность четкой классификации грамматических инноваций.

С этой точки зрения считаем принципиально важным утверждение А.В. Бондарко о том, что нецелесообразно применять термин “грамматическая категория” как по отношению к частям речи, так и по отношению к их признакам; таким образом, имеет особое значение следующее различие: части речи — это грамматические классы слов, обладающие определенными признаками; в рамках частей речи на основе семантической общности выделяются лексико-грамматические разряды слов; грамматические категории — это определенные системы рядов грамматических форм, которые являются признаками частей речи⁷. Такое понимание грамматической категории ограничивает ее объем системами собственно грамматических величин.

Части речи — наиболее общие классы слов, объединенных друг с другом общими для них грамматическими категориями, проявляющими определенные системные связи.

Лексико-грамматические разряды также своего рода подсистемы в общей грамматической системе языка. Структурная организация данной подсистемы представлена оппозициями грамматически значимых словесных единиц в рамках определенной части речи: одушевленные/неодушевленные имена существительные, качественные/относительные имена прилагательные, переходные/непереходные глаголы и т.д. Лексико-грамматические разряды в известном смысле сопоставимы с частями речи, так как демонстрируют соотношение классов и подклассов слов. Вместе с тем части речи — это особые грамматические разряды

высшего типа, что подтверждается, по мнению А.В. Бондарко, существенными отличиями последних от лексико-грамматических разрядов:

1) свойственной частям речи дифференциацией по составу присущих им морфологических категорий;

2) разграничением по синтаксической функции в качестве того или иного члена предложения (ср. иную точку зрения, согласно которой данный признак нельзя считать существенным различием частей речи и лексико-грамматических разрядов, так как последние не могут реализовать другие синтаксические функции, будучи подклассами отдельного класса)⁸;

3) характером категориального значения, которое охватывает всю лексику внутри определенного грамматического класса и не чувствительно по отношению к различиям между отдельными группировками этой лексики;

4) типом значения — грамматическое в отличие от лексико-грамматического.

Грамматические категории характеризуются определенным набором грамматических значений и своей системой грамматических форм. Противоположение ряда форм со значениями, представляющими собой расчленение некоей общей, объединяющей семантики, и есть та, более высокая ступень языковой организации, которой характеризуется грамматическая категория в сравнении с грамматической формой и грамматическим значением. Таким образом, структура грамматической категории представляет собой ряды морфологических форм и семантических отношений между ними. При этом определяющим структурным элементом грамматической категории являются содержательные признаки: именно в их реализации заключается динамика грамматической категории, а опора на не-

обходимую формальную структуру — лишь необходимое средство, служащее этой цели.

Грамматическое значение, как и лексическое, есть определенная структура, отличающаяся характером своих составляющих. Грамматический денотат — это не только класс предметов, но и информация о денотате как элементе некоторой ситуации; грамматический же сигнификат фиксирует не предметы и содержание мысли, а категорию, под которую они подводятся, то есть оформляет “предметный” материал, выраженный лексическим значением; периферию грамматической сигнификации составляет образное содержание, коннотация, которая заложена в денотативных семах грамматического значения как потенциальная возможность языкового воздействия на человека⁹.

Итак, *структура грамматического механизма* представляет собой отношения трех подсистем в общей грамматической системе языка: *частей речи, лексико-грамматических разрядов и грамматических категорий*. На уровне разных структурных элементов грамматической системы процесс неологизации носит неадекватный характер, что обуславливает возникновение неоднородных инноваций. Так, появление новых лексико-семантических вариантов слов *обеспокоенность* ‘реальное событие, вызывающее тревогу’, *реальность* ‘очевидный факт, условие’, *структура* ‘организация, учреждение’ и т.п. влечет за собой переход абстрактных имен существительных в конкретные, что в свою очередь приводит к появлению граммы множественного числа, ранее носящей потенциальный характер: *взаимные обеспокоенности, сложившиеся реальности, силовые, коммерческие структуры*; метафорические трансформации семантической структуры слов *нафталиновый* ‘устарелый’, *фасадный* ‘показной’, *ярлыковый* ‘шаблонный’

и др. способствуют изменению лексико-грамматического разряда, представленного оппозицией качественных/относительных прилагательных; метафорически трансформированные относительные прилагательные активно пополняют разряд качественных и тем самым способствуют усилению качественного начала в системе языка.

Воздействие на грамматическую систему лексического материала, который заполняет ту или иную грамматическую структуру, Е.И. Шендельс называет внутренней лексической обусловленностью изменений грамматической семантики¹⁰. Внешнее лексическое воздействие на грамматическую систему заключается в том, что на реализацию новых граммем может влиять лексическое значение слов, составляющих словесное окружение грамматических форм. В частности, реализация нового, качественного, значения прилагательного *паркетный* ‘приукрашивающий, идеализирующий’ возможна только в сочетании со словом *фильм*. Следовательно, появляющиеся в языке лексико-семантические инновации не просто подводятся под определенные грамматические классы, но вместе с этими классами — в разных видах взаимодействия с ними — участвуют в формировании грамматического строя языка. Пополнение различных лексических групп связано с усилением или, наоборот, ослаблением морфологических процессов, ведущих к появлению инноваций и в конечном счете к динамическому развитию грамматической системы.

Конечно, по сравнению с лексикой грамматический строй, характеризующийся минимальной восприимчивостью к внешним влияниям, изменяется медленно. Указанный факт объясняется “спецификой морфологии как наиболее внутреннего, сердцевинного яруса языковой структуры”. Высказывание Э. Сепира о характере связи

языка с общественным опытом удачно подчеркивает, на наш взгляд, отмеченную специфику грамматического уровня: язык, по мнению Сепира, “напоминает математическую систему, которая отражает опыт в действительном смысле этого слова только в самых своих элементарных началах, но с течением времени превращается в замкнутую систему понятий, дающую возможность предугадать все возможные элементы в соответствии с определенными принятыми формальными правилами”¹¹.

Однако, несмотря на особую устойчивость грамматической системы, она объективно отражает общую тенденцию ускоренного развития русской языковой системы конца XX в. — начала XXI в. — переломного периода в общественной жизни, периода экономических, социальных, политических и психологических катаклизмов. В связи с этим можно признать, что если раньше развитие грамматической системы носило характер медленных, малозаметных изменений, то на современном историческом этапе, характеризующемся повышенной интенсивностью языковых трансформаций, все механизмы языка действуют сверхактивно¹².

Лавинообразное словообразование, неконтролируемый поток заимствований, вторжение жаргона в общий язык, новая жизнь слов, обозначающих наиболее актуальные понятия нашего времени, уход в пассив целых пластов лексики эпохи социализма — эти процессы иллюстрируют языковую динамику наших дней. В их числе можно назвать и активные грамматические преобразования — еще одно проявление языковых инноваций в современном русском языке.

5.2. Инновации в системе частей речи и лексико-грамматических разрядов

Части речи — это основные грамматические разряды, на которые делятся слова языка. В функционирующей языковой системе части речи, образуя одну из частных грамматических подсистем, не остаются неизменными; подобно элементам любых структур, они раскрывают свои динамические потенции двояко: через механизм конкретной системы, куда они входят, и через взаимосвязь с другими системами, в частности, с системой лексических единиц. В соответствии с указанным обстоятельством неологическая динамика в сфере частей речи обусловлена, с одной стороны, инвентарем лексических инноваций, с другой, — взаимодействием частей речи и их подгрупп друг с другом. Таким образом, специфика эпохи диктует специфику прихода и тематического распределения новых слов, а это в свою очередь обуславливает особенности грамматических процессов в языке, то есть специфику грамматической неологизации.

Прежде всего следует отметить, что *словарь языка расширяется преимущественно за счет обозначения вещей*; в связи с этим самая неогенная часть речи русского языка — это имя существительное: *антитеррор* ‘система мероприятий, направленная на предотвращение терактов, борьбу с терактами’; *байкер* ‘представитель одной из социальных группировок молодежи, увлекающихся ездой на мотоциклах’; *ваххабист* ‘сторонник ваххабизма — реакционного направления в исламе’; *дианетика* ‘наука о духовном здоровье’; *невозвращенцы* ‘беженцы, не возвращающиеся в места прежнего проживания’; *неуспех* ‘неудача в достижении чего-либо’; *палеоихтиолог* ‘специалист по изучению ископаемых рыб’; *телекиллеры* ‘лица, пытаю-

щиеся уничтожить кого-либо с помощью средств и возможностей телевидения’; *фаст-фуд* ‘еда, приготовляемая быстрым способом’; *фелинолог* ‘специалист по изучению кошек’; *фигурант* ‘тот, кто указывается, упоминается где-либо (обычно в судебном расследовании какого-либо дела)’; *харизма* ‘наличие различных приятных черт в характере человека, обеспечивающих авторитетность лица и его способность положительно воздействовать на других людей’; *шура* ‘консультативный совет представителей исламских партий и политических группировок’ и т.д.: Сборная России впервые за двадцать лет не попала ни в финал чемпионата мира, ни в финал чемпионата Европы. Это видимый показатель *неуспеха* нашей сборной (АиФ, 2001, № 49); Имидж, репутация, *харизма* — все это у Михалкова на высшем уровне (АиФ, 2006, № 7).

Высказанное нами утверждение о высокой неогенности имен существительных и прилагательных не является случайным: оно перекликается с подобными утверждениями других исследователей; так, Н.З. Котелова в “Проекте словаря новых слов русского языка” констатировала следующее соотношение лексических инноваций в плане их частеречной принадлежности: “Самая неогенная часть речи — существительное... В несколько раз меньше неологизмов-прилагательных, их число измеряется также тысячами... Глагольные неологизмы немногочисленны, в отражаемый Словарем период их зарегистрировано около тысячи... Наречий уже едва ли не десятки... Безличные предикативы..., местоимения..., союзы..., частицы..., слова-приветствия в общем числе неологизмов единичны”¹³. Причина указанного количественного различия инноваций заключается в категориальном своеобразии значения имен существительных (характер денотата и его осмысление).

Появление неологизмов связано в первую очередь с необходимостью обозначения новых предметов. Номинативная же функция выполняется, как известно, прежде всего именами существительными, так называемыми предметными, субстанциональными словами (в отличие от прилагательных, глаголов, имеющих предикатный характер). Таким образом, классическое противопоставление имени глаголу, идущее от Аристотеля, в современном русском языке усиливается в первой части указанной оппозиции, демонстрируя явную активизацию субстантивного начала современной речи¹⁴.

Данная грамматическая инновация проявляется также в процессе взаимодействия частей речи, что обусловлено возможностью обобщения одного и того же референта в разных формах наименования, отражающих разные стороны обобщаемого предмета. Таким образом, процесс взаимодействия в сфере частей речи аналогичен синонимии на лексическом уровне.

Указанный процесс активно проявляется на референтном уровне, о чем свидетельствует актуализация существительных, употребляющихся параллельно с глагольными наименованиями или безотносительно к последним (что более типично для современной системы наименований). Речь идет о существительных на -изация с общим значением “наделение теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа”: азербайджанизация, бартеризация, башикиризация, ваучеризация, векселизация, витринизация, долларизация, зарплатизация, компьютеризация, конфедерализация, криминализация, культуризация, люмпенизация, рублевизация, суверенизация, татаризация, украинизация, фашизация, фермеризация, хуторизация и т.п.: Избежать противостояния региональных структур власти можно только в двух случаях. Если пообещать губернии-

ям больше суверенитета вплоть до *конфедерализации* России (Моск. комсомолец, 4-11. 02, 1999); Единство России может не выдержать второго за последние несколько лет испытания *бартеризацией* и товарным дефицитом... (Изв., 18.09.1993).

Новые существительные на -изация, как и глаголы, обозначают процесс, но представленный предметно, то есть субстантивированный.

Более яркое усиление субстантивного начала в системе частей речи демонстрирует *процесс грамматической транспозиции* слов, а именно процесс перехода прилагательных и причастий в разряд имен существительных. В грамматике четко определились тематические группы существительных, для которых субстантивированные прилагательные являются продуктивным средством их пополнения. Это:

- названия лиц по различным признакам: *бегающие* 'те, кто занимается оздоровительным бегом', *вышеживущие* 'о тех, кто живет на верхних этажах многоэтажного дома', *невстретившиеся* 'о тех, кто не вступил в брак', *негорластые* 'тактичные, деликатные люди', *непроголосовавшие* 'лица, имеющие право участвовать в голосовании, но не воспользовавшиеся им', *указующие* 'о тех, кто порицает, наставляет, распоряжается', *черные* 'о заключенных в исправительно-трудовом учреждении, ориентирующихся в своем поведении на тех осужденных, которые не подчиняются требованиям администрации';

- названия помещений: *бубличная* 'небольшой магазин, где в качестве основного товара продают бублики', *бульонная* 'столовая с небольшим ассортиментом блюд, главное из которых — бульон', *гамбургерная* 'предприятие общественного питания, где подают гамбургеры', *игровая*

‘комната для игр’, *лепешечная* ‘предприятие общественного питания, где готовят и подают лепешки’, *омлетная* ‘предприятие общественного питания, где готовят и подают омлеты’, *хачапурная* ‘предприятие общественного питания, где готовят хачапури’, *шахтерская* ‘помещение, где собираются шахтеры перед спуском в шахту и после подъема из шахты’;

- названия видов денег и платежей: *гостиничные* ‘часть командировочных, предназначенная для оплаты гостиницы’, *деревянные* ‘о советских рублях’, *детские* ‘денежное пособие для содержания детей’, *зеленые* ‘об американской валюте в долларах’, *лужковские* ‘денежные добавки к зарплате, пенсии, выделяемые из фонда мэра г. Москвы Лужкова’, *простойные* ‘деньги, получаемые за вынужденный простой’;

- названия обобщенных явлений: *анестезирующие* ‘обезболивающие средства’, *боевые* ‘боевые позиции’.

Характерную черту эпохи составляют инновации, представляющие собой результат повторной субстантивации в социальном сознании, фактически забывшем такие слова, как *бедные, богатые, бездомные, коричневые, левые, малоимущие, неимущие, нищие, правые, православные, русские*; такая повторная субстантивация подчеркивается параллельно появляющимися устойчивыми словосочетаниями, семантически созвучными в той или иной степени с приведенными однословными наименованиями; ср.:

- *бедные* — *новые бедные* ‘о тех, чье материальное положение резко ухудшилось в связи с изменением отраслевой структуры экономики’;

Что касается *новых бедных*, о которых так много сейчас пишет пресса, ... то они существовали с незапамятных времен. Раньше их называли просто бедными, но после

появления так называемых “новых философов”, “новых правых” журналисты пустили в обиход термин “новые бедные” (Неделя, 1985, № 38);

- *коричневые* — *новые коричневые* ‘о неонацистах, неонацистах’: Расизм и неонацизм в Норвегии в союзе, а чаще в одном лице. “Во всех наших бедах виноваты цветные!” — таков один из главных лозунгов *новых коричневых* (Комс. правда, 14.09.1985);

- *правые* — *новые правые* ‘политические деятели крайне правого толка’: Активизация на политической арене “*новых правых*”, взлет поближе к власти клерикальных фанатиков... — все это слилось воедино в мрачное явление (Лит. газета, 1986, № 5).

Вряд ли можно согласиться с Е.П. Калечиц в том, что субстантивации подвержены в основном качественные имена прилагательные, которые по сравнению с относительными более автономны, так как не имеют скрытой тенденции к взаимосвязанности с существительными и образованию с ними неразложимых словосочетаний¹⁵; относительные прилагательные, как свидетельствуют приведенные примеры, достаточно активно протезируют субстантивному началу в языке.

Результат процесса субстантивации — новое слово, обладающее категориальным значением иного характера в сравнении с исходным прилагательным. В субстантивированных словах мы уже не находим значения признака, слова-прилагательные сами становятся носителями признаков. Парадигма исходного прилагательного или причастия также преобразуется: количественно — существительное сохраняет лишь часть “прилагательной” парадигмы, а именно формы одного из трех родов (обычно женского) или формы множественного числа (что наблюдается гораздо чаще) и

качественно-согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного. Следовательно, субстантивированные слова имеют самостоятельную лексическую судьбу. Разные референты, обобщаясь в одном знаке, способствуют омонимичному расщеплению слова на две самостоятельные единицы, однако указанный результат проявляется в диахроническом плане; для синхронного же среза языка характерна начальная стадия процесса перехода в сфере частей речи, получившая, как было указано выше, название транспозиции, то есть помещение слова в чуждые ему синтаксические условия, обуславливающие его переход в новый грамматический класс.

Грамматическая неологизация современного русского литературного языка проявляется не только на уровне частей речи, но и на уровне *лексико-грамматических рядов*. Яркий пример грамматической неологизации подобного рода — усиление качественности в системе имен прилагательных. Чисто лексический процесс появления качественных оттенков в семантической структуре слов, ранее их лишенных, способствует активизации указанного грамматического явления.

В современном русском языке прилагательное *кассовый* наполнилось новым содержанием. Оно встречается в словосочетаниях *кассовый спектакль*, *кассовый успех*, *кассовый фильм* и т.п. Такое употребление данного слова говорит о том, что это прилагательное в известной степени стало синонимом слову *доходный*. Новое значение анализируемого прилагательного ‘дающий большие денежные сборы в кассе за счет высокой посещаемости (о фильме, спектакле и т.п.)’ возникло на основе метонимической связи признаков двух смежных понятий: “касса” и “представление, зрелище”.

В новом словосочетании *паркетный фильм* изменилась семантическая структура атрибутивного компонента: *паркетный* — ‘приукрашивающий, идеализирующий’: Киностудия славилась *паркетными* фильмами..., лакирующей действительностью (Лит. Россия, 1988, №50). Семантическая инновация возникла в результате метафорического переноса, в основе которого — актуализация производной денотативной семы ‘обычно покрытый лаком для улучшения внешнего вида’.

Прилагательное *личный* также изменило семантическую структуру. Его новый лексико-семантический вариант — ‘представляющий собой яркую личность, индивидуальность’: Алваро Куньял слишком *личностен*, чтобы его можно было подвергать под идею голубоглазого, курчавого мальчика (Октябрь, 1987, № 4).

Ср. также:

- *горловой* ‘основанный на грубости, нажиме, окрике’;
- *клубничный* ‘скабрзный, неприятный’,
- *нафталиновый* ‘устарелый, не соответствующий современности, ее требованиям’,
- *немузейный* ‘подлинный’,
- *пещерный* ‘реакционный, злобный, звериный’,
- *флюгерный* ‘меняющийся в зависимости от обстоятельств’.

Как правило, новые качественные лексико-семантические варианты рождаются на основе ассоциативных представлений, которые вызывает производящее существительное. Семантически обновленное относительное прилагательное как бы высвечивает, проясняет те пресуппозиции, которые свойственны исходному имени в слабой степени.

Ср. семантические структуры инноваций и производящих существительных.

Катакомбы ‘подземные галереи’:

I. А:Д₁ — галерея,

б Д₁^а — подземная,

II. с:Д₁^б — явно обнаруживающаяся,

III. d:К₃ — нечто пугающее.

Катакомбный ‘скрытый, тайный’: катакомбное существование:

I. А:Д₂ — скрытый,

III. б:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

с:Д₁^б > А:Д₂.

Каучук ‘упругое вещество из млечного сока некоторых растений, употребляющееся как сырье для выработки резины’:

I. А:Д₁ — вещество,

б:Д₁^а — упругое,

с:Д₁^б — из млечного сока,

II. d:Д₁^в — сырье для выработки резины,

е:Д₁^г — не имеющий определенных пространственных характеристик.

Каучуковый ‘черствый, безвкусный (о хлебе)’: каучуковый хлеб:

I. А:Д₂ — черствый,

б:Д₂^а — не имеющий вкуса,

III. с:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

е:Д₁^г > б:Д₂^а.

Лавина ‘масса снега, снежных глыб, низвергающихся с гор’:

I. А:Д₁ — масса,

б:Д₁^а — снежная,

с:Д₁^б — низвергающаяся с гор,

II. d:Д₁^в — накрывающая все на земной поверхности,

III. е:К₃ — вызывающая чувство страха, подавленности.

Лавинный ‘бурный, стремительный’: лавинные экономические процессы:

I. А:Д₂ — стремительный,

б:Д₂^а — затмевающий остальных,

III. с:К_{3ф} — чувство подавленности, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

с:Д₁^б > А:Д₂.

Манекен ‘фигура в виде человеческого туловища для примерки и показа платьев, костюмов и т.п.’:

- I. А:Д₁ — фигура,
b:Д₁^a — в форме человека,
II. е:Д₁^b — для примерки и показа одежды,
d:Д₁^b — *имитирует человека*.

Манекенный ‘неестественный, манерный’: манекенный оптимизм:

- I. А:Д₂ — *неестественный*,
III. b:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

d:Д₁^b > А:Д₂.

Фасад ‘передняя сторона здания’:

- I. А:Д₁ — сторона,
b:Д₁^a — здание,
е:Д₁^b — передняя,
III. d:Д₁^b — *прежде всего падающая в поле зрения*.

Фасадный ‘рассчитанный на внешнее впечатление, показной’: фасадные связи с кем-либо:

- I. А:Д₂ — *показной*,
III. b:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

d:Д₁^b > А:Д₂.

Ярлык ‘листок на чем-либо с наименованием, клеймом, какими-либо специальными сведениями’:

- I. А:Д₁ — листок,
b:Д₁^a — какие-либо сведения,
II. с:Д₁^b — *не дающий исчерпывающих, глубоких характеристик*.

Ярлыковый ‘связанный с использованием шаблонных оценочных характеристик’:

- I. А:Д₂ — *носящий шаблонный характер*,
III. b:К₃ — неодобрение, отрицательный эмоционально-модальный оттенок.

с:Д₁^b > А:Д₂.

Возникновение новых качественных прилагательных демонстрирует переход периферийной денотативной семы из семантической структуры базовых существительных в

ядро семантической структуры инноваций. Нетрудно заметить, что развитие качественности основывается на оценочности, о чем свидетельствуют обязательные коннотативные семы, появляющиеся в семантике новых слов. Определенную роль в этом играет социальный фактор: “очевидно, что по отношению ко многим общественно актуальным явлениям важно было не только указание на наличие какого-то признака, но и подчеркивание его качественной стороны”¹⁶.

Расширение качественности, то есть появление качественных оттенков в значении относительных прилагательных, — характерная черта современного русского литературного языка. Активному развитию указанного процесса, несомненно, способствует общая эмоциональная насыщенность речи, ее оценочность, характерная для современного периода общественного развития. Однако и самой историей становления качественных прилагательных как вторичных по отношению к относительным предначертано их взаимодействие именно в направлении от относительного к качественному.

Легкость возникновения новых качественных прилагательных поддерживается и грамматической системой языка, поскольку деление прилагательных на качественные и относительные в известном смысле условно; “оттенок качественности присущ в какой-то степени любому относительному прилагательному, который при необходимости всегда может быть вскрыт и подчеркнут в речи”¹⁷.

Вместе с семантическими изменениями окачественное прилагательное меняет и свои грамматические характеристики. Так, у слова *личностный* появились краткие формы *личностен*, *личностно*, *личностна*, у слова *кассовый* — наречие *кассово*, формы степеней сравнения — *самый*

кассовый, у прилагательного *театральный* — форма оценки *очень театральный*.

По аналогичному пути идет и семантическое развитие прилагательного *телевизионный* — ‘свойственный телевидению, характерный для телевидения’: *телевизионное решение передачи, собственно телевизионный спектакль, телевизионное прочтение романа* и т.п.; налицо и трансформация грамматической характеристики данного слова: образуются краткие формы (*телевизионен*), соотносительные наречия (*телевизионно, по-телевизионному*), производные имена на *-ость* (*телевизионность*).

Ср. также: *ключевой* ‘главный’: одна из *самых ключевых* фигур чеченского конфликта (Комс. правда, 18.01.1995),

- *компьютерный* ‘свойственный компьютеру, характерный для компьютера’: разработка специальных программ воспитания *компьютерно* грамотного человека (Собеседник, 1988, №47),

- *радикальный* ‘решительный, придерживающийся крайних действий’: *самые радикальные* лидеры национал-шовинизма (Изв., 13.01.1995),

- *элитарный* ‘образцовый’: один из *наиболее элитарных* в мире (Изв., 22.02.1995).

Вместе с тем далеко не все имена прилагательные, развив качественные лексико-семантические варианты, полностью реализуют новые грамматические возможности. Свободнее и легче всего окачественные прилагательные допускают образование наречий, предикативных форм и аналитических степеней сравнения. Большинство же относительных прилагательных, претерпев семантическую неологизацию, грамматически остаются как бы на грани такого перерождения; вследствие того, что формальные

признаки процесса окачества проявляются непоследовательно (а в ряде случаев выступают как искусственные, хотя и не противоречащие системе), в качестве основного критерия разграничения относительных и качественных прилагательных выступает метафорический характер семантики относительного прилагательного.

На наш взгляд, процесс окачества ведет к *усилению относительного начала* в системе адъективных имен, так как недостаточная активность производства в сфере качественных прилагательных получает компенсацию в сфере относительных, а это в свою очередь требует расширения корпуса последних.

В связи с этим интенсивность употребления отсубстантивных относительных имен прилагательных — яркая черта современного русского языка. В общем плане семантику относительных прилагательных можно охарактеризовать как 'относящийся к тому, что названо базовой основой'; см., например: *дневник — дневниковый, кроссворд — кроссвордный, население — населенческий, новость — новостной, протест — протестный, сеанс — сеансный, символ — символный, собеседник — собеседниковый, троеборие — троеборный, фанат — фанатский, филиал — филиаловский* и т.п.

Таким образом, относительные прилагательные подобны двуликому Янусу: они могут совмещать в себе широкое относительное значение с качественно — характеризующим, при этом новые лексико-семантические варианты качественного характера возникают, как было показано выше, на базе относительных.

Значительно реже наблюдается явление обратного порядка, когда семантические сдвиги ведут к появлению новых относительных прилагательных на базе качествен-

ных. В этом случае качественное прилагательное теряет грамматические показатели качественности и выражает признак предмета не прямо, а через отношение к другому предмету:

- *деловой*: *деловые отходы* ‘предназначенные для изготовления другой продукции’;

- *консервативный*: *консервативное лечение* ‘осуществляемое без хирургического вмешательства’.

Слово *властный* также прошло путь семантического развития, противоположный типичному. Новое значение развилось у этого слова сравнительно недавно и может быть сформулировано следующим образом: ‘относящийся к государственному управлению’; оно реализуется в словосочетаниях типа *властные структуры, властные круги, властные органы*. В условиях расширения *властного* поля за пределы Москвы становится все труднее конденсировать новые центры влияния (Моск. новости, 22.08.1993).

Таким образом, современный русский язык дает нам сложную картину функционирования качественных и относительных имен прилагательных, что обуславливает сложные перестройки в грамматической системе.

Инновации характеризуют и другие лексико-грамматические разряды, в частности, семантическое обновление лексики влечет за собой *взаимопереход абстрактных и конкретных имен существительных*.

Слово *пространство* зафиксировано в языке в следующих значениях: 1) неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях), 2) место, способное вместить что-либо, 3) большой участок земной поверхности, 4) устар. промежуток времени.

Все современные значения данного слова носят конкретный характер. В новых словосочетаниях: *духовное*

пространство, политическое пространство, правовое пространство, экономическое пространство и т.п. — является отвлеченный лексико-семантический вариант рассматриваемого имени существительного — ‘некая зона распространения и действия определенных явлений’: Ведь именно культура середины века была и осталась тем *духовным* пространством, в котором жила и к которому тянулась наша интеллигенция (Лит. газета, 3.11.1993).

Слова *договоренность, реальность, структура* и другие подобные существительные абстрактного характера переходят в число конкретных субстантивов.

- *договоренность* ‘вид дипломатического соглашения сторон без детализации и юридического оформления’: Предложенный Соединенными Штатами план... означал ревизию Владивостокской и вытекающих из нее последующих советско-американских *договоренностей* (Комс. правда, 17. 04.1987);

- *реальность* ‘очевидный факт, условие’: Поворот к лучшему в международных делах требует нового подхода к политике, соответствующего *реальностям* современного мира (Изв., 24.10.1985);

- *структура* ‘организация, учреждение, подразделение’: Ее сильной стороной считалась высокая степень связей со *структурами* Министерства безопасности и службой внешней разведки (Моск. новости, 1973, №19).

Грамматическая неологизация связана также с внутрисистемными *перемещениями слов по признаку собирательности*: характерная черта многих собирательных существительных современного русского литературного языка — конкретизация их значения. См.:

- *администрация* ‘органы управления исполнительной власти’ (собр. должностные лица управления);

- *мафия* ‘члены мафиозных организаций’ (собр.

тайные преступные организации, действующие методами шантажа и жестокого насилия);

- *элита* ‘лучшие представители общества или какой-либо его части’ (собр. привилегированная верхушка общества или какой-либо его части, какой-либо группы людей).

Семантическое развитие глагольной лексики также имеет определенные грамматические последствия.

Значительная группа глагольных инноваций — слова разговорно-просторечного характера. Как известно, разговорная речь представляет собой особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка его кодифицированной части. В этой системе новообразования разного рода возникают легко и свободно, оказывая определенное влияние на строго нормированный литературный язык. Так, разговорная речь явно демонстрирует *расширение лексико-грамматического разряда переходных глаголов*. Более широкие возможности разговорной речи для реализации значения переходности объясняются тем, что “говорящий часто испытывает семантическую потребность в каузативах, в результате чего он подвергает соответствующий глагол транзитивации”¹⁸. Именно эта грамматическая инновация — усиление переходности — сопровождается следующие семантические инновации:

- *забегать* ‘истощить чьи-либо силы, навязав большую скорость передвижения по ледовому полю’: Вылетают ребята, создающие фон беспрестанного движения, такая тройка, которая должна нас *забегать* (Футбол — хоккей, 1988, №7);

- *захрустеть* ‘заесть, закусить что-нибудь чем-либо хрустящим’: Сейчас бы тяпнуть стопоря, *захрустеть* чем-нибудь, но нельзя! (Огонек, 1986, №49);

- *пижонить* ‘одевать кого-либо по самой последней

модѣ: Тебе пятый десяток! Мало у тебя кофточек? Парня (сына) все *пижонила*... (Нов. мир, 1985, №10).

В этом же ряду находится и широко известный глагол *захлопать* (*захлопывать*) ‘воспрепятствовать (препятствовать) выступлению оратора, аплодируя’: Не далее как вчера на Съезде *захлопали* двух ораторов (Правда, 22.12.1989).

Более активна грамматическая неологизация противоположного характера, то есть *утрата переходности рядом глаголов*. Вполне убедительна мотивировка указанного явления, приводимая Е.А. Земской: разговорной речи присуща связь с конситуацией, что дает возможность оставлять невыраженными те или иные элементы вербального сообщения¹⁹. Именно в связи с этим глаголы разговорной речи могут характеризоваться безобъектным употреблением. См.:

Мы почувствовали, как много можно сделать в интересах Югославии... Наверное, у нас появилось больше уверенности в том, что мы можем развернуть долговременное сотрудничество и *прибавить* (Правда, 19.03.1988):

- *прибавить* ‘улучшить результаты, вложив больше сил’;

Ребята постарше, которые лет десять *утюжат*, говорят, что уже не могут, — разговоры сводятся к деньгам. *Утюжить*, конечно, хорошо, но до какого-то предела, должна же быть и цель в жизни (Юность, 1987, №1):

- *утюжить* ‘заниматься фарцовкой’;

Очень остро в последнее время стоит вопрос о современной музыкальной самобытности... Нельзя сказать, что музыканты, *копающие* в этом направлении, были широко представлены на “Рок-панораме...” (Правда, 26.12.1987):

- *копать* ‘продвигаться, углубляться в каком-либо отношении’;

Так что же лучше... сыграть на фаворита — может

и не *наваришь*, но при своих останешься (Юность, 1986, №12):

- *наварить* ‘получить доход’;

Потом перешли на дела насущные, о колхозе, о молодежи, так и норовящей из деревни *намылить*... (Юность, 1986, №12):

- *намылить* ‘уехать откуда-либо, покинуть что-либо’;

Ничего, мы с тобой еще этим гадам *навешаем*, — уныло подбадривал начальник милиции (Наш современник, 1986, №10):

- *навешать* ‘предъявить кому-либо обвинение, уличить кого-либо в чем-либо’.

Усиление непереходности поддерживается *активизацией возвратных глаголов*. Данный разряд глагольных инноваций представлен достаточно широко: *аплодироваться* ‘поддерживаться, поощряться’, *банкротиться* ‘превращаться в банкрота’, *заморозиться* ‘приостановиться в движении, обороте’, *качаться* ‘заниматься бодибилдингом, укреплять, развивать мускулатуру’, *обломиться* ‘достаться, перепасть кому-либо’, *отголосоваться* ‘закончить голосование’, *прокручиваться* ‘незаконно использовать в качестве высокопроцентных ссуд, инвестиций и т.п. (о деньгах)’, *прочитываться* ‘обнаруживаться, восприниматься по каким-либо признакам’, *раскрутиться* ‘прийти в активное состояние, начать действовать’, *формализоваться* ‘поддаваться возможности быть представленным в виде формальной схемы’.

Приобрести необходимое электронное оборудование стоимостью 250 тысяч дойчмарок способен только хорошо *раскрутившийся* банк, не боящийся убыточности дорогой затеи (АиФ, 1995, №6); Георгий Карамаев — уже не сфера, а “зона”, где *прокручиваются* немислимые средства, “на-

логи” с которых идут с кармана в карман, минуя государственную казну (Огонек, 1996, №6).

Глагольная возвратность демонстрирует и более широкую по сравнению с невозвратными глаголами невыраженность членов вербального сообщения: указанная тенденция охватывает в данном случае косвенные дополнения и обстоятельства:

- *загрузиться* ‘использовать операционную систему при включении (о компьютере)’: компьютер *загрузился* успешно, и на экране монитора появились окна Norton Commander (Наука и жизнь, 1991, №1);

- *замазаться* ‘совершить неблаговидный поступок’: ...написав заведомо неправомочную докладную, *замазавшись*, молодые руководители среднего звена как бы присягали директору на верность (Лит. газета, 1987, №51);

- *тащиться* ‘испытывать восторг, восхищение, наслаждение’: Драматический театр поставил “Венецианских близнецов” Карло Гольдони. Это, прямо скажу, потрясно, я балдел, торчал, *тащился* (Неделя, 1991, №1).

Семантическое развитие возвратных глаголов ведет к перемещению последних из одного лексико-грамматического разряда в другой. Например, глагол *разбежаться* в разговорной речи означает ‘расстаться, расторгнуть брачные, товарищеские и т.п. отношения’. Данное значение — взаимовозвратное; ср.: *разбежаться* ‘пробежать некоторое расстояние, приготовляясь к прыжку’ (отенок интенсивности осуществляемого действия).

Глагол *уродоваться* ‘безобразить себя чем-нибудь, причинять себе увечье’ был известен как глагол собственно-возвратный. Семантическая трансформация (*уродоваться* ‘выполнять какую-либо тяжелую работу’) способствовала перемещению данного глагола в другую лексико-

грамматическую группу — косвенно-результативно-возвратную.

Новое значение глагола *растренироваться* ‘перестать владеть собой’ способствовало переходу данного семантического неологизма из группы глаголов собственно-возвратного значения в группу общевозвратных.

Ср. аналогично:

- *заморозиться*: собственно-возвратное значение > общевозвратное;

- *качаться*: собственно-возвратное значение > косвенно-возвратное;

- *прокручиваться*: характеризующе-качественное значение > косвенно-возвратное;

- *раскручиваться*: характеризующе-качественное значение > косвенно-результативно-возвратное;

- *разобраться* ‘выяснить отношения, свести счеты в криминальной среде (обычно с применением насилия, драками, убийствами)’: характеризующе-качественное значение > взаимно-возвратное.

Семантическое варьирование обуславливает и такой аспект грамматической неологизации, как *новый характер валентности* тех или иных слов. Изменение валентности, свойственной слову как представителю определенного лексико-грамматического разряда, есть скрытая форма взаимодействия между указанными грамматическими подсистемами, не сопровождающаяся теми или иными формальными показателями.

Новая валентность слов отражает вхождение языковой единицы в определенный класс; при этом дифференциальные признаки, определяющие грамматическую отнесенность слова в соответствующий лексико-грамматический разряд, актуализируются в процессе линейного взаимодействия данного слова с другими единицами синтагмы.

Примеры новой сочетаемости:	Грамматический процесс, обусловивший изменение валентности слова:
Новые бедные, новые русские, новая нищета.	Субстантивация.
Пещерная враждебность, паркетный фильм, фасадные связи.	Окачествование относительных прилагательных.
Реальности перестройки, экономические структуры, политическое пространство.	Переход отвлеченных существительных в конкретные и наоборот.
Местные администрации, правящие элиты.	Конкретизация собирательных существительных.
Захлопать выступающего, забегать противника, пижонить сына.	Изменение переходности/непереходности глагола.

Лексическая валентность в свою очередь связана с новыми возможностями грамматической валентности. Так, определенное грамматическое построение поддерживает новый лексико-семантический вариант существительного *веер* ‘о многообразии составляющих чего-либо’: *Веер + род.пад. имени (веер ассоциаций)*. Ср. также: *алкоголик чего: Есть алкоголики трусости...* (Правда, 9.09.1985); *монбланы* чего: “Ничего нет”, — бормочет он, глядя... на высящиеся перед ним *монбланы* овеществленного *труда* (Лит. газета, 1985, №47); *нафталины* от чего: *Нафталины* чувствуются и *от* художественных *фильмов* тридцати-, двадцатилетней давности (Изв., 12.01.1985).

Изменилась грамматическая валентность и у слов *передержка* ‘временный приют для кого-либо’, *Содружество* ‘политико-экономическое объединение государств, бывших колоний Великобритании’, *урегулирование* ‘система мероприятий, направленных на стабилизацию междуна-

родной обстановки в каком-либо регионе'. Стало возможным их употребление вне генетивной конструкции: *пункт передержки; страны Содружества, промежуточное урегулирование*: Энтузиасты давно ратуют за *пункт передержки*, за городской хозрасчетный пункт временного содержания собак, кошек, птиц, растений, куда... можно было бы передать свою домашнюю... природу и... уехать в отпуск... или лечь в больницу, отправиться в командировку (Изв., 25.09.1997);

Слово *социализм* демонстрирует изменение адъективно-субстантивной валентности. Безадъективное употребление, свойственное ранее указанному существительному, сменилось двумя новыми сочетаемостными парадигмами, противопоставляющимися содержанием и противопоставляющие время (“до” и “после”) их использования:

в разгар перестройки:
обновленный,
административный,
казарменный,
бюрократический,
командно-административный,
казарменно-бюрократический
социализм

в первые годы перестройки:
государственный,
демократический,
гуманный,
настоящий
социализм.

Таким образом разные виды семантической деривации обуславливают новый характер валентности языковых единиц, то есть демонстрируют неологизацию структурного значения слов.

Изменения в системах частей речи и лексико-грамматических разрядов, обусловленные, с одной стороны, взаимосвязью между данными грамматическими подсисте-

мами, с другой, — связью лексического и грамматического уровней языка, свидетельствует о наличии определенной лексико-грамматической зоны синкретизма.

5.3. Инновации в системе грамматических категорий

Грамматические категории являются признаками частей речи. Поскольку изменения субстанции не есть нечто автономное по отношению к ее атрибутам, постольку можно утверждать что инновации в подсистеме грамматических категорий столь же естественны и необходимы, как и новые явления в сфере частей речи.

Неологизация грамматических категорий связана с различными трансформациями их структуры.

Преобразования российской действительности усилили личностное начало в жизни современного общества, что отразилось в системе языка. Как характерная черта современной русской языковой системы усиление личностного начала было отмечено, в частности, авторами коллективной монографии “Русский язык конца XX века” (1985-1995); данная тенденция нашла свое выражение в значительном количестве новых наименований лиц. Указанное обстоятельство привело к *изменениям в структуре категории рода* имен существительных.

Известно, что родовые корреляции в зависимости от лексических особенностей существительных объединяются в три группы:

1) корреляция имен со значением лица, характеризующего по национальной принадлежности или месту житель-

ства: *курд* ‘мужчина курдской национальности’ — *курдианка* ‘женщина курдской национальности’;

2) корреляция имен со значением лица, характеризующего по профессии, специальности, тому или иному виду деятельности: *фристайлист* ‘спортсмен, занимающийся фристайлом’ — *фристайлистка* ‘женск. к фристайлист’;

3) корреляция имен со значением лица, характеризующего по тем или иным физическим или психологическим признакам: *застойщик* ‘противник перестройки’ — *застойщица* ‘женск. к застойщик’. В современном русском языке вторая группа корреляции оказалась особенно продуктивной: именно она пополняется новыми лексическими единицами, причем подавляющее большинство новых названий — слова мужского рода: *ароматотерапевт* ‘специалист по лечению заболеваний с помощью природных запахов’, *банкир* ‘банковский работник’, *демонат* ‘целитель, лечащий средствами народной медицины’, *дилер* ‘представитель фирмы, выполняющий посреднические функции между клиентом и фирмой’, *игротехник* ‘разработчик методики деловых игр’, *менеджер-кадровик* ‘специалист по подборке и расстановке работников в каждом из подразделений предприятия’, *метафорист* ‘поэт, широко использующий метафоры в своих произведениях’, *продавец-декоратор* ‘продавец цветочного магазина, составляющий букеты, цветочные композиции’, *системолог* ‘специалист по системологии — науке, изучающей теорию систем’, *собесовец* ‘работник отдела социального обеспечения’ и т.д.

Данные существительные в одинаковой мере применяются и по отношению к лицам женского пола. Удачное объяснение этому явлению дал, на наш взгляд, В.В. Виноградов: “Дело в том, что слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о

человеке — его социальную, профессиональную или иную квалификацию — независимо от пола²⁰. Таким образом, форма мужского рода выступает в качестве немаркированной, она не содержит в отличие от женской родовой формы прямого указания на принадлежность к определенному полу, поэтому может применяться в одинаковой мере как к мужчинам, так и к женщинам.

Наличие в рассматриваемой родовой корреляции нейтральной к полу формы мужского рода вызвано сплетением двух социальных причин:

1) в прошлом большинство названий лиц по виду деятельности выступало в одинарных формах мужского рода, которым не противопоставлялись женские параллели, в силу чего значение принадлежности к полу у существительных подобного рода было выражено очень слабо;

2) с другой стороны, участие лиц мужского и женского пола в одних и тех же отраслях труда вызвало необходимость употреблять названия лиц по виду деятельности, нейтральные к дифференциации по полу.

Отсутствие форм женского рода поддерживается и внутренними причинами: образования с суффиксами *-к-*, *-ш-*, *-их* ограничены фонетическими условиями, а также — функционально-стилистически (*системоло²/жка*, *менеджерка*).

В силу способности обозначать одновременно лица мужского и женского пола новые существительные типа *бионик* ‘специалист в области бионики — науке, возникшей на стыке биологии и электроники’, *менеджер* ‘профессиональный управляющий предприятия’ и т.д. приобрели способность выступать в функции слов общего рода²¹. На наш взгляд, такое утверждение не вполне правомерно, что обусловлено следующими причинами: во-первых, раз-

личиями синтаксического характера — разные формы согласования существительных общего рода и указанных существительных мужского рода, что является нормой литературного употребления; во-вторых, общая масса существительных мужского рода образует производные формы женского рода, так что новое употребление рассматриваемых форм системно нетипично. Более правомерным представляется употребление термина *двуродовые*, который точно выражает специфику рассматриваемой грамматической инновации²². Таким образом, в современном русском литературном языке явно наметилась тенденция к формированию новой группы имен существительных, явившейся результатом структурного изменения категории рода.

Категория числа также демонстрирует новые грамматические явления. Следует подчеркнуть, что по сравнению с другими грамматическими категориями категория числа характеризуется более высокими неогенными возможностями, что объясняется тесной связью словоизменительного значения числа с лексическим и словообразовательным значениями слова.

Структуру категории числа образуют формы, имеющие числовые корреляции, и формы, не противопоставленные по числу (*singularia* и *pluralia tantum*). Картина указанного распределения слов довольно устойчива, однако к настоящему времени в структуре категории числа обнаруживаются более или менее резкие изменения. Слова с преимущественно развитым единственным числом оказываются наиболее восприимчивыми к грамматической неологизации. Речь идет об абстрактных именах существительных, для которых в литературном языке формы множественного числа в общем-то нехарактерны. Однако конкретизация отмеченных понятий ведет к тому, что соответствующие

словарные единицы начинают образовывать формы множественного числа. Таким образом, в грамматико-числовых сдвигах отражаются изменения лексической семантики слов, в силу чего многие грамматические инновации рассматриваемого типа показательно характеризуют общественную жизнь и современное сознание. Приведем примеры:

администрация — *администрации*: Региональные *администрации* критически отнеслись к предложению центра о повторном рассмотрении вопроса (АиФ, 1998, №43);

бюджет — *бюджеты*: Это особенно касается финансовых вопросов, от решения которых зависят *бюджеты* регионов, возможность выплаты зарплаты и т.д. (Нез. газета, 25.11.1999);

производство — *производства*: Премьер... ответил довольно жестко: Никто вам ваши *производства* не запустит; если у вас такая хорошая продукция, то почему ее никто не берет, значит, не умеете продавать... (АиФ, 1998, №48); ср. также: бизнес — *бизнесы*, сельское хозяйство — *сельские хозяйства*, экономика — *экономики*.

В иное числовое распределение перешел еще один ряд экономических обозначений:

банк — *банки*: Какими-либо прогнозами ни я, ни мои коллеги — руководители центральных *банков* — не занимаются (АиФ, 1999, №47);

регион — *регионы*: Только двухлетний опыт на федеральном уровне показал, как много вреда для *регионов*... может нанести политизированная... Дума (Нез. газета, 25.11.1999);

реформа — *реформы*: В годы радикальных рыночных *реформ* роль ТЭКа в экономике России начала ощутимо возрастать в силу естественной конкурентоспособ-

ности его продукции на мировых рынках (Рос. газета, 21.01.00);

север — *севера*: Надеюсь на успешное окончание переговоров со Всемирным банком, Минэкономики предложило для осуществления проекта четыре региона, вошедших в себя всю специфику российских *северов* (Изв., 12.01.1999).

Отсутствие формы множественного числа у данных имен существительных объясняется разными причинами. Слова первой группы, будучи отвлеченными существительными, имели неполную числовую парадигму в силу того, что значения этих слов, по мнению О. Есперсена, не вызывают у нас представление о каком-либо предмете, имеющем определенную форму и точные границы; В.Н. Ярцева считает, что в этом случае унифицирующая роль грамматического противопоставления соотносительных членов числовой пары наталкивается на сопротивление лексического материала²⁴. Слова второй группы демонстрируют иную причину отсутствия формы множественного числа — нерасчлененное бытие, а следовательно, — и восприятие соответствующих референтов, характерное для доперестроечного периода развития российского общества.

Аналогичны изменения категории числа в общественно-политической лексике:

- *антагонизмы*: Тогда плюрализм интересов окружающего нас мира будет не множественность *антагонизмов*, а многообразие возможностей для мирного сожительства государств и народов (Правда, 15.04.1989);

- *демократии*: На мой взгляд, в долгосрочной перспективе даже нынешние недемократические системы могут трансформироваться в самые стабильные *демократии* (Нез. газета, 31.12.1998);

- *договоренности*: Предложенный Соединенными Штатами план... означал ревизию Владивостокской и вытекающих из нее последующих... *договоренностей* (Комс. правда, 17.04.1987);

- *инициативы*: Тем не менее более глубокое рассмотрение предложений показывает, что между *инициативами* Кочаряна и Алиева существуют принципиальные различия (Нез. газета, 25.11.1999);

- *национализмы*: Горячие угли соперничающих *национализмов* легко раздуть в локальные пожары (Нез. газета, 25.09.1999);

- *негативности*: Наступи в этих условиях кому-либо на мозоль генеральный директор — наковырять *негативностей* из жизни ремонта ничего не стоит (Комс. правда, 12.02.1986);

- *элиты*: Прошлые парламентские выборы проходили при полном равнодушии региональных политических *элит* (Нез. газета, 25.11.1999).

Таким образом, новые числовые формы имен связаны с изменением их предметного содержания. Убедиться в этом можно, сравнив толкования словарей разного времени.

С.И. Ожегов. Словарь русского
(М., 1984)

Бизнес

То, что является источником
личного обогащения, наживы.

Толковый словарь русского
языка конца XX века: Языко-
вые изменения (СПб., 1998)

Бизнес

Предпринимательская деятель-
ность, связанная с коммерци-
ей, производством и реализа-
цией товаров, оказанием услуг
населению и т.д.

Ключевым становится признак торговли, перепродажи: *антикварный бизнес, валютный бизнес, рублевый бизнес.*

Власть

1. Право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле.
2. Политическое господство, государственное управление и органы его.
3. Лица, облеченные властью и административными полномочиями.

Власть

1. Форма управления страной, политический строй.
2. Право и возможность управлять страной, политическое господство.
3. Органы государственного и местного управления, их права и полномочия; лица, входящие в эти органы, администрация.

Конкретизация значения: *городские власти, районные власти, центральные власти.*

Структура

Строение, внутреннее устройство чего-либо.

Структура

Государственное, частное учреждение, организация, формирование, общественное, неформальное и т.п. объединение.

Конкретизация значения: *банковские структуры, коммерческие структуры, структуры организованной преступности.*

Словарь иностранных слов
(М., 1988)

Мафия

Тайная организация, возникшая в конце 18 века в Сицилии (Италия), терроризирующая население различными средствами.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения (СПб., 1998)

Мафия

1. Организованная преступность.
2. Тайные преступные организации, действующие методами шантажа и жестокого насилия.

Расширение значения: *местная мафия, русская мафия, судебная мафия.*

Следовательно, образование форм множественного числа слов *singularia tantum* сопровождается определенным семантическим осложнением; в силу этого возникающие новые числовые пары носят деривационно-коррелирующий характер в отличие от обычных — релятивно-коррелирующих числовых оппозиций, которым свойственны чисто количественные отношения. Учитывая активный характер нового грамматического явления, можно полностью согласиться с мнением А.А. Зализняка о том, что “ т.н. *singularia tantum* (буквально: “имеющие только ед. ч.”), например, еда, гордость, горение и т.д., признаются имеющими оба числа; мн. ч. носит здесь потенциальный характер: практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости все же может быть построено и правильно понято”²⁵. Возможно, что и традиционные термины: *singularia* и *pluralia tantum* следует признать не вполне точными.

Грамматическая инновация, связанная с усилением граммемы множественного числа, проявляется и в некоторых других аспектах:

- 1) в парадигме ряда слов, мыслимых как числовые пары, преобладает форма множественного числа, о чем

свидетельствует лексикографическая фиксация подобных инноваций: в словарной статье неологических словарей на первом месте приводится форма множественного числа, далее в скобках указывается соответствующая форма единственного числа:

- *духи* (ед. ч. дух). Душманы;
- *маргиналы* (ед. ч. маргинал). Люди, оторвавшиеся от своей социальной среды и не примкнувшие к другой;
- *моджахеды* (ед. ч. моджахед). Члены отрядов вооруженной оппозиции в Афганистане;
- *нелатыши* (ед. ч. нелатыш). Жители Латвии, не имеющие права гражданства;
- *нелитовцы* (ед. ч. нелитовец). Жители Литвы, не имеющие права гражданства.
- *федералы* (ед. ч. федерал). Представители федеральной власти;

2) многие лексические инновации, обозначая понятия, поддающиеся исчислению, тем не менее возникают в форме множественного числа, что несколько препятствует свободному употреблению возможной формы единственного числа:

- *бывшие* ‘об эмигрантах из СССР’,
- *зеленые* ‘об американской валюте в долларах, о соответствующих денежных знаках’,
- *неформалы* ‘неформальные объединения, члены таких объединений’,
- *силовики* ‘представители силовых структур’,
- *формалы* ‘члены зарегистрированных общественных организаций, действующих в рамках закона’.

Таким образом, в современном русском литературном языке категория числа характеризуется усилением граммы “множественность”.

Указанная тенденция проявляется в приобретении реального статуса названной грамматической формы, носящей прежде потенциальный характер в парадигмах имен существительных определенных лексико-грамматических разрядов.

Категория числа существительных изменяется и в другом плане. Семантические трансформации ряда слов связаны с грамматическим отвлечением от конкретно — предметного содержания. Именно таков характер лексико-грамматического изменения зафиксированного в словарях последнего десятилетия существительного *пакет* — ‘бумажный мешок для продуктов’. В результате семантического калькирования в структуре данного слова появился новый лексико-семантический вариант — ‘совокупность (решений, законов, документов, мер и т.п.), носящая целостный характер’: К вечеру был организован оргкомитет, оформлен пакет экономических и политических требований к правительству... (Огонек, 1991, №8); Правительство Москвы готовит пакет мер по приватизации московской городской телефонной сети (Моск. новости, 20.03.-27.03.1994); ср. также: *пакет законов, пакет решений, рекламный пакет* и т.п. Отвлекаясь от конкретного представления о предмете, мы переходим к понятию, связанному с одним из признаков данного предмета — ‘предназначенность для комплексного хранения чего-либо’. Актуализация указанной потенциальной семы способствует тому, что конкретное имя существительное *пакет* начинает тяготеть к лексико-грамматическому разряду отвлеченных субстантивных имен, следствием чего является преимущественное употребление рассматриваемой семантической инновации в форме множественного числа.

Аналогична грамматическая неологизация слова *корзина*. Семантическое калькирование способствовало перемещению этого существительного из бытовой тематической области в общественно-политическую. Новый лексико-семантический вариант ‘круг вопросов, которые обсуждались в ходе подготовки и на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившем в Хельсинки’, был зафиксирован в НСЗ-70, где указывалось, что семантическая инновация обусловлена английским словом *basket*.

Однако другая имплицитная сема ‘предназначенный для переноса и хранения продуктов питания’, вычлняющаяся в семантической структуре слова *корзина*, дала возможность для дальнейшего семантического движения названного существительного, результатом которого явился еще один новый лексико-семантический вариант — ‘совокупность потребительских товаров, необходимых для поддержания достаточного уровня жизни’: Минимальная потребительская *корзина* для работающего жителя Петербурга в январе составила 585 тысяч рублей (АиФ, 1995, №8); В последние годы ни один из обитателей российского политического Олимпа не рисковал предлагать избирателям всей страны такую *корзину* товаров (Нез. газета, 25.11.1995).

Появление нового лексико-семантического варианта слова *корзина* связано с трансформацией его числовой парадигмы, а именно с ослаблением граммы множественного числа. Однако подобные проявления грамматической неологизации носят единичный характер и не представляют собой новой тенденции развития грамматического строя языка. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в современной русской языковой системе множественное число является сильной, многозначительной граммой,

в структуре которой наблюдаются грамматические инновации, вызванные определенными лексико-семантическими изменениями.

Состав глагольных неологизмов, пополняющих словарный состав языка, стимулировал сдвиги в *системе видовых форм*.

В русском языке категория вида распределяет глаголы по следующим группам:

- глаголы, образующие видовые корреляции; при полной лексической тождественности они отличаются друг от друга тем, что один из членов видовой пары выражает длительность и нерезультативность процесса, другой — его результативность и недлительность;

- глаголы, выступающие в различных видовых значениях, но не обладающие морфологическими средствами обнаружения видовых различий;

- глаголы, не образующие соотносительных видовых корреляций.

Как видим, двувидовость является существенной, хотя и лексически ограниченной формой проявления категории вида. Она выступает как своеобразная модификация данной категории, вызванная необходимостью включения в систему видов группы глаголов со специфической структурой основы, содержащей выделяющиеся своей иноязычностью суффиксы *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-*, и специфической семантикой, заключающейся в некоторой слитности представления о процессуальности называемого глаголом действия с представлением о его результате, что и ставит препятствия разграничению морфологическими средствами значений совершенности и несовершенности.

В современном русском языке двувидовые глаголы составляют незначительный пласт новой лексики, который тем не менее отражает актуальные понятия:

- *глобализировать* ‘придавать (придать) чему-либо глобальный характер’: Очевидна значимость новых... инициатив... по урегулированию самого ближневосточного конфликта. На фоне попыток... *глобализировать* конфликт наши предложения выглядят особенно актуальными (Комс. правда, 01.10.1992);

- *дегуманизировать* ‘лишать (лишить) гуманистического начала’: 30-е годы, репрессии, аресты во многом *дегуманизировали* людей и общество (Юность, 1987, №12);

- *дотировать* ‘выплачивать (выплатить) дотацию на что-либо’: Государство *дотировало* зарубежные поездки... туристов (Правда, 15.03.1988);

- *компьютеризировать* ‘внедрить (внедрять) компьютерную технику’: Сейчас в первую очередь надо *компьютеризировать* школу (Неделя, 1986, №9);

- *криминализировать* ‘возводить (возвести) чьи-либо поступки, деяния в ранг уголовно наказуемых’: Давайте проанализируем нашу законодательную практику за последние два десятилетия. Да, многие деяния... были *криминализованы* (Изв.27.08.1987);

Если на протяжении всего советского периода модель двувидовых глаголов была активна и способствовала усилению аналитизма в грамматическом строе, то в настоящее время наблюдается интенсификация противоположной тенденции — снижение активности указанной модели и стремление ввести глаголы данной модели в систему видов, разрушив тем самым двувидовость. Возможно, что определенную роль в уменьшении числа новых двувидовых глаголов сыграла интенсивная демократизация языка, которая привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и буквально затопили все жанры, заметно по-

теснив отвлеченно-книжные номинации, коими являются и двувидовые глаголы.

Реализация указанной тенденции сводится к следующему: бесприставочная форма двувидового глагола, утратив значение совершенного вида, выступает в качестве носителя одного только значения несовершенного вида, а в качестве коррелята со значением совершенного вида выступает новообразование с приставкой. В силу действия данной тенденции активно появляются видовые пары от заимствованных двувидовых глаголов: *отгрейдировать* ‘выровнять с помощью грейдера’, *отпрогнозировать* ‘предугадать’, *отрафинировать* ‘очистить от примесей’, *отреформировать* ‘произвести реформирование чего-либо’, *протимулировать* ‘побудить к чему-либо с помощью стимула’, *просуммировать* ‘объединить в нечто общее’, *протестировать* ‘проверить, выявить с помощью тестов’; ср. также: *проанонсировать*, *пробойкотировать*, *пролоббировать*, *скоординировать*, *спакетировать*, *спрогнозировать*, *среджиссировать*, *перепрограммировать*, *перерегулировать*, *переструктурировать* и т.д.

Ослаблению двувидовости способствует еще один характерный для современной языковой системы факт: новые глаголы разговорно-профессионального и жаргонного характера появляются в словарном составе языка сразу видовыми парами. См., например:

- *обезналичивать* — *обезналичить* ‘переводить (перевести) наличные деньги в безналичные’;

- *обналичивать* — *обналичить* ‘переводить (перевести) безналичные деньги в наличные’;

- *отмывать* — *отмыть* ‘вкладывать (вложить) преступно нажитые деньги в законные предприятия с целью получения легального дохода’;

- *прозванивать* — *прозвонить* ‘тщательно проверять (проверить) составные части чего-либо комплексного, взаимосвязанного, стараясь выявить недостатки’;

- *пролечивать* — *пролечить* ‘подвергать (подвергнуть) лечению; вылечивать (вылечить)’; *распечатывать* — *распечатать* ‘печатать (напечатать) во многих экземплярах’;

- *распредмечивать* — *распредметить* ‘осуществлять (осуществить) распредмечивание — превращение конкретной предметной практики человечества в идею, общую для человеческого сознания’;

- *растаможивать* — *растаможить* ‘оформлять (оформить) документы на таможне с целью получения груза’: “РЕИНВЕСТ”: *обналичим, обезналичим* быстро и выгодно. Любая форма договоров (Моск. новости, 20.02 — 27.02.1994); Многие из ныне здравствующих кооперативов образовались исключительно с целью законным путем получить помещение, *отмыть* грязные деньги, пристроив их в банки (Смена, 08.01.1991).

Следует заметить, что отмеченное выше стремление русской грамматической системы разрушить двувидовость как инородное по отношению к ней явление носит в определенной степени формальный характер, так как видовая природа самих двувидовых глаголов в результате появления префиксальных новообразований совершенного вида мало изменяется: производные инновации образуют соотносительные по виду пары лишь с одной стороной своих производящих. Возможно, что создавшееся положение стабилизируется и двувидовые глаголы утратят значение того вида, который имеет производный глагол. По мнению некоторых исследователей, такой процесс имеет место²⁶. Какими бы ни были проявления рассматриваемой тенденции,

ясно одно: двувидовые глаголы, число которых в русском языке сокращается, теряют свою особую позицию по отношению к системе глагольных видов.

5.4. Выводы

1. Онтологическая сущность слова как языковой единицы, представляющей единство лексической и грамматической природы, — один из факторов, обуславливающих появление грамматических инноваций; это связано с тем, что лексико-грамматическое единство не только не исключает, но, напротив, предполагает возникновение тех или иных противоречий, являющихся источником развития грамматической системы.

2. В основе появления грамматических инноваций — отношения трех подсистем в общей грамматической системе языка: частей речи, лексико-грамматических разрядов и грамматических категорий. На уровне разных структурных подразделений инновации носят различный характер, что мотивировано неоднородными грамматическими изменениями.

3. Динамика в *сфере частей речи* обусловлена, с одной стороны, инвентарем новых слов и значений, с другой, — взаимодействием частей речи и их подгрупп. Таким образом, специфика эпохи диктует специфику прихода и тематического распределения неологизмов, а это в свою очередь диктует особенности грамматических инноваций.

Имя существительное — самая неогенная часть речи; это свидетельствует об усилении субстантивного начала современного русского литературного языка.

Указанный факт выражается также в активной субституции глаголов процессуальными именами существительными, которые употребляются параллельно или (что

более типично для современной системы наименований) безотносительно к глагольным номинациям (*компьютеризация, криминализация, рублевизация, суверенизация, фашизация*).

Усиление субстантивного начала современного языка подтверждается и активным процессом транспозиции частей речи, а именно — переходом прилагательных и причастий в разряд имен существительных (*деревянные* ‘о советских рублях’, *зеленые* ‘об американской валюте в долларах’, *непроголосовавшие* ‘о тех, кто не принял участие в голосовании’). Характерная черта современной грамматической системы — повторные субстантиваты, которые в своем первоначальном виде фактически забыты в социальном сознании: *бедные, бездомные, богатые, правые, левые* и т.п.

4. Современный русский язык демонстрирует сложную картину функционирования *лексико-грамматических разрядов*, что также вызывает перестройки в грамматической системе.

Яркий пример — усиление качественности в системе имен прилагательных (*катакомбный* ‘тайный’, *клубничный* ‘скабресный’, *манекенный* ‘неестественный, манерный’). Новые лексико-семантические варианты относительных прилагательных рождаются на основе разного рода сем, свойственных семантической структуре базового существительного. Семантически обновленное относительное прилагательное как бы высвечивает те пресуппозиции, которые свойственны исходному имени в слабой степени (*лавина*>*лавинный* ‘стремительный, бурный’, *фасад*>*фасадный* ‘показной’, *ярлык*>*ярлыкковый* ‘шаблонный’). Развитие качественности основывается на оценочности, о чем свидетельствуют обязательные коннотативные семы, появляющиеся в семантике

прилагательных. Вместе с тем процесс окачествления ведет к усилению относительного начала в системе адъективных имен: недостаточная активность производства в сфере качественных прилагательных получает компенсацию в сфере относительных прилагательных, а это в свою очередь требует расширения корпуса последних (*символьный, сеансовый, филиаловый* и т.п.).

Семантическое обновление лексики влечет за собой взаимопереход абстрактных и конкретных имен существительных (*пространство* ‘некая зона распространения и действия определенных явлений’: *духовное пространство, правовое пространство, экономическое пространство; структура* ‘организация, учреждение’: *властные структуры, силовые структуры, экономические структуры*), а также внутрисистемные перемещения по признаку собирательности (конкретизация собирательных имен — *местная мафия, финансовая мафия, чеченская мафия*).

Определенные грамматические последствия имеет семантическое развитие глагольной лексики. Разговорная речь явно демонстрирует, с одной стороны, расширение лексико-грамматического разряда переходных глаголов (*забегать* кого, *захлопать* кого), с другой, протезирует утрате переходности (*наварить* ‘получить доход’, *прибавить* ‘улучшить результаты’, *утюжить* ‘заниматься фарцовкой’). Усиление непереходности поддерживается активизацией возвратных глаголов (*аплодироваться* ‘поощряться’, *раскрутиться* ‘начать действовать’, *формализоваться* ‘поддаваться возможности быть представленным в виде формальной схемы’), которые демонстрируют более свободную невыраженность членов вербального сообщения.

5. Скрытая форма взаимодействия лексико-грамматических разрядов — изменение валентности слов,

которая отражает вхождение языковой единицы в определенный класс; при этом дифференциальные признаки, определяющие указанное перемещение, актуализируются в процессе линейного взаимодействия лексической единицы с другими единицами синтагмы (*захлопать выступающего, новые бедные, новые русские*).

Лексическая валентность связана с новыми возможностями грамматической валентности (*веер* чего 'о многообразии составляющих чего-либо': *веер ассоциаций; нафталин* от чего 'представление о чем-то устаревшем, давнем': *нафталин от фильмов двадцатилетней давности*).

Изменения в грамматической системе, обусловленные взаимосвязями внутри частей речи и лексико-грамматических разрядов, а также — связью лексического и грамматического уровней языка, свидетельствует о наличии определенной зоны лексико-грамматического синкретизма.

6. Инновации, обусловленные изменением *грамматических категорий*, связаны с трансформациями их структуры, при этом последние более интенсивны в категориях с семантической доминантой.

Так, немаркированные существительные мужского рода (*банкир, визажист, менеджер*) приобрели способность выступать в функции слов общего рода. Это обстоятельство способствовало появлению в лингвистической теории точки зрения, согласно которой слова типа *дилер, лавиновед* и т.п. стали рассматриваться как особый подкласс существительных общего рода. На наш взгляд, более правомерным было бы выделение данных наименований в самостоятельную группу двуродовых имен, что соответствует специфике указанной грамматической инновации.

Новые явления обнаруживаются в распределении форм, образующих структуру категории числа. Речь идет

об абстрактных именах существительных, для которых формы множественного числа в целом нехарактерны, однако конкретизация отвлеченных понятий ведет к тому, что соответствующие словарные единицы вступают в числовые корреляции (*антагонизм — антагонизмы, национализм — национализмы, реальность — реальности*); ср. еще один ряд обозначений с неупотреблявшимся ранее множественным числом: *банк — банки, власть — власти, партия — партии*, что было обусловлено экстралингвистически. Кроме того, в парадигме ряда слов, мыслимых как числовые пары, преобладает форма множественного числа (*моджахеды, нелатыши, федералы*), а многие лексические инновации, обозначая понятия, подвергающиеся счету, тем не менее возникают в форме множественного числа, что препятствует свободному употреблению возможной формы единственного числа (*зеленые* ‘об американской валюте в долларах; о соответствующих бумажных денежных знаках’, *силовики* ‘сотрудники силовых структур’). Таким образом, категория числа характеризуется усилением граммы “множественность”.

Глагольные неологизмы стимулировали новые явления в структуре категории вида, выражающиеся в тенденции разрушить двувидовость и ввести двувидовые глаголы в систему видов. В результате действия этой тенденции активно образуются видовые пары от заимствованных двувидовых глаголов (*пролоббировать, переструктурировать, профинансировать*).

Характерно, что новые глаголы разговорно-профессионального и жаргонного характера появляются в языке сразу видовыми парами (*обналичивать — обналичить, растаможивать — растаможить, распечатывать — распечатать*). Все сказанное свидетельствует о том, что

двувидовые глаголы явно теряют свои возможности в русской языковой системе.

Таким образом, грамматические инновации возникают в точке пересечения лексической и грамматической подсистем языка, что объясняется множественностью признаков, которыми обладает каждый элемент языка, и тем, что данные признаки носят не только однопорядковый характер (например, грамматических черт), но и разнопорядковый (то есть и грамматический, и лексический).

Примечания

1. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С.81.

2. *Никитин М.В.* К проблеме грамматического значения // Вопросы общего и романо-германского языкознания. Уфа, 1964. С.41.

3. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999. С.156.

4. *Аспекты* семантических исследований / *Уфимцева А.А., Кубрякова Е.С., Арутюнова Н.Д.* и др. М., 1980. С.234.

5. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С.12.

6. *Алефиренко Н.Ф.* Теория языка: Введение в общее языкознание. Волгоград, 1998. С.382.

7. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. С.89; Ср. также: *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967. 27-30.

8. *Шарандин А.Л.* К вопросу о соотношении лексико-грамматических разрядов и лексико-семантических групп русского глагола // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. гуманитарных наук. Тамбов, 1966. Вып.2. С.54.

9. *Алефиренко Н.Ф.* Указ. работа. С. 164, 166.

10. *Шендельс Е.И.* Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями // Иностр. яз. в шк. М., 1962. №4. С.52.

11. *Сенир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.-Л., 1934. С.44.
12. *Русский* язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. *Земская Е.А.* М., 1996. С.18; *Dvonč L.* Dynamika slovenskej morfológie / Sloven akad. vied. Jazykovedny ust. L'udovita Stura. Br.: Vieda, 1984; *Jelitte N.* Die russischen Nomina abstracta des 20. Jahrhunderts. Frankfurt a. M. etc., 1990. Т. 1.
13. *Котелова Н.З.* Проект словаря новых слов русского языка. Л., 1982. С.23.
14. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С.40; *Шапошников В.Н.* Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998. С.75-77.
15. *Калечиц Е.П.* Взаимодействие слов в системе частей речи: межкатегориальные связи. Свердловск, 1990. С.28.
16. *Морфология* и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С.227.
17. Там же. С.217.
18. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С.102.
19. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987. С.136
20. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1986. С.66.
21. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С.51.
22. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980. С.187.
23. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. С.229.
24. *Ярцева В.Н.* Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С.30-31.
25. *Зализняк А.А.* Указ. работа. С.5.
26. *Милославский И.Г.* Указ. работа. С.175.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистическая наука пополнилась значительным количеством теоретических данных, благодаря возникновению и развитию новой отрасли языкознания — неологии, изучающей процессы лексико-семантического обновления языка. Формирование неологии было вызвано осознанием нового слова как самостоятельной лингвистической категории, прошедшей в своем становлении путь от понимания неологизма как заимствованной русским языком лексической единицы до осмысления его как сложного многомерного явления языка.

Конкретные неологические процессы в развитии словарного состава современного русского литературного языка описаны достаточно детально, в связи с чем изучение новых лексических единиц сводится сегодня к определенному кругу вопросов общего характера, которыми являются проблемы сущности неологизмов, критериев определения новых словарных элементов, типологии новых слов, факторов их появления и т.д.

Категория нового слова относительна по своему характеру, поэтому ее исследование требует прежде всего конкретизации тех границ, применительно к которым она устанавливается. Соответственно этому выделение и анализ неологизмов должен осуществляться в рамках *определенной сферы языкового пространства*:

1) по отношению к языку, что диктуется несовместимостью в содержании указанного понятия свойств языковых и речевых инноваций, как прямо противоположных по своему характеру;

2) по отношению к общеупотребительной сфере языкового пространства, что представляется практически реальным и наиболее значимым социально;

3) применительно к собственно лексическим единицам (словам), что отвечает, во-первых, содержанию понятия “неологизм”, а тем самым обеспечивает его семантическую четкость, определенность — свойства, обязательные для конститuentов любых терминосистем, во-вторых, — сложившемуся к настоящему времени пониманию языковой структуры как иерархии определенных относительно самостоятельных структурных областей и в результате этого не противоречит принципу дифференциации научных сфер.

Несомненно, что системообразующим фактором категории нового является также фактор времени, который дважды входит в понятие “новое слово”. Во-первых, это отрицание повторяемости в ряде предшествующих событий — внешнее, фоновое, календарное время; во-вторых, это неповторяемость в качественной определенности самого нового — внутреннее, лингвистическое время, измеряемое трансформациями лингвистического статуса слова. Сказанное обуславливает неоднородность объема понятия “неологизм”, в состав которого входят как собственно неологизмы, так и относительные неологизмы, известные ранее за пределами общеупотребительной лексики, а на данном историческом этапе в силу актуализации обозначаемых понятий изменившие свое положение в лексической системе.

Конкретизация *категории движения*, структура которого состоит из ряда неоднородных элементов, позволяет отграничить собственно неологизмы как проявление процесса развития от других видов инноваций, соотнесенных с другими видами движения — взаимодействием, взаимовлиянием и перемещением.

Исследование процесса неологизации не только способствует изучению определенных вопросов лексикологии; оно имеет большое значение для решения сложных про-

блем *общей теории языка*, в частности, проблемы языкового развития, роли социальных и внутрисистемных факторов в эволюции языка.

Появление лексических инноваций отражает изменение в бесконечно разнообразном мире вещей, общественную деятельность человека, работу человеческого сознания. При этом следует добавить, что в конце XX — начале XXI в.в. в России возникли такие политические, экономические, культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к активному принятию новых заимствованных слов и как следствие этого массовое вхождение заимствований в словарь русского языка (*брокер, дилер, имидж, ремейк, саммит* и др.).

Иноязычное влияние активно не только на уровне лексики, но и на других участках русской языковой системы. Так, по сложившейся в европейских языках культурной традиции для новых названий, введение которых требует развитие научно-технической мысли, используется довольно постоянный набор морфем греческого и латинского происхождения. Они сочетаются в разных комбинациях по стандартным для данного типа слов интернациональным моделям (*бионавт* ‘человек, находящийся длительное время в искусственно созданной среде обитания’, *видеотека* ‘собрание видеозаписей’, *радиофобия* ‘страх перед радиацией’ и др.). Структурные и семантические свойства данных лексических инноваций открывают им облегченный доступ в вокабуляры разных языков. Активно протезируя новообразованиям указанного типа, современный русский язык отдает тем самым явное предпочтение такой тенденции языкового развития, как *тенденция к международности (интернационализации)*, которая характеризует в настоящее время многие мировые языки.

Эта линия языкового развития проявляется также в распространении в системе русского языка таких словообразовательных структур, как телескопические аббревиатуры (*бионика* > биология + электроника, *биотектура* > биология + архитектура, паралангист > парашютист + аквалангист и др.) и усечения типа *Афган* < Афганистан, *импровиз* < импровизация, *стагнат* < стагнация и др.), получившие широкое распространение в языках европейско-американского ареала.

В русле этой тенденции находятся и некоторые грамматические инновации; в частности, есть основания полагать, что в современной прессе не без иноязычного влияния появились новые субстантивные формы типа *национализмы, негативности, реальности и т.п.*

Согласно специфике внешней детерминированности процессов неологизации активизируются соответствующие движущие силы внутриязыкового развития.

В этом плане прежде всего следует отметить языковую экономию и регулярность внутриязыковых отношений.

Тенденция к экономии отвечает стремлению современного общества к увеличению информативности текста за счет его сокращения. Она находит свое выражение в результатах действия различных средств универбации, которые позволяют наименьшим набором знаковых средств передать максимум информации: сложные слова (*палеокосмонавтика* ‘раздел астронавтики, изучающий возможность и следы пребывания внеземных цивилизаций на Земле в прежние эпохи’, *робот-сварщик* ‘роботизированный сварочный аппарат’, *фильм-притча* ‘фильм, являющийся иносказательным повествованием с нравоучительным выводом’), суффиксальные универбаты (*переговорник* ‘пере-

говорное устройство', протокол 'протокольная служба', социалка 'социальное обеспечение'), аббревиатуры (ГНС 'государственная налоговая служба', СМИ 'средства массовой информации', у.е. — 'условная единица'), семантические стяжения (*болевой* 'острый, злободневный', *горячий* 'выражающий то, что соответствует интересам текущего времени'; ср. *болевая точка, по горячему следу*).

С другой стороны, эти же лексические инновации, устанавливая во многих случаях однозначное соответствие между означаемым и означающим, способствуют языковому автоматизму: отдельное значение — отдельный знак, а тем самым — формальной лексической регулярности в системе языка, что отвечает знаковому характеру последнего как средства коммуникации.

Тенденция к регулярности проявляется также и на семантико-парадигматическом уровне. В этом плане она устанавливает симметричные отношения внутри отдельных лексических парадигм, отвечая потребности дифференциации или, наоборот, обобщения родо-видовых понятий (ср.: *фильм* и *фильм-баллада, фильм-плакат, фильм-притча* и т.д.).

Особенно ярко рассматриваемая тенденция обнаруживается в характере организации новых сложных слов, подавляющая часть которых отмечена регулярно повторяющимися начальным или финальным компонентом. Такая структурно и семантически однотипно организованная лексика образует целые ряды идентичных структур (слова на *авто-, био-, -лог, -вед, -провод* и т.п.). Серии таких новообразований постоянно растут, демонстрируя давление системы в целом и каждой малой системы в отдельности.

Современные неологизмы — это, главным образом, сложные слова. Для них характерна общая двухчастность, прозрачность структуры, логический характер мотивиров-

ки значения. Все это создает ту внутреннюю логику словарной единицы, которая делает слово в целом понятным, самообъяснимым (*видеокафе, лавиноведение, снегосвалка* и др.). Преобладание среди неологизмов структур подобного рода свидетельствует о том, что наиболее перспективными на данном этапе современности оказываются слова, смысл которых раскрывается самой их формой, что позволяет сделать вывод *о стремлении языка к мотивированности наименований*. В силу этого деривативные новообразования, недостаточно мотивированные из-за присущей многим аффиксам многозначности, оказываются потесненными в современной системе средств коммуникации.

Стремление к мотивированности усиливает аналитическое и агглютинативное начало в строе русского языка, поскольку мотивированность наименования предполагает четкое внешнее выражение логической структуры обозначаемого понятия. В новообразованиях такого рода отчетливо ощущается их “составленность” из двух и более компонентов, швы между которыми носят ярко выраженный характер (*изотека* ‘собрание произведений изобразительного искусства’, панк-джаз ‘синтез джаза и панк-рока, *фруктопровод* ‘приспособление для транспортировки фруктов’). Особенно наглядно усиление агглютинатизма в системе русского языка демонстрируют аффиксоиды, получившие широкое распространение в силу присущей им способности свободно соединяться с практически бесконечным числом новых основ или слов (*телематериалы, теленеделя, телеобращение, телеопера, телепереключка* и т.д.).

На морфологическом уровне *усиление агглютинатизма не следует рассматривать как процесс, направленный против флективности*; наряду с ослаблением некоторых флективных противоположений, например, типа

“существительные мужского рода — существительные женского рода со значением лица” в силу развития двуродовых имен (*бионик, дилер, брокер* и т.п.), одинаково применяющихся как к лицам мужского, так и женского пола, в русском языке одновременно усиливается система флективной дифференциации (ср. развитие форм множественного числа у существительных, ранее употреблявшихся только в форме единственного числа (*антагонизм — антагонизмы, бизнес — бизнесы, национализм — национализмы*)).

Разрешение противоречия между информационной и экспрессивной функциями языка в пользу последней проявляется в усилении внутриязыковой *тенденции к экспрессивности*. Вторичная номинация, вызванная экспрессивной потребностью, наглядно представлена среди новых слов литературного языка: это разговорная, просторечная, жаргонная лексика, слова, эмоционально-экспрессивно окрашенные и т.п.: *жвачка и жевачка* ‘жевательная резинка’, *кач* ‘бодибилдинг’, *намазка* ‘деньги, выплачиваемые сверх заработанных’, *отсидент* ‘тот, кто отбыл срок заключения’, *торчать* ‘получать удовольствие’. Указанная линия в развитии языка получает устойчивую *внеязыковую поддержку*, в качестве которой выступают *изменения в психологической установке масс, в их языковом вкусе и чутье*, ведущие к демократизации языка. Современный языковой вкус заставляет опробовать самые различные способы коммуникации, что в целом можно оценивать положительно, поскольку прием языковой демократизации связан с яркими, истинно народными, выразительными элементами, разнообразящими речь.

Однако наряду с положительными сдвигами в построениях носителей языка перестройка общественной

психологии сопровождается негативными перехлестами, вот почему установка на свободу сопрягается со стихийным потаканием, небрежностью говорящих; в результате через речь, которая согласно новому языковому вкусу насыщена просторечием и жаргоном, в систему литературного языка приходит все, что ранее было характерно для раскованной бытовой коммуникации (и многое сверх того). Подобные маложелательные элементы притупляют ощущение чистоты языка; литературная норма становится менее определенной и обязательной.

Перечисленные тенденции, играя ведущую роль в процессе развития лексической системы современного русского литературного языка, вместе с тем не являются единственными и всеобъемлющими движущими силами. Они — лишь временное разрешение языковых антиномий в одном из возможных направлений. В связи с этим указанные линии языковой динамики испытывают противодействие со стороны других факторов развития словарного состава языка и всей языковой системы в целом. Так, само явление экономии неотделимо от своей противоположности — явления избыточности, тенденции к регулярности противостоит тенденция к экспрессивности, наряду с мотивированными обозначениями появляются новые номинации, полностью исключаящие анализ «внутренней формы» (*ка-раоке* ‘исполнение песни под фонограмму’, *кастинг* ‘лов рыбы индивидуальными рыболовными снарядами как вид спорта’, *кик* ‘ритмический танец; музыка к нему’ и т.д.). Языковая динамика — борьба разнонаправленных процессов; разрешение одного противоречия немедленно порождает другое, поэтому ни одна тенденция, какой бы активной она ни была, не может возобладать.

Бесспорно, изучение новых слов имеет боль-

шое значение в общественно-историческом, культурно-познавательном и лингвистическом отношениях; данное обстоятельство в свою очередь позволяет высказать некоторые соображения по поводу *перспектив дальнейших исследований в области неологии*.

Прежде всего необходимо уделить более пристальное внимание изучению инноваций на разных уровнях системы языка, что в итоге даст возможность *представить появление новых языковых фактов как единый всеобъемлющий процесс*.

Данная перспектива неологических исследований соответствует существующему в лингвистической науке утверждению о том, что лингвистика будущего — это слияние (разумеется, не механическое) нынешних ярусов и уровней в цельное представление о системе того или другого языка. Если иметь в виду эту общую задачу современной науки, то неология должна не столько размежевываться с другими научными отраслями, сколько находить с ними точки соприкосновения.

Кроме задачи описания неологизмов русского языка, актуальной является задача неологического изучения других языковых систем с целью *сравнительно — сопоставительного изучения процесса неологизации*, установления тенденций языкового обновления, специфических для отдельного языка и общих для ряда языковых систем, обсуждения возможностей языкового планирования и прогнозирования и т.д.

Интенсивное пополнение лексико-фразеологического состава большинства развитых языков во второй половине XX века отразилось на развитии и углублении теоретических представлений в области неологии; накопленные неологами разных стран практические и теоретические

данные могут быть обобщены и систематизированы, что в конечном счете будет способствовать созданию *общей теории неологии*.

Одна из важнейших перспектив развития неологии — *неологизм и культура страны*; хотя процесс неологизации в той или иной степени характеризует все национальные языки, в каждой стране отношение к нему особенное. Россия — страна, в которой отношение к различного рода инновациям очень демократичное. Частное направление указанной перспективы развития неологической мысли — *неологизм и мировоззрение*. Слова Г. Шухардта “между действительностью и языком стоит мировоззрение” исчерпывающе передают главную идею этого направления исследования нового в языке: новые слова и значения есть тот материал, опираясь на который, можно изучить современные представления о мире и человеке, а также получить, хотя бы не полностью, ответ на вопрос, *что такое современная русская языковая личность*, в структуру которой на лингвокогнитивном уровне в качестве единиц входят обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются слова, в том числе и новые.

Наконец, следует наметить еще одну возможную перспективу развития неологии, носящую прикладной характер, — это *организационные аспекты неологической науки*, которые предусматривали бы регуляризаторскую деятельность определенных неологических учреждений, своего рода “наблюдательных неологических пунктов”, осуществляющих сбор и фиксацию неологизмов, их лингвистическую обработку, оказание “неологической помощи” для потенциальных создателей новых слов (изобретателей, переводчиков, журналистов, работников рекламы и т.п.), унификацию новой терминологии, освещение “службы

неологизмов” в различных печатных изданиях и т.д. Постоянная служба нового слова необходима как основа для научно-теоретического исследования лексических и других типов инноваций; таким образом, теоретические проблемы неологии тесно связаны с неологической практикой.

Библиография

1. *Аверьянов А.Н.* Система: философская категория и реальность. — М.: Мысль, 1976. — 189 с.
2. *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л.: Наука, 1988. — 239 с.
3. *Акимова Г.Н.* Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка: Учеб. пособие. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — 130 с.
4. *Акуленко В.В.* Вопросы интернационализации словарного состава языка / Харьковск. ун-т. — Харьков, 1972. — 215 с.
5. *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РАН. Ин-т лингв. исследований. — СПб., 1999. — 40 с.
6. *Алаторцева С.И.* Русская неология и неография: Современное состояние и перспективы / Ленингр. гос. обл. ун-т. — СПб., 1998. — 217 с.
7. *Алаторцева С.И.* Словарь одного года // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — СПб, 1997. — С.8-16.
8. *Александрова О.И.* К проблеме классификации новых слов // Науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т. — 1974. — Т.133 — С.3-19.
9. *Александрова О.И.* Неологизмы и окказионализмы // Науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т. — 1975. — Т.145 — С.3-9.
10. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы фразеомобразовательной комбинаторики // Рус. языкознание. — Киев, 1992. — Вып.24. — С.23-50.
11. *Алефиренко Н.Ф.* Соотношение значения и смысла в современной семантике // Семантика и уровни

- ее реализации: Сб. науч. тр. — Краснодар, 1994. — С.4-8.
12. **Алефиренко Н.Ф.** Спорные проблемы семантики. — Волгоград: Перемена, 1999. — 271 с.
 13. **Алефиренко Н.Ф.** Теоретические проблемы фразеомообразующего взаимодействия языковых уровней // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. — Волгоград, 1996. — С.3-5
 14. **Алефиренко Н.Ф.** Теория языка: Введение в общее языкознание: Учеб. пособие. — Волгоград: Перемена, 1998. — 440 с.
 15. **Алефиренко Н.Ф.** Фразеологические инновации в русском языке советского периода // Рус. языкознание. — Киев, 1988. — Вып.17. — С.3-11.
 16. **Алефиренко Н.Ф.** Фразеология в системе современного русского языка. — Волгоград: Перемена, 1993. — 149 с.
 17. **Аристотель.** Поэтика // Античные теории языка и стиля. — М.; Л., 1936. — С.174-188.
 18. **Арутюнова Н.Д.** О новом, первом и последнем // Логический анализ языка: язык и время: Сб. ст. — М., 1997. — С.170-201.
 19. **Арутюнова Н.Д.** Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика: Сб. ст. — М., 1979. — С.147-173.
 20. **Архангельский В.А.** Устойчивые фразы в современном русском языке. — Ростов н / Д: Изд-во Рост. унта, 1964. — 315 с.
 21. **Аспекты семантических исследований / Уфимцева А. А, Кубрякова Е.С., Арутюнова Н.Д. и др.** — М.: Наука, 1980. — 357 с.
 22. **Ахманова О.С.** Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 296 с.

23. **Бабкин А.М.** Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л.: Наука, 1970. — 263 с.
24. **Бархударов Л.С.** Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 239 с.
25. **Бацевич Ф.С.** Образ языка в науке конца XX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9, Филология. — М., 1996. — №4. — С.175-180.
26. **Березин Ф.М., Головин Б.Н.** Общее языкознание: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1979. — 416 с.
27. **Березинский В.П., Борисенко И.И., Бортничук Е.Н.** Английские неологизмы. — Киев: Наукова думка, 1983. — 172 с.
28. **Блинова О.И.** Явление мотивации слов. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. — 191 с.
29. **Бодуэн де Куртене.** Избранные работы по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 391 с.
30. **Бондарко А.В.** Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976. — 255 с.
31. **Бородкин В.В.** Проблемы отрицания и развития. — М.: Наука, 1991. — 178 с.
32. **Борте Л.В.** Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. — Кишинев: Штиинца, 1977. — 108 с.
33. **Бояркина В.Д.** Новая глагольная лексика в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т лингв. исследований. — СПб., 1993. — 17 с.
34. **Бояркина В.Д.** О некоторых особенностях новой глагольной лексики // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1983. — С.93-102.
35. **Брагина А.А.** Неологизмы в русском языке: Пособие для студентов и учителей. — М.: Просвещение,

1973. — 224 с.
36. **Брагина А.А.** Синонимический ряд: словосочетание — слово // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.81-94.
37. **Будагов Р.А.** Проблемы развития языка. — М.; Л.: Наука, 1965. — 73 с.
38. **Будагов Р.А.** Что такое развитие и совершенствование языка? — М.: Наука, 1977. — 263 с.
39. **Булич С.К.** Очеркъ истории языкознания в Россіи. — СПб., 1904. — 1248 с.
40. **Бурмистрович Ю.Я.** К проблеме фразеологических неологизмов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1972. — С.82-88.
41. **Буслаев Ф.И.** Преподавание отечественного языка. — М.: Просвещение, 1992. — 512 с.
42. **Буцева Т.Н.** Истоки развития и современное состояние неологического направления русской академической лексикографии // Русская академическая неография. — Спб., 2000. — С.7-15.
43. **Българистични** студии / Сост. Холевич И., Павлов И. — София: Изд-во “Св. Климент Охридски”, 1995. — 252 с.
44. **Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика. — М.: Высш. шк., 1990. — 175 с.
45. **Веселитский В.В.** Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
46. **Виноградов В.В.** Лексикология и лексикография: Избр. тр. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
47. **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. — М.: Высш. шк., 1982. — 528 с.
48. **Виноградов В.В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1986. — 640 с.

49. **Виноградов В.В.** Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С.166-220.
50. **Виноградов В.В.** Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопр. языкознания. — М., 1995. — №1. — С.5-33.
51. **Виноградов В.В.** Современный русский язык: Введение в грамматическое учение о слове. — М.: Учпедгиз, 1938. — 590 с.
52. **Винокур Г.О.** Маяковский — новатор языка. — М.: Сов. писатель, 1943. — 136 с.
53. **Влияние** социальных факторов на функционирование и развитие языка / **Дешериев Ю.Д., Панов М. В., Туманян Э.Г.** и др. — М.: Наука, 1988. — 198 с.
54. **Воронина Н.Н.** Существительные на -ация в современном русском языке: реальность и прогнозы // Рус. яз. в шк. — М., 1993. — №1. — С.50-53.
55. **Вострякова Н.А.** Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 1998. — 22 с.
56. **Вострякова Н.А.** Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 1998. — 222 с.
57. **Габинская О.А.** О понятии новизны лексической единицы в ономасиологическом исследовании // Науч. тр. / Курск. пед. ин-т. — 1980. — Т.205. — С.16-24.
58. **Габинская О.А.** Различные аспекты анализа лексических новообразований // Науч. тр. / Курск. пед. ин-т. — 1974. — Т.47. — С.3-12.
59. **Габо В.** Новые слова в русском языке // Родной язык в школе. — М., 1924. — №5. — С.26-29.

60. **Гак В.Г.** Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Гак В.Г., Телия В.Н., Вольф В.М. и др. — М., 1988. — С.11-26.
61. **Гак В.Г.** Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1983. — С.15-29.
62. **Гак В.Г.** О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.37-52.
63. **Гак В.Г.** Пространство времени // Логический анализ языка (язык и время): Сб. ст. — М., 1997. — С.122-130.
64. **Гак В.Г.** [Рецензия] // Вопр. языкознания — М., 1971. — №6. — С.122-126.
65. **Гак В.Г.** Языковые преобразования. — М.: Шк. “Языки русской культуры”, 1998. — 768 с.
66. **Геккина Е.Н.** Семантико-функциональные изменения прилагательных в современном русском языке конца 80-90 годов XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб, 1999. — 21 с.
67. **Гловинская М.Е.** Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Гловинская М.Е., Земская Е.А., Какорина Е.В. и др. — М., 1996. — С.239-295.
68. **Глушков Н.К.** Из истории проблемы неологизмов // Русское языкознание. — Алма-Ата, 1970. — Вып.2. — С.85-100.
69. **Говердовская Е.В.** Новые существительные в лексике русского литературного языка // Рус. яз. в шк. — М., 1992. — №3-4. — С.46-48.
70. **Говердовский В.И.** Динамика коннотации // Эволюция системных характеристик языковых единиц: Сб. ст. — Самара, 1992. — С.93-99.
71. **Головин Б.Н.** Введение в языкознание: Учеб. посо-

- бие. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1977. — 311 с.
72. *Гольцова Н.Г.* Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма // Рус. яз. в шк. — М., 1993. — №3. — С.81-96.
73. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского языка: Пособие для учителей. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1981. — 239 с.
74. *Грамматические* исследования: Функционально-стилистический аспект // *Ильина Н.Е., Воронцова В.И., Голанова Е.И.* и др. — М.: Наука, 1991. — 247 с.
75. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. — М.: Наука, 1980. — 288 с.
76. *Гулыга Е.В., Розен Е.В.* Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка: Учеб. пособие. — Л.: Просвещение, 1977. — 160 с.
77. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
78. *Гухман М.М.* О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М., 1970. — С.153-167.
79. *Даниленко В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М.: Наука, — 1977. — 246 с.
80. *Данченко Н.Н., Орловская Л.Я.* Структурно-семантические особенности фразеологических неологизмов // Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике: Сб. ст. — Рига, 1985. — С.55-63.
81. *Домашнев А.И.* Развитие лексики немецкого языка ГДР и ФРГ и лексикографическая практика // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1983. — С.5-14.

82. *Дуличенко А.Д.* Русский язык конца XX столетия. — Мюнхен: Sagner, 1994. — XII, 347 с.
83. *Думитреску М.* Новое в лексике современного русского языка. — Бухарест, 1977. — 120 с.
84. *Егорова К.Л.* О так называемом телескопическом словообразовании // Филол. науки. — М., 1985. — №5. — С.56-61.
85. *Елфимов Г.Н.* Возникновение нового. — М.: Мысль, 1983. — 187 с.
86. *Ермакова О.П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Гловинская М.Е., Земская Е.А., Какорина Е.В. и др. — М., 1996. — С.32-67.
87. *Есперсен О.* Философия грамматики. — М.: Иностранная литература, 1958. — 404 с.
88. *Жуков В.П.* О смысловом центре фразеологизмов // Проблемы фразеологии: Сб. ст. — М.-Л., 1964. — С.140-150.
89. *Жуков В.П.* Русская фразеология: Учебник. — М.: Высш. шк., 1986. — 310 с.
90. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1978. — 160 с.
91. *Журавлев В.К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М.: Наука, — 1982. — 328 с.
92. *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка: Учеб. пособие — М.: Высш. шк., 1989. — 124 с.
93. *Заботкина В.И., Степанов Г.М.* Неологизмы в современном английском языке: Учеб. пособие/ Калининградск. ун-та. — Калининград, 1982. — 79 с.
94. *Заварзина Г.А.* Семантические изменения в общественно-политической лексике русского языка в 80-90-е гг. XX века (по материалам словарей и газетной публицистики): Автореф. дис. ... канд. филол.

- наук / Воронеж. гос. пед. ун-т. — Воронеж, 1998. — 23 с.
95. **Зализняк А.А.** Предисловие // Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1977. — С.3-11.
96. **Зализняк А.А.** Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967. — 370 с.
97. **Захарова М.Н.** О некоторых вопросах словотворчества // Уч. зап. / Кишинев. ун-т. — 1982. — Т.47. — Вып.1. — С.23-29.
98. **Звегинцев В.А.** Семасиология. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. — 322 с.
99. **Земская Е.А.** Активные вопросы словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Гловинская М.Е., Земская Е.А., Какорина Е.В. и др. — М., 1996. — С.90-141.
100. **Земская Е.А.** Из истории русской лексики 19 в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. — М., 1957. — С.5-54.
101. **Земская Е.А.** Оказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы респ. науч. конф. — Самарканд, 1972. — С.19-28.
102. **Земская Е.А.** Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М.: Русский язык, 1987. — 237 с.
103. **Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.** Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — 276 с.
104. **Земская Е.А.** Современный русский язык (Словообразование): Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
105. **Земская Е.А.** Словообразование как деятельность.

- М.: Наука, 1992. — 220 с.
106. **Иванов А.И.** Лексическая номинация как деятельность // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1983. — Вып.212. — С.72-82.
107. **Инновации** на разных языковых уровнях: Сб. науч. тр. / Латв. гос. ун-т / Под ред. **Орловской Л.Я.** — Рига, 1978. — 147 с.
108. **Каде Т.Х.** Основные факторы динамики словообразовательной системы // Филология = Philoljgia. — Краснодар, 1994. — №3. — С.12-15.
109. **Калечиц Е.П.** Взаимодействие слов в системе частей речи: межкатегориальные связи. — Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1990.-157 с.
110. **Калинин А.В.** Лексика русского языка. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. — 231 с.
111. **Калинин А.В.** Лексика русского языка. — 3-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 232 с.
112. **Карасик В.И.** Язык социального статуса / РАН. Ин-т языкознания. — М., 1992. — 330 с.
113. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
114. **Караулов Ю.Н.** Эволюция, система и общерусский языковой тип // Русистика сегодня: Сб. ст. — М., 1988. — С.1-33.
115. **Карпенко М.А.** Актуальные процессы развития лексико-семантической системы русского литературного языка советской эпохи // Великий Октябрь и русский язык. — Киев — Лейпциг, 1977. — С.124-141.
116. **Карпович А.Е., Малаховский Л.В.** О принципах построения “Словаря английских неологизмов” Барнхарта К.Л. // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.64-71.
117. **Карцевский С.О.** Об асимметричном дуализме линг-

- вистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. — М., 1965. — С.85-90.
118. **Катлинская Л.П.** Из актуальной лексики // Рус. речь. — М., 1993. — №2-6.
119. **Кацнельсон С.Д.** Содержание слова, значение и обозначение. — М.-Л.: Наука, 1965. — 111 с.
120. **Кильдибекова Т.А., Миниярова И.М., Газизова Р.Ф.** и др. Функциональное словообразование русского языка: Учеб. пособие. — Уфа: Башк. гос. ун-т, 1997. — 111 с.
121. **Кириллова Н.Н.** О денотате фразеологической семантики // Вопр. языкознания. — М., 1986. — №1. — С.82-90.
122. **Кисилева Н.Н.** Становление словообразовательных новообразований (на материале печатной бытовой рекламы современного немецкого языка) // Теоретические вопросы немецкой филологии: Сб. ст. — Горький, 1974. — С.41-51.
123. **Клименко Г.В.** Структура лексических новообразований современного русского языка 70-х годов XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АПН СССР. НИИ преподавания рус. яз. в нац. шк. — М., 1984. — 15 с.
124. **Клушина М.И.** Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. — М., 1995. — 25 с.
125. **Кодухов В.И.** Общее языкознание: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1974. — 303 с.
126. **Кожин А.Н.** Из истории изучения словарного состава русского языка в советском обществе // Уч. зап. / Моск. пед. ин-т. — М., 1963. — Т.138. — Вып.8 — С.44-65.

127. **Кожин А.Н.** Обогащение словарного состава русского языка в советскую эпоху // Рус. яз. в шк. — М., 1957. — №5. — С.28-36.
128. **Козловская М.М.** Семантическая деривация как источник новых обозначений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1995. — 21 с.
129. **Колесов В.В.** Язык и ментальность. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 240 с.
130. **Колина Е.В., Майорова А.В.** Роль социомаркеров в появлении неологизмов // Языковая динамика: Сб. ст. — Тверь, 1996. — С.34-57.
131. **Колшанский Г.В.** Некоторые вопросы семантики в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований: Сб. ст. — М., 1976. — С.3-27.
132. **Комлев Н.Г.** Компоненты содержательной структуры слова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 192 с.
133. **Косовский Б.И.** Общее языкознание (Учение о слове и словарном составе языка): Учеб. пособие. — Минск.: Вышэйш. шк., 1974. — 270 с.
134. **Костинский Ю.М.** К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка // Литературная норма и просторечие: Сб. ст. -М., 1977. — С.118-145.
135. **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М.: Педагогика — Пресс, 1994. — 247 с.
136. **Котелова Н.З.** К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: Сб. ст. — М., 1970. — С.122-126.
137. **Котелова Н.З.** Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.5-26.

138. **Котелова Н.З.** Проект словаря новых слов русского языка. — Л.: Наука, 1982. — 86 с.
139. **Котелова Н.З.** Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография: Сб. ст. — М., 1988. — С.46-63.
140. **Кржишник Э.** Производные, образованные на основе фразем // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. — Волгоград, 1996. — С.85-88.
141. **Крысин Л.П.** Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Гловинская М.Е., Земская Е.А., Какорина Е.В. и др. — М., 1996. — С.142-157.
142. **Кубрякова Е.С.** Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Наука, 1986. — 155 с.
143. **Кубрякова Е.С.** Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка: Сб. ст. — М., 1987. — С.43-51.
144. **Кубрякова Е.С.** Типы языковых значений: Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
145. **Кубрякова Е.С.** Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978. — 115 с.
146. **Кубрякова Е.С.** Что такое словообразование? — М.: Наука, 1965. — 78 с.
147. **Кудрявцева Л.А.** Моделирование динамики словарного состава (на материале лексических новаций русского языка): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Киев. гос. ун-т. — Киев, 1992. — 46 с.
148. **Кулинич И.А.** Семантическая деривация в русской лексике 60-80-х годов и ее отражение в неографических и других лексикографических источниках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Киев. гос. ун-т. — Киев, 1990. — 22 с.
149. **Кулинич М.А.** Телескопное словообразование как

- источник неологизмов // Системные связи в лексике и грамматике германских языков: Сб. ст. — Самара. — 1991. — С.13-19.
150. **Кучинский Ю.Б.** Неологизмы-существительные в современном русском литературном языке (Идеографический и семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одес. гос. ун-т. — Одесса, 1990. — 16 с.
151. **Ларин Б.А.** Очерки по фразеологии // Уч. зап. / Ленингр. ун-т. Сер. филол. наук. — Л., 1956. — Вып.2. — Т.198. — С.200-224.
152. **Харионов Е.В.** Менеджер / Рус. речь. М., 1992. — №3. С.114-117.
153. **Лебедева Л.А.** Семантическая конденсация как способ образования существительных в русском и чешском языках // Семантика и уровни ее реализации: Сб. науч. тр. — Краснодар, 1994. — С.110-116.
154. **Левашов Е.А.** Словари новых слов (краткий обзор) // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.27-36.
155. **Лейчик В.М.** Люди и слова. — М.: Наука, 1982. — 177 с.
156. **Лексика** современного русского литературного языка / **Алексеев Д.М., Барина Г.А., Бахтурина Р.В.** и др. — М.: Наука, 1968. — 186 с.
157. **Лексикология** английского языка: Учеб. пособие / **Ворно Е.В., Кащеева М.А., Малишевская Е.В.** и др. — Л.: Учпедгиз, 1955. — 170 с.
158. **Лексические** и грамматические инновации: Сб. науч. тр. / Латв. гос. ун-т; Отв. ред. Орловская Л.Я. — Рига, 1982. — 166 с.
159. **Логика:** Учебное пособие / **Бартон В.И., Берков В.Ф., Левин Т.А.** и др.; Ред. Левин Т.А. — Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1974. — 336 с.

160. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Сочинения. — СПб.: Издание императорской Академии наук, 1898. — С.27-235.
161. *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание. — М.: Наука, 1976. — 381 с.
162. *Лопатин В.В.* Рождение слова: Неологизмы и окказиональные новообразования. — М.: Наука, 1973. — 152 с.
163. *Лопатин В.В.* Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.72-80.
164. *Лукин М.Ф.* К вопросу о взаимосвязи синхронии и диахронии в словообразовании // Филол. науки. — М., 1997. — №5. — С.89-98.
165. *Лыков А.Г.* Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? // Рус. яз. в шк. — М., 1972. — №2. — С.85-89.
166. *Лыков А.Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1976. — 119 с.
167. *Мальцева И.И., Молотков А.И., Петрова З.М.* Лексические новообразования в русском языке 18 в. — Л.: Наука, 1975. — 371 с.
168. *Маркова Э.В.* Некоторые закономерности именного словообразования в новейший период // Вестн. Удмурт. ун-та. — Ижевск, 1996. — №7. — С.78-82.
169. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1975. — 327 с.
170. *Межкатегориальные* связи в грамматике / *Бондарко А.В., Воейкова М.Д., Козинцева Н.А.* и др.; Отв. ред. *Бондарко А.В.* — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 231 с.
171. *Маринова Е.В.* Проблемы отечественной неологии.

- Нижний Новгород: Нижегород. гос. унт, 2003. — 70 с.
172. *Мажельская О.С., Степанова Е.И.* Новейшие англицизмы в русском языке // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.125-139.
173. *Миклин А.М., Подольский В.А.* Категория развития в марксистской диалектике. — М.: Мысль, 1980. — 165 с.
174. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка (на базе неологической метафоризации общеупотребительной лексики в газетной публицистике 1992-1997 годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 1998. — 116 с.
175. *Мистюк Т.А.* Тенденции семантической эволюции современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. — Барнаул, 1998. — 16 с.
176. *Миськевич Г.И.* К вопросу о норме в словообразовании // Грамматика и норма: Сб. ст. — М., 1977. — С.42-61.
177. *Миськевич Г.И., Чельцова Л.К.* Новые слова, их принятие и нормативная оценка: Проблема новых слов в культурно-речевом аспекте // Актуальные проблемы культуры речи: Сб. ст. — М., 1970. — С.224-276.
178. *Моисеев А.И.* Основные вопросы словообразования в современном русском языке. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 206 с.
179. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1989. — 287 с.
180. *Мокиенко В.М.* Фразеобразование и семантика // Словообразование и фразеобразование: Тез. и докл. науч. конф. — М., 1979. — С.148-150.
181. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. — Л.: Наука, 1977. — 283 с.

182. *Морфология* и синтаксис современного русского литературного языка / *Воронцова В.В., Граудина Л.К., Кузьмина С.М.* и др. — М.: Наука, 1968. — 367 с.
183. *Москвин В.П.* Классификация русских метафор // Языковая личность и культурные концепты: Сб. науч. тр. — Волгоград, 1996. — С.3-16
184. *Москвин В.П.* Русская метафора: Семантическая, структурная, функциональная классификация: Учеб пособие. — Волгоград, 1997. — 91 с.
185. *Мурадов В.* Съвременни словообразователни процеси: Очерк върху българско словообразуване. — София: Наука и изкуство, 1983. — 137 с.
186. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. — М.: Наука, 1971. — 298 с.
187. *Мягкова Е.Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: Опыт психолингвистического исследования. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. — 109 с.
188. *Назарян А.Г.* Фразеология современного французского языка: Учеб. — 2-е изд. доп. — М.: Высш. шк., 1987. — 288 с.
189. *Намитокова Р.Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. — 160 с.
190. *Намитокова Р.Ю.* Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной русской поэзии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т. — М., 1989. — 32 с.
191. *Неологизмы* в лексике, грамматике, фонетике: Сб. науч. тр. / Отв. ред. *Олдырева Л.П.* — Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1985. — 186 с.
192. *Нефляшева И.А.* Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ (на материале 1991-1997 годов): Автореф.

- дис. ... канд. филол. наук / Адыгейск. гос. ун-т. — Майкоп, 1998.-22 с.
193. **Никитевич В.М.** Грамматические категории в современном русском языке. — М.: Учпедгиз, 1963. — 246 с.
194. **Никитин М.В.** К проблеме грамматического значения // Вопросы общего и романо-германского языкознания. — Уфа, 1964.
195. **Никитин М.В.** Лексическое значение слова: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1983. — 127 с.
196. **Никитин М.В.** О семантике метафоры // Вопр. языкознания. — М., 1979. — №1. — С.92-102.
197. **Никитин М.В.** Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1988. — 165 с.
198. **Никитченко Н.С.** Семантические неологизмы, возникшие морфологическим путем от другого значения того же производного слова // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1990. — С.27-35.
199. **Никитченко Н.С.** Семантическая продуктивность терминов // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1983. — С.111-117.
200. **Никитченко Н.С.** Семантические неологизмы русского языка последних десятилетий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. яз. — Л., 1985. — 22 с.
201. **Новиков Л.А.** Семантика русского языка: Учеб. пособие — М. Высш. шк., 1982. — 272 с.
202. **Новые** слова и словари новых слов: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Отв. ред. **Котелова Н.З.** — Л.: Наука, 1978. — 184 с.
203. **Новые** слова и словари новых слов: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Отв. ред. **Котелова Н.З.** — Л.: Наука, 1983. — 223 с.

204. *Новые* слова и словари новых слов: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Ред. *Котелова Н.З.* — Л.: Наука, 1990. — 165 с.
205. *Новые* слова и словари новых слов: Сб. ст. / РАН. Ин-т лингв. исследований; Ред. *Левашов Е.А.* — СПб., 1997. — 169 с.
206. *Общее* языкознание: Внутренняя структура языка / *Кубрякова Г.И., Мельников Г.П., Булыгина Т.В.* и др.; Отв. ред. *Серебрянников Б.А.* — М.: Наука, 1972. — 565 с.
207. *Общее* языкознание: Формы существования, функции, история языка / *Серебрянников Б.А., Уфимцева А.А., Булыгина Т.В.*; Под ред. *Серебрянникова Б.А.* — М.: Наука, 1970. — 604 с.
208. *Ожегов С.И.* Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1951. — Т.10. — Вып.1 — С.22-36.
209. *Омельченко Л.Ф.* Телескопия — один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка // Филол. науки. — М., 1980. — №5. — С.66-71.
210. *Опарина Е.О.* Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / Гак В.Г., Телия В.Н., Вольф В.М. и др.; Отв. ред. *Телия В.Н.* — М., 1988. — С.65-78.
211. *Осипова Л.И.* Активные процессы в современном русском словообразовании: Пособие по спецкурсу. — М.: Прометей, 1994. — 116 с.
212. *Пауль Г.* Принципы истории языка. — М.: Иностр. литература, 1960. — 500 с.
213. *Петрова З.М.* Новообразования с приставкой *вне-* в современном русском литературном языке // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.95-105.
214. *Плотицын В.Н.* Словообразование на базе иноя-

- зычных по происхождению компонентов сложных слов в современном русском языке // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1990. — С.86-89.
215. **Плотников Б.А.** О форме и содержании в языке: Учеб. пособие. — Минск: Высшейш. шк., 1989. — 254 с.
216. **Плотникова Г.Н.** Образованные по случаю // Рус. речь. — М., 1970. — №1. — С.53-56.
217. **Погребняк А.Н.** Развитие номинативных средств современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Киев. гос. пед. ин-т. — Киев, 1989. — 15 с.
218. **Поливанов Е.Д.** Революция и литературные языки народов Союза ССР / Статьи по общему языкознанию: Избр. работы. — М., 1968. — С.187-205.
219. **Полищук Л.М.** Словообразовательный анализ неологизмов советской научной фантастики // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. — М., 1972. — №19. — С.72-88.
220. **Попов Р.Н.** Взаимодействие в языке лексической и фразеологической систем // Рус. яз. в шк. — М., 1973. — №4. — С.66-72.
221. **Попов Р.Н.** О взаимодействии в языке лексической и фразеологической систем // Проблемы образования фразеологических единиц: Сб. ст. — Тула, 1976. — С.15-28.
222. **Попов Р.Н.** Словообразование на почве фразеологических единиц // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы респ. науч. конф. — Самарканд, 1972. — С.53-62.
223. **Попова З.Д., Стернин И.А.** Лексическая система языка. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — 148 с.
224. **Поповцева Т.Н.** О формировании новых значений

- слов путем семантического стяжения // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.152-159.
225. **Поспелов Н.Е.** Соотношение между грамматическими категориями и частями речи // Вопросы грамматического строя: Сб. ст. — М., 1955. — С.74-91.
226. **Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике. Вып. 1-2. — Харьков: Полуектов, 1888. — VI,535,VI.
227. **Потебня А.А.** Из лекций по теории словесности // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. — С.464-560.
228. **Потебня А.А.** Мысль и язык. — 3-е изд. — Харьков, 1913. — VI, 225 с.
229. **Протченко И.Ф.** Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: Социолингвистический аспект. — М.: Наука, 1975. — 324 с.
230. **Пстыга А.** Лексические инновации в современном русском и польском языках в лексикографической обработке // *Vocabulum et vocabularium*: Сб. науч. тр. — Харьков, 1995. — Вып.2. — С.52-59.
231. **Пугач В.Н.** Деривационное взаимодействие лексического и фразеологического уровней современного русского языка // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. — Волгоград, 1996. — С.79-81.
232. **Пугач В.Н.** К вопросу об изоморфизме словообразовательного и фразеологического процессов // Филологический поиск: Сб. ст. — Волгоград, 1966. — Вып.2. — С.62-68.
233. **Пугач В.Н.** Семасиологические аспекты отфраземного словообразования // Семасиологические аспекты значения: Сб. ст. — Волгоград, 1997. — С.134-144.

234. *Развитие* грамматики и лексики современного русского языка: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. *Мучника И.П.* и *Панова М.В.* — М.: Наука, 1964. — 364 с.
235. *Развитие* лексики современного русского языка: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. *Земской Е.А.* и *Шмелева Д.Н.* — М.: Наука, 1965. — 135 с.
236. *Развитие* современного русского языка: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. *Ожегова С.И.* и *Панова М.В.* — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 172 с.
237. *Ревзина О.Г.* Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: Сб. ст. — М., 1996. — С.303-308.
238. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание: Учеб. пособие. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.
239. *Розен Е.В.* Новое в лексике немецкого языка. — М.: Просвещение, 1976. — 174 с.
240. *Розен Е.В.* Современные вокабулярные неологизмы: (Опыт социолингвистического исследования на материале немецкого языка ГДР и ФРГ): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1971. — 29 с.
241. Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). — СПб., Ин-т лингвистических исследований РАН, 2006. — 188 с.
242. Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). — СПб., Ин-т лингв. исследований РАН, 2006. — 188 с.
243. *Русская* разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / *Гловинская М.Я., Земская Е.А., Капанадзе Л.А.* и др. — М.: Наука, 1983. — 238 с.
244. *Русский* язык и советское общество: Кн.1-4 / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. *Панова М.В.* — М.: Наука, 1968.
245. *Русский* язык и современность (общественные

- функции, развитие, изучение и преподавание) / *Карпенко М.А., Буттке К., Абрамова Е.К.* и др.; Под ред. *Карпенко М.А., Буттке К.* — Киев; Лейпциг, 1989. — 205 с.
246. *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* / *Ермакова О.П., Какорина Е.В., Крысин Л.П.* и др.; Отв. ред. *Земская Е.А.* — М.: Шк. “Языки русской культуры”, 1996. — 480 с.
247. *Сафонова Т.Ю.* Стратегия идентификации новых слов носителями языка: (На материале прилагательных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. — Тверь, 1993. — 17 с.
248. *Свидерский В.И.* О диалектике отношений. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. — 137 с.
249. *Селищев А.М.* Революция и язык // *Селищев А.М.* Избранные труды. — М., 1968. — С.141-146.
250. *Селищев А.М.* Рецензия на статью Баранникова А.П. // Казанский библиофил. — 1921. — №1. — С.69-70.
251. *Семенов Н.А.* Составные части в русском языке // Вісник Київ. ун-ту. Філологія. — Київ, 1977. — Вип.19. — С.68-74.
252. *Семенова С.С.* Речевые неологизмы и их стилистические функции в современной французской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1975. — 29 с.
253. *Сергеев В.Н.* Новые значения старых слов. — М.: Наука, 1979. — 158 с.
254. *Серебрянников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы / Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова В.С. и др. — М., 1977. — С.188-206.
255. *Серебрянников Б.А.* Об относительной самостоятельности развития системы языка. — М.: Наука, 1968. — 127 с.

256. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. — М.: Наука, 1988. — 244 с.
257. *Синячкина Н.А.* Основные тенденции в развитии лексики языка газеты на современном этапе (1985-1996): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. Ун-т дружбы народов. — М., 1997. — 16 с.
258. *Скворцов Л.И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие: Сб. ст. — М., 1977. — С.29-57.
259. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. — М.: Наука, 1980. — 352 с.
260. *Склярёвская Г.Н.* Метафора в системе языка. — СПб.: Наука, 1993. — 151 с.
261. *Склярёвская Г.Н.* Введение // Толковый словарь русского языка конца XX в: Языковые изменения. — СПб., 1998. — С.7-32.
262. *Скрелина Л.М.* Некоторые вопросы развития языка. — Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1973. — 144 с.
263. *Слово* и грамматические законы языка: Глагол / *Шведова Н.Ю., Белоусов В.Н., Касимова Г.К., Коробова М.М.*; Отв. ред. *Шведова Н.Ю.* — М.: Наука, 1989. — 293 с.
264. *Слово* и грамматические законы языка: Имя // *Лопатин В.В., Плотникова В.А., Белоусова А.С.* и др.; Отв. ред. *Шведова Н.Ю., Лопатин В.В.* — М.: Наука, 1989. — 349 с.
265. *Словообразование* современного русского литературного языка / *Алексеев Д.И., Бахтурина Р.В., Голанова Е.И.* и др.; Под ред. *Панова М.В.* — М.: Наука, 1968. — 300 с.
266. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове // Труды / Ин-т языкознания АН СССР. — М., 1954. — Т.4. — С.3-49.

267. **Смирницкий А.И.** Лексикология английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. — 260 с.
268. **Смирницкий А.И.** Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя: Сб. ст. — М., 1955. — С.11-53.
269. **Солнцев В.М.** Язык как системно-структурное образование. — М.: Наука, 1977. — 314 с.
270. **Солодуб Ю.П.** Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филолог. науки. — М., 1997. — №5. — С.43-54.
271. **Сорокин Ю.С.** Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е гг. XIX в. — М.;-Л.: Наука, 1965. — 566 с.
272. **Способы** номинации в современном русском языке / **Шмелев Д.Н., Журавлев А.Ф., Ермакова О.П.** и др.; Отв. ред. **Шмелев Д.Н.** — М.: Наука, 1982. — 296 с.
273. **Срезневский И.И.** Замечания об образовании слов и выражений // Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1873. — Кн.2. — С.243-256.
274. **Степанов Ю.С.** Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. — М., 1995. — С.37-73.
275. **Степанов Ю.С.** Основы общего языкознания: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1966. — 271 с.
276. **Степанова М.Д., Чернышова И.И.** Лексикология современного немецкого языка: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1962. — 310 с.
277. **Стернин И.А.** Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. — 156 с.
278. **Стернин И.А.** Русский язык конца XX века: Изменения в лексико-фразеологической системе // Филологические записки: Сб. ст. — Воронеж, 1997. — Вып.9. — С.149-174.

279. *Сулименко Н.Е.* Новая лексика в ассоциативно-вербальной сети // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — СПб., 1997. — С.43-53.
280. *Тараненко А.А.* Языковая семантика в ее динамических аспектах. — Киев: Наукова думка, 1989. — 256 с.
281. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований / Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. и др.; Отв. ред. Серебренников Б.А., Уфимцева А.А. — М., 1977. — С.129-221.
282. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. — 143 с.
283. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
284. *Тихонов А.Н.* Основные понятия русского словообразования // Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1. — М., 1985. — С.18-51.
285. *Тихонов А.Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. — Самарканд: Самарканд. ун-т, 1971. — 387 с.
286. *Тогоева С.И.* Новое слово — новое знание в коммуникативной и инновационной деятельности человека // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. ст. — Тверь, 1997. — С.115-120.
287. *Торопцев И.С.* Ономаσιологический аспект деривации и проблема интеграции деривационных форм // Деривация и полисемия: Сб. науч. тр. — Тамбов, 1984. — С.24-44.
288. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / РАН. Ин-т рус. яз. — М., 1996. — 221 с.
289. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в

- русском языке и принципы ее описания. — М.: Наука, 1977. — 256 с.
290. **Успенский Б.А.** Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). — М.: Гнозис, 1994. — 240 с.
291. **Уфимцева А.А.** Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация: Виды наименований / Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. и др.; Отв. ред. Серебренников Б.А., Уфимцева А.А. — М., 1977. — С.5-85.
292. **Уфимцева А.А.** Лексическое значение слова. — М.: Наука, 1986. — 240 с.
293. **Уфимцева А.А.** Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968. — 272 с.
294. **Фелицина В.П.** О двух словарях новых слов (французском и русском) в сравнительном плане // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1978. — С.53-62.
295. **Фельдман Н.И.** Окказиональные слова и лексикография // Вопр. языкознания. — М., 1957. — №4. — С.64-73.
296. **Ферм Л.** Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). — Uppsala: Stockholm, 1944. — 236 с.
297. **Филин Ф.П.** Заметки по лексикологии и лексикографии (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. — М., 1957. — Вып.1 — С.36-57.
298. **Фомина М.И.** Современный русский язык (Лексикология): Учебник. — М.: Высш. шк., 1978. — 256 с.
299. **Ханпира Эр.** Метафоричность окказиональных слов // Рус. речь. — М., 1998. — №3. — С.21-23.
300. **Ханпира Эр.** Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразо-

- вания современного русского языка: Сб. ст. — М., 1966. — С.153-166.
301. *Ханпира Эр.* Сталинизм и сталинщина // Рус. речь. — М., 1990. — №2. — С.142-145.
302. *Харченко В.К.* Переносное значение слова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. — 195 с.
303. *Хохлачева В.Н.* Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка: Сб. ст. — М., 1962. — С.166-182.
304. *Хохлачева В.Н.* Проблема словообразовательного значения // Грамматика и норма: Сб. ст. — М., 1977. — С.5-41.
305. *Цыганенко В.П.* Состав слова и словообразование в русском языке. — Киев: Рад. шк., 1978. — 152 с.
306. *Черкасова М.Н.* Заимствованная лексика русского языка конца XX века (1986-1996 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рост. гос. ун-т. — Ростов н / Д, 1997. — 21 с.
307. *Чиркова Е.К.* О критериях отграничения окказиональных слов от новых слов литературного языка // Современная русская лексикография: Сб. ст. — Л., 1975. — С.91-101.
308. *Шанский Н.М.* Деривация слов и фразеологических оборотов (к вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования) // Русское славянское языкознание: Сб. ст. — М., 1972. — С.291-308.
309. *Шанский Н.М.* Из русской фразеологии: О словах, возникших на базе фразеологических оборотов // Рус. яз. в нац. шк. — М., 1960. — №6. — С.75-79.
310. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — 310 с.
311. *Шапошников В.Н.* Русская речь 1990-х: Современ-

- ная Россия в языковом отображении. — М.: МААП, 1998. — 243 с.
312. **Шаховский В.И.** Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учеб. пособие. — Волгоград: Изд-во Волгоград. пед. ин-та, 1983. — 94 с.
313. **Шведова Н.Ю.** Активные процессы в современном русском синтаксисе. — М.: Просвещение, 1966. — 156 с.
314. **Шведова Н.Ю.** Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре: Сб. ст. — М., 1984. — С.7-15.
315. **Шендельс Е.И.** Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями // Иностр. яз. в шк. — М., 1962. — №4. — С.92-99.
316. **Шептулин А.П.** Категории диалектики. — М.: Высш. шк., 1971. — 280 с.
317. **Шмелев Д.Н.** Лексико-семантические изменения в современном русском языке // Рус. яз. в нац. шк. — М., 1966. — №3. — С.6-12.
318. **Шмелев Д.Н.** О некоторых тенденциях развития современной русской лексики // Развитие лексики современного русского языка: Сб. ст. — М., 1965. — С.5-16.
319. **Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973. — 280 с.
320. **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык (Лексика): Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1977. — 335 с.
321. **Шухардт Г.** Избранные работы по языкознанию. — М.: Иностр. литература, 1950. — 292 с.
322. **Щерба Л.В.** Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — 188 с.
323. **Щерба Л.В.** Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — 182 с.

324. *Щерба Л.В.* [О словарях живого литературного языка] // Современная русская лексикография: Сб. ст. — М., 1966. — С.74-77.
325. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — М.: Наука, 1974. — 428 с.
326. *Юдина А.Д.* Оказиональные наименования лиц (на материале периодики 60-х — 80-х годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. — Л., 1989. — 22 с.
327. *Языковая* номинация: Общие вопросы (I) / *Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Уфимцева А.А.* и др.; Отв. ред. *Серебрянников Б.А., Уфимцева А.А.* — М.: Наука, 1977. — 359 с.
328. *Языковая* номинация: Виды наименований (II) / *Азнаурова Э.С., Телия В.Н., Уфимцева А.А.* и др.; Отв. ред. *Серебрянников Б.А., Уфимцева А.А.* — М.: Наука, 1977. — 358 с.
329. *Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и функционирование. — М.: Наука, 1986. — 207 с.
330. *Янко-Тринецкая Н.А.* Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка: Сб. ст. — М., 1964. — С.18-24.
331. *Ярцева В.Н.* Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики: Сб. работ. — М., 1968. — С.5-57.
332. *Bauer L.* English word — formation. — Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. — XIII, 311 p.
333. *Belentschikow R.* Substantivische Benennungsbildung in der russischen Gegenwartssprache und der deutschen Sprache in der DDR. — Peter Lang, 1992. — 289 S.
334. *Bidermann J.* Wortbildung und Phraseologie // Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen.

- Frankfurt a. M. ets.: Lang, 1991. — S. 123-138.
335. **Brajerski T.** O języku polskim dawnym i dzisiejszym. — Lublin: Katalicki Uniw. Lubelski, 1995. — VII, 526 s.
336. **Dobrovolskyi D.** Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik studiumen zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen Narr., 1995. — 272 S.
337. **Dvonč L.** Dynamika slovenskej morfológie / Sloven akad. vied. Jazykovedny ust. L`udovita Stura. — Br.: Vieda, 1984. — 122 s.
338. **Cilbert L.** La creativite lexicale. — Paris, 1975. — 187 p.
339. **Heller K., Herberg D., Lange Ch., Schnerrer R. Steffens D.** Theoretische und praktische Probleme der Neologishenlexikographie. Linguistische Studien. Reiche A. Arbeitsberichte, 184. Berlin, 1988. — 137 S.
340. **Heller L., Humez A., Dror M.** „The private lives” of English words / Forew. by Leech G. — L. ets.: Routledge & Kegan Paul., 1984. — XXX, 333 p.
341. **Horeckij J., Buzassyová K., Bosak J.** Dinamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. — Br.: Veda, 1989. — 430 s.
342. **Jelitte N.** Die russischen Nomina abstracta des 20. Jahrhunderts.- Frankfurt a. M. etc., 1990. — T. 1: Der lexikalische Bestand der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. — 405 S.
343. **Martincova O.** Problematika neologismü v současné spisovné češtiné. — Pr.: Univ. Karlova, 1983. — 160 s.
344. **Milroy J.** Linguistic variation and change: On the hist. linguistics of English. — Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. — 243 p.
345. **Ortner H., Ortner L.** Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung. — Tübingen: Narr, 1984. — 406 S.

346. **Reconnecting** language: Morphology and Syntax in functional perspectives. — Amsterdam; Philadelphia, 1997. — 336 p.
347. **Rey A.** Essays on terminology / Trans. a. ed by Sager J.C. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1995. — 223 p.
348. **Rigotti F.** Die Macht und ihre Metaphern: Über die Sprachlichen Bilder der Politik. — Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1994. — 239 S.
349. **Schutte D.** Computerbildschirm und kompjuternyj displej: Der at. u. russ. Computer wortschatz unter besonderer Berücksichtigung der Entlehnung. — Frankfurt a. M. etc: Lang, 1997. — 296 S.
350. **Sprachsituation** und Sprachkultur in internationalen Vergleich: aktuelle Sprachprobleme in Europa // Hrsg. **Scharnhorst J.**; mit einem Geleitwort von Ising E. — Frankfurt a. M. ets.: Lang, 1995. — 292 S.
351. **Vachek J.** Remarks on the dynamism of the system of language // Pragiana: Some basis a'less known aspects of the Prague Ling. school / sel., transl. a. ed. by Vachek J. a Dusková L. Amsterdam; Philadelphia, 1983, p. 241-254.
352. **Zagrodnikowa A.** Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie: O'srodek badań prasoznawczych. — Krakow, 1982. — 351 s.

Список словарей

1. *Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Е.В.* Словарь сокращений русского языка. — 3-е изд. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. — 486 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — 607 с.
3. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: Словарь разговорных выражений. — М.: ПАИМС, 1994. — 183 с.
4. *Большая* медицинская энциклопедия: В 30-ти т. / АМН СССР; Гл. ред. *Петровский В.В.* — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1974.
5. *Большая* советская энциклопедия: В 30-ти т. / Гл. ред. *Прохоров А.М.* — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1960-1978.
6. *Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П., Чельцова Л.К.* Слитно или раздельно (опыт словаря-справочника). — 5-е изд., испр. — М.: Сов. энциклопедия, 1985. — 479 с.
7. *Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р.* Словарь рыночной экономики. — СПб.: Петрополис, 1995. — 379 с.
8. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М.: Наука, 1976. — 455 с.
9. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. — М.: Наука, 1977. — 370 с.
10. *Комлев Н.Г.* Словарь новых иностранных слов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. — 144 с.
11. *Котелова Н.З.* Банк русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. — Л., 1983. — С.161-222.
12. *Краткая* литературная энциклопедия: В 8-ти т. / Гл.

- ред. **Сурков А.А.** — М.: Сов. энциклопедия, 1962-1975.
13. **Краткий** политический словарь / **Ашукин Н.С., Бутырский Н.П., Вебер А.Б.** и др. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Политиздат, 1971. — 295 с.
 14. **Лингвистический** энциклопедический словарь / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. **Ярцева В.Н.** — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
 15. **Музыкальная** энциклопедия: В 5-ти т. / Гл. ред. **Келдыш Ю.В.** — М.: Сов. энциклопедия, 1973.
 16. **Настольный** словарь для справок по всем отраслям знания Т.1-3 / Под ред. **Толля Ф. и Зотова В.** — СПб., 1863-1864.
 17. Новое в русской лексике: Словарные материалы — 80-84. — М.: Русский язык, 1984-1989.
 18. Новое в русской лексике: Словарные материалы — 1985-1992. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996-2004.
 19. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / **Бутарова Н.З., Котелова Н.З., Левашов Е.А.** и др.; Под ред. **Котеловой Н.З. и Сорокина Ю.С.** — М.: Сов. энциклопедия, 1973. — 543 с.
 20. **Новые** слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / **Левашов Е.А., Поповцева Т.Н., Фелицына В.П.** и др.; Под ред. **Котеловой Н.З.** — М.: Русский язык, 1984. — 808 с.
 21. **Новые** слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / **Буцева Г.Н., Денисенко Ю.Ф., Холодова Е.П.** и др.; Под ред. **Левашова Е.А.** — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 904 с.
 22. **Обратный** словарь русского языка / АН СССР. Вычислит. центр. — М.: Сов. энциклопедия, 1974. — 944 с.

23. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка / Под ред. **Шведовой Н.Ю.** — 15-е изд. — М.: Русский язык, 1984. — 816 с.
24. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка / Под ред. **Шведовой Н.Ю.** — 23-е изд. — М.: Русский язык, 1999. — 917 с.
25. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка / Рос. АН. Ин-т рус. яз. — М.: Азъ., 1995. — 207 с.
26. **Сводный** словарь современной русской лексики: В 2-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. **Рогожниковой Р.П.** — М.: Русский язык, 1991.
27. **Словарь** Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I-VI. — СПб., 1789-1794.
28. **Словарь** иностранных слов. — 15-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1988. — 608 с.
29. **Словарь** новых слов русского языка: Середина 50-середина 80-х гг. / Под ред. **Котеловой Н.З.** — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — 877 с.
30. **Словарь** перестройки (1985-1992) / Под ред. **Максимова В.И.** — СПб.: Златоуст, 1991. — 253 с
31. **Словарь** по кибернетике / **Дородницын А.А., Коваленко И.И., Бакаев А.А.** и др.; Под ред. **Глушкова В.М.** — Киев: Укр. сов. энциклопедия, 1979. — 623 с.
32. **Словарь** русского языка: В 4-х т. — 3-е изд. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. **Евгеньева А.П.** — М.: Русский язык, 1985-1988.
33. **Словарь** русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. I. / Под ред. **Грота Я.К.** — СПб., 1891-1895.
34. **Словарь** современного русского литературного языка: В 17-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. — М.-Л., 1948-1965.
35. **Словарь** современного русского литературного язы-

- ка: В 20-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. — М.: Русский язык, 1991. -
36. **Толковый** словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. **Ушакова Д.Н.** — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940.
37. **Толковый** словарь русского языка XX в.: Языковые изменения / РАН. Ин-т лингв. исследований; Под ред. **Скляревской Г.Н.** — СПб.: Фолио-пресс, 1998. — 800 с.
38. Толковый словарь русского языка начала XIX века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н.Скляревской. — М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.
39. **Яновский Н.М.** Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т.2 — СПб., 1804.
40. **Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K.** The Barnhart dictionary of new English since 1963. — New-York, 1973. — 512 p.
41. **Cilbert P.** Dictionnaire des mots nouveaux. — Paris, 1971. — 572 s.

Список сокращенных обозначений

1. АиФ — Аргументы и факты.
2. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. — М.-Л., 1948-1965.
3. Изв. — Известия.
4. Комс. правда — Комсомольская правда.
5. Крим. хроника — Криминальная хроника.
6. МАС — Словарь русского языка: В 4-х т.-3-е изд. / АН СССР. Ин-т рус. яз. — М.: Русский язык, 1985 — 1988.
7. Лит. газета — Литературная газета.
8. Лит. Россия — Литературная Россия.
9. Моск. комсомолец — Московский комсомолец.
10. Моск. новости — Московские новости.
11. Нез. газета — Независимая газета.
12. Нов. мир — Новый мир.
13. НСЗ-60 — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. — М.: Сов. энциклопедия, 1971 (2-е изд. — 1973).
14. НСЗ-70 — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. — М.: Рус. яз., 1984.
15. НСЗ-80 — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. -СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
16. Общ. газета -Общая газета.
17. Рос. газета — Российская газета.
18. СИС — Словарь иностранных слов. — 15-е изд. — М.: Рус. яз., 1988 (17-е изд., испр. — 1988).
19. СМ — Новое в русской лексике: Словарные материалы-80 — 1988. — М.: Рус. яз. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1984 -1996.

Научное издание

Елена Викторовна Сенько

**НЕОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕЖУРОВНЕВЫЙ АСПЕКТ**

Редактор издательства Е. С. Васильева
Технический редактор В. В. Гаврилова
Корректор Н. Е. Желдакова
Компьютерная верстка А. В. Черная

Печатается с оригинал-макета, подготовленного автором.

Лицензия ИД №02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 03.07.2007. Подписано к печати 10.08.2007.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум.офс. Гарнитура шрифта “Times”.
Печать на ризографе. Усл. п. л. 20,7. Уч-изд. л. 18.
Тираж 200 экз. Тип. заказ № 54.

Санкт-Петербургская издательская фирма “Наука” РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

Е-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
СОИГСИ им. В. И. Абаева, 362040, г.Владикавказ, пр.Мира, 10

ISBN 978-5-02-025192-2

9 785020 251922